

ВОЗВРАЩЕЦ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО - ГРУППА „ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН“

МАЙКЛ ПАНКЕ

1823 год. Трапперы «Пушной компании Скалистых гор» ведут суровую жизнь на фронтире. Охотясь на бобра, они каждый день противостоят угрозе со стороны индейских племен, ступивших на тропу войны после вторжения белого человека на их земли, и другим враждебным силам прерий – беспощадной местности и её обитателям. Хью Гласс в числе самых ценных людей компании, опытный пионер и искусный следопыт. Но после встречи лицом к лицу с гризли в одной из разведывательных экспедиций он получает серьёзные увечья и находится при смерти.

Капитан компании выделяет двух людей, чтобы те остались присмотреть за Глассом до его кончины и предали земле. Но когда вместо этого они покидают его, прихватив с собой единственные средства защиты – его драгоценное ружье и тесак – Гласс одержим единственным желанием: выжить, чтобы отомстить.

С невероятным мужеством и решимостью Гласс ползком преодолевает три тысячи миль дикого американского фронта, справляясь с хищниками, как двуногими, так и четвероногими, с угрозой голодной смерти и мучительными болями от ужасных ран. «Возвращенец» – необыкновенный рассказ об одержимости, о безграничной воле, о том, как далеко может зайти человек в поисках возмездия.

«Возвращенец одна из самых поразительных, ярких и захватывающих историй выживания, которую я когда-либо читал.»

Акива Голдсман, обладатель Оскара за сценарий к фильму «Игры Разума».

«Выдающийся дебютный роман Майкла Панке "Возвращенец" –

поразительная история о невероятных скитаниях и мести, со страстью описывающая американский фронтир, который словно оживает на её страницах»

Ховард Фрэнк Мошер, автор романа «Посторонний»

Перевод - группа “Исторический роман“, 2015 год.

-
- [1 сентября 1823 года](#)
- [Часть Первая](#)
- [Глава первая](#)
- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)
- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)
- [Глава девятая](#)
- [Глава десятая](#)
- [Глава одиннадцатая](#)
- [Глава двенадцатая](#)
- [Глава тринадцатая](#)
- [Глава четырнадцатая](#)
- [Глава пятнадцатая](#)
- [Часть вторая](#)
- [Глава шестнадцатая](#)
- [Глава семнадцатая](#)
- [Глава восемнадцатая](#)
- [Глава девятнадцатая](#)
- [Глава двадцатая](#)
- [Глава двадцать первая](#)
- [Глава двадцать вторая](#)

- [Глава двадцать третья](#)
- [Глава двадцать четвертая](#)
- [Глава двадцать пятая](#)
- [Глава двадцать шестая](#)
- [Глава двадцать седьмая](#)
- [Глава двадцать восьмая](#)
- [Историческая справка](#)
- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)

- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

Перевод: группа “Исторический роман“, 2015 год.

Перевод и редакция: *david_hardy*, gojungle, Oigene, Sam1980 и Elena_Panteleeva .

Домашняя страница группы В Контакте:
http://vk.com/translators_historicalnovel

Поддержите нас: подписывайтесь на нашу группу В Контакте!

Посвящается моим родителям, Мэрилин и Бучу Панке

«Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь».

Они бросали его. Раненый понял это, взглянув на мальчика, который потупил взор, а затем отвел взгляд в сторону, не желая смотреть в глаза.

Изо дня в день мальчик спорил с мужчиной в волчьей шапке. *Действительно ли прошли дни?* Раненый боролся с лихорадкой и болью. Он так и не был уверен, были ли услышанные им разговоры реальностью или вымыслом воспаленного сознания.

Он поднял взор на высившуюся над поляной груду скал. На голом отвесном камне каким-то образом удалось прорасти одинокой скрученной сосне. Он разглядывал её не раз, но никогда ещё она не представала перед ним в таком виде, когда её прямые линии, казалось, составили крест. В первый раз он принял то, что умрет здесь, на этой поляне у родника.

Раненый чувствовал странную отчуждённость от действия, в котором играл главную роль. Они бы все погибли, если бы остались здесь, а индейцы поднялись вверх по реке. Тут же он задался вопросом - как бы он поступил на их месте. *Отдал ли бы я за них свою жизнь, ... если бы они в любом случае были обречены на смерть?*

- Ты уверен, что они поднимутся вверх по реке? - надтреснутым голосом спросил парень. В большинстве случаев он мог говорить баском, но часто срывался, когда не мог держать себя в руках.

Человек в волчьей шапке поспешно склонился у небольших козлов с мясом и принялся набивать свой парфлеш [\[1\]](#) полосками частично провяленного мяса. - Хочешь остаться и узнать?

Раненый попытался заговорить. Он опять почувствовал острую боль в горле. Раздался звук, но он не смог облечь его в форму слова, которое пытался высказать.

Человек в волчьей шапке не обратил внимания на звук, продолжив собирать свои немногочисленные пожитки, но паренек

обернулся. - Он пытается что-то сказать.

Паренек припал на колено рядом с раненым. Будучи не в состоянии говорить, мужчина поднял здоровую руку и указал.

- Он хочет свою винтовку, - сказал паренек. - Он хочет, чтобы мы оставили ему винтовку.

Мужчина в волчьей шапке пересек отделявшее их расстояние быстрыми, вымеренными шагами. И сильно пнул мальчика в спину. - Пошевеливайся, черт тебя дери.

От мальчика он споро перешел к раненому, лежавшему рядом с небольшой кучкой своих пожитков: ягдташ, нож в обшитых бисером ножнах, томагавк, винтовка и пороховой рожок. Человек в волчьей шапке наклонился подобрать ягдташ под беспомощным взглядом раненого. Он порылся в поисках кремня и кресала и забросил их в передний карман своей кожаной рубашки. Схватив пороховой рожок, он перекинул его через плечо. Томагавк он пристегнул к широкому кожаному ремню.

- Что ты делаешь? - спросил паренёк.

Мужчина вновь нагнулся, поднял нож и кинул его пареньку. - Возьми. Паренёк поймал его, с ужасом воззrivшись на ножны в руке. Осталась лишь винтовка. Человек в волчьей шапке подобрал её, быстро проверив, заряжена ли она. - Мне жаль, старина Гласс. Теперь тебе от них никакой пользы.

Мальчишка выглядел ошеломлённым. - Мы не можем бросить его без снаряжения.

Мужчина в волчьей шапке быстро оглянулся и затем исчез в лесу.

Раненый пристально смотрел на мальчика, который долгое время стоял с ножом в руке - его ножом. Наконец мальчишка поднял взор. Сначала показалось, что он собирается что-то сказать. Но вместо этого он резко обернулся и побежал к соснам.

Раненый не отрываясь смотрел на просвет между деревьями, в котором они исчезли. Его гневу не было границ. Он поглотил его подобно пламени, пробежавшему по сосновым иголкам. Он желал лишь обхватить их шеи руками и задушить.

Повинуясь инстинкту, он принялся было кричать, вновь запамятавав, что из горла вырываются не слова, а только боль. Он приподнялся на правом локте. Правую руку он мог слегка сгибать, но не мог на нее опираться. Движение отдалось мучительными приступами боли в шее и спине. Он глянул на свою ногу, туго перетянутую остатками кровавой рубашки. Нога не сгибалась.

Собрав все свои силы, он с трудом перекатился на живот. Раненый почувствовал треск разорвавшихся швов и теплую влажность свежей крови, выступившей на спине. Но боль не могла приглушить приступ его гнева.

Хью Гласс пополз.

Глава первая

21 августа 1823 года

- Моя баржа прибудет из Сент-Луиса со дня на день, месье Эшли, - повторил дородный француз своим учтивым, но непреклонным голосом. - Я с радостью продам "Пушной компании Скалистых гор" весь груз лодки, но не могу продать вам того, чего не имею.

Уильям Г. Эшли грохнул кружкой по грубо отесанным бревнам стола. Тщательно ухоженная серая борода не могла скрыть стиснутых зубов. Сжатые челюсти едва ли могли означать очередную вспышку гнева, так как Эшли столкнулся с тем, что презирал больше всего на свете - ожиданием.

Француз с весьма необычным именем Кайова Бразо с возрастающей тревогой наблюдал за Эшли. Присутствие Эшли в отдалённой фактории представляло собой редкую возможность, и Кайова понимал, что успешное налаживание отношений могло послужить прочным основанием для его предприятия. Эшли был видным человеком в политических и деловых кругах Сент-Луиса, человеком, располагавшим идеей распространить торговлю на запад и деньгами, чтобы претворить её в жизнь. "Чужими деньгами", как называл их Эшли. Пугливыми деньгами. Беспокойными. Деньгами, которые с лёгкостью перетекают из одного рискованного предприятия в другое.

Кайова бросил взгляд из-за своих толстых очков, и хоть зрение его не было острым, в людях он разбирался превосходно. - Простите меня, месье Эшли, но, возможно, я могу предложить вам утешительный исход, пока мы дожидаемся моей лодки.

Согласия Эшли не выказал, но и тирады своей не возобновил.

- Мне нужно заказать очередную партию товаров из Сент-Луиса, - продолжил Кайова. Завтра я отправлю с каноэ курьера вниз по реке. Он может отвезти письмо от вас к вашему синдикату. Вы можете обнадёжить их, прежде чем слухи о разгроме полковника Ливенворта пустят корни.

Глубоко вздохнув, Эшли сделал затяжной глоток эля и за недостатком альтернативы, сдался, смирившись с последней задержкой. Нравился он ему или нет, совет француза разумен. Ему необходимо дать своим вкладчикам дополнительные заверения, прежде чем вести о сражении разлетятся по улицам Сент-Луиса.

Кайова нащупал подход и поспешил удержать Эшли на благоприятном курсе. Француз достал перо, чернила и пергамент и, сложив их перед Эшли, наполнил жестяную кружку элем. - Оставляю вас с вашей работой, месье, - сказал он, довольный возможностью улизнуть.

Глубокой ночью, при тусклом свете сальной свечи Эшли писал:

Форт-Бразо

На Миссури

21 августа 1823 года

Джеймсу Д. Пиркенсу, эсквайру,

"Пиркенс и сыновья",

Сент-Луис

Дорогой мистер Пиркенс,

Моей несчастливой обязанностью является уведомить вас о событиях прошлых двух недель. По своей природе эти события должны изменить - но не к худшему - наше предприятие на Верхней Миссури.

Как вы уже, возможно, знаете, люди "Пушной компании Скалистых гор" подверглись нападению арикара [\[2\]](#) после честного обмена товаров на шестьдесят лошадей. Арикара напали без предупреждения, убив шестнадцать из наших людей, ранив с дюжину, и выкрали лошадей, которых днем ранее якобы нам

продали.

Перед лицом этого нападения я был вынужден отойти вниз по течению, в то же время запросив помощи у полковника армии США Ливенворта в ответ на это явное оскорбление суверенного права граждан США беспрепятственно пересекать Миссури. Я также запросил поддержки наших людей, которые с большим для них риском присоединились ко мне (ведомые капитаном Эндрю Генри) с места своей дислокации в Сент-Юнионе.

К девятому августа мы противостояли арикара объединенными силами в семьсот человек, включая двести солдат Ливенворта (с двумя гаубицами) и сорок человек "Пушной компании Скалистых гор". Мы также нашли союзников (хотя временных) в лице четырехсот воинов сиу [\[3\]](#), чья неприязнь к арикара вытекает из многовековой вражды, истоки которой я к сожалению не знаю.

Довольно будет заметить, что наши совместные силы были более чем достаточны, дабы оставить поле битвы за нами, наказать арикара за их предательство и открыть Миссури для нашего предприятия. Тем, что подобные результаты не были достигнуты, мы обязаны неумелому руководству полковника Ливенворта.

Детали сей бесславной баталии могут подождать моего возвращения в Сент-Луис, но достаточно будет сказать, что неоднократное нежелание полковника ввязываться в неравное сражение позволило всему племени арикара выскользнуть из нашей хватки, итогом чего явилось закрытие Миссури между Форт-Бразо и поселениями манданов [\[4\]](#). Где-то между нами и ними - триста арикара, несомненно заново укрепившиеся с целью сорвать все попытки подняться вверх по Миссури. Полковник Ливенорт вернулся в гарнизон в Сент-Аткинсоне, где он, несомненно, проведет зиму перед теплым камином, тщательно взвешивая свои возможности. Я не собираюсь его дожидаться. Наше предприятие, как вы знаете, едва ли может позволить себе потерю восьми месяцев.

Эшли остановился перечитать письмо. Письмо дышало гневом, но не передавало превалирующих в нем чувств - устоявшегося оптимизма, непоколебимой веры в собственную способность добиться успеха. Господь поселил его в саду несметных наград, землях Гесема, где может преуспеть каждый, имей он храбрость и отвагу попытаться. Слабости Эшли, которые он честно признавал, были лишь помехами, устраняемыми комбинацией его сильных сторон. Эшли предвидел задержки, но вот провалов он не терпел.

Эту неудачу мы обязаны использовать себе на пользу, надавить, пока наши противники взяли паузу. Учитывая, что Миссури, по сути дела, закрыта, я решил послать две группы на запад по разным дорогам. Капитана Генри я уже отослал вверх по Гранд Ривер. Он поднимется по Гранд как можно выше и вернется назад в Форт-Юнион. Джедедайя Смит поведёт второй отряд вверх по реке Платт. Его цель - воды Большого Бассейна. Несомненно, вы разделяете моё сильное огорчение по поводу нашей задержки. Теперь мы обязаны дерзко наступать, дабы отыграть упущенное время. Я наказал Генри и Смигу не возвращаться в Сент-Луис вместе с, добытой в Спринге, пушниной. Мы должны пойти за ними - встретиться на месте, обменивать пушнину на свежие припасы. Таким образом, мы сможем сэкономить четыре месяца и, по крайней мере, оплатить хотя бы часть нашего долга в срок. Тем временем я предлагаю набрать новый отряд охотников за пушниной в Сент-Луисе и отправить его в Спринг под моим руководством.

Огарок свечи зашипел, пустив зловонный черный дым. Эшли поднял голову, внезапно осознав, насколько уже поздно, и как он устал. Он обмакнул перо и вернулся к своей корреспонденции, теперь, когда подвел свой отчет к заключению, выводя буквы быстрее и уверенней.

Я настоятельно призываю вас в кратчайшие сроки передать нашему синдикату мою полную уверенность в неизбежном успехе предприятия. Несметная добыча была уготована нам Провидением, и мы обязаны не оконфузиться, дабы добиться по праву причитающейся нам доли.

Ваш покорный слуга,

Уильям Г. Эшли

Через два дня, 16 августа 1823 года, баржа Кайовы Бразо прибыла из Сент-Луиса. В тот же день Уильям Эшли снарядил и отправил своих людей на запад. Первое рандеву было намечено на лето 1824 года; место встречи следовало согласовать посредством курьеров. Не полностью осознавая всю важность своего решения, Уильям Г. Эшли изобрел систему, которая определит эпоху.

Глава вторая

23 августа 1823 года

Одиннадцать человек притаились в лагере без огня. Лагерь удобно расположился на небольшой возвышенности у берега Гранд-Ривер, но ровная местность почти не давала возможности укрыться. Огонь мог выдать их расположение за многие мили, а скрытность была лучшим союзником трапперов на случай повторной атаки. Большинство использовали последний час дневного света, чтобы почистить свои винтовки, починить мокасины или поесть. Мальчик заснул, как только они устроили привал - съезжившийся комок длинных конечностей в потрепанной одежде.

Люди, разбившись группами по три-четыре человека, прильнули к насыпи, прижались к скале и зарослям полыни, словно эти небольшие нагромождения могли обеспечить защиту.

Привычные для лагеря шутливые беседы сначала затмило несчастье на Миссури, а затем и полностью свело на нет второе нападение всего три ночи тому назад. Если они и заговаривали, то тихими и печальными голосами, в знак почтения к своим собратьям, устлавшим землю на их пути, и не забывая об опасностях, поджидающих впереди.

- Ты думаешь, он страдал, Хью? Я не могу выкинуть из головы, что все это время он умирал в мучениях.

Хью Гласс взглянул на задавшего вопрос Уильяма Андерсона. Прежде чем ответить, Гласс на мгновение задумался.- Я не думаю, что твой брат страдал.

- Он был старшим. Когда мы покидали Кентукки, семья наказала ему приглядывать за мной. Мне не сказали ни слова. Такое просто не

пришло им в голову.

- Ты сделал все, что мог для своего брата, Уилл. Это суровая истина, но он был мертв, когда пуля попала в него три дня тому назад

Новый голос слышался из тени возле насыпи. - Жаль, что мы не похоронили его, вместо того, чтобы тащить два дня. Говоривший присел на корточки. В сгустившихся сумерках его лицо почти не выделялось, за исключением тёмной бороды и светлого шрама. Шрам начинался от уголка рта, изгибаясь книзу словно рыболовный крючок. Его заметность усугубляло отсутствие растительности на месте рубца, прорезавшего в бороде нестираемую ухмылку. Говоря, он водил толстым лезвием разделочного ножа по точильному камню, смешивая слова с медленным дребезжащим скрежетом.

- Держи пасть на замке, Фицджеральд, или клянусь могилой брата, я вырву твой подлый язык.

- Могилой твоего братца? Немного теперь осталось от могилы, а?

Находившиеся поблизости люди внезапно насторожились, поражённые несвойственным Фицджеральду поведением.

Фицджеральд уловил внимание, и оно подстегнуло его. - Скорее кучка камней. Неужели ты думаешь, он ещё лежит там, разлагаясь? - Фицджеральд на мгновение смолк, слышалось лишь скрежетание стали по камню. - Лично я в этом сомневаюсь.

И опять он выдержал паузу, проверяя эффект своих слов. - Конечно, камни не дадут канюкам до него добраться. Но думается мне, койоты уже терзают его на мелкие части ...

Вскинув руки, Андерсон набросился на Фицджеральда.

Приподнявшись, чтобы встретить атаку, Фицджеральд резко выбросил вверх ногу, со всей силы попав Андерсону голенью в пах. От удара Андерсон сложился пополам, словно некая незримая нить нагнула его шею к коленям. Фицджеральд заехал беспомощному мужчине коленом в лицо, и Андерсон повалился на спину. Фицджеральд приставил разделочный нож к горлу Андерсона. - Хочешь присоединиться к братцу? - Фицджеральд надавил на нож, из-под лезвия выступила тонкая струйка крови.

- Фицджеральд, - спокойным, но властным голосом окликнул его Гласс. - Достаточно.

Фицджеральд поднял голову. Он раздумывал над ответом Глассу, с удовольствием отметив кольцо, окружавших его, зрителей. Лучше будет оставить за собой победу, решил он. С Глассом он поквитается в другой раз. Фицджеральд убрал нож от горла Андерсона и вогнал его в обшитые бисером ножны у пояса. - Не берись за дела, которые тебе не по плечу, Андерсон. В следующий раз я закончу их за тебя.

Сквозь кольцо зевак протолкнулся капитан Эндрю Генри. Схватив Фицджеральда за шиворот, он оттащил его, с силой припечатав к насыпи. - Еще одна драка, и ты вне игры, Фицджеральд, - Генри указал за черту лагеря. - Если у тебя моча бьет через край, можешь попытаться пойти в одиночку.

Капитан обвел взглядом окружающих.- Завтра мы покроем сорок миль, если кто-то не спит, то просто попусту тратит свое время. А теперь кто заступит в первый дозор? Никто не вышел вперед. Взгляд Генри остановился на мальчишке, не обращавшем внимание на сумятицу. - Вставай, Бриджер.

Парнишка подскочил, с широко раскрытыми глазами ошалело схватившись за оружие. Ржавый торговый мушкет [\[5\]](#) был выдан ему в качестве задатка жалования, вместе с желтым пороховым рожком и запасом кремней.

- Я хочу, чтобы ты отошел на сто ярдов вниз по течению. Найди место повыше у берега реки. Кабан, а ты – вверх по течению. Фицджеральд, Андерсон - второй дозор ваш.

Фицджеральд стоял в дозоре прошлую ночь. На мгновение показалось, что он возмутится распределением обязанностей. Но затем, передумав, он поплёлся к краю лагеря. Парнишка, ещё не пришедший в себя, то и дело спотыкаясь, побрёл среди усеивавших берег реки валунов и исчез в синеве ночи, поглотившей отряд.

Человек по прозвищу Кабан родился Финеусом Гилмором на грязной убогой ферме в Кентукки. В его прозвище не было никакой

тайны - он был огромен и грязен. Запашок от Кабана шёл такой, что сбивал людей с толку. Столкнувшись с его вонью, люди начинали оглядываться вокруг, пытаясь найти источник сего аромата, настолько невероятным казалось, что подобное зловоние может исходить от человека. Даже трапперы, не отличавшиеся особой чистоплотностью, старались держать Кабана с подветренной стороны. Медленно поднявшись на ноги, Кабан закинул на плечо винтовку и не спеша поплёлся вверх по течению.

Меньше чем за час погасли последние лучи дневного света. Гласс наблюдал за капитаном Генри, вернувшимся с обхода часовых. В лунном свете он пробирался среди спящих, и Гласс внезапно осознал, что лишь они с Генри бодрствовали. Капитан выбрал место рядом с Глассом, опустил наземь свое грузное тело, и оперся на винтовку. Смена положения сняла тяжесть с его усталых ног, но не смогла облегчить гнёта, столь сильно его снедавшего.

- Я хочу, чтобы завтра ты с Чёрным Харрисом провели разведку, - произнёс капитан Генри. Гласс поднял голову, расстроенный тем, что не поддался чарам манящего сна.

- Найди что-нибудь подстрелить к полудню. Рискнем стрелять, - Генри понизил голос, словно в чём-то признаваясь. - Мы порядком отстаем, Гласс. Слова Генри дали понять, что разговор предстоит долгий. Гласс потянулся за своей винтовкой. Если он не может заснуть, то вполне может почистить ружьё. Переходя вброд реку сегодня днём, он намочил его и хотел смазать спусковой механизм.

- К началу декабря усилятся холода, - продолжил капитан. - У нас уйдут две недели на то, чтобы запастись мясом. Если мы не окажемся в Йеллоустоуне до наступления октября, то никакой осенней охоты не будет.

Если капитана Генри и обуревали внутренние сомнения, то внешность командира не выдавала никаких признаков нерешительности. С плеч и груди его туники из кожи оленя свисала бахрама - напоминание о прошлой профессии рабочего свинцового рудника в округе Сент-Женевьев, в Миссури. У капитана была тонкая талия, где на толстом кожаном ремне крепилась пара пистолетов и

большой нож. Штаны до колен из оленьей кожи, а ниже уже из рыжей шерсти. Брюки капитана были сшиты на заказ в Сент-Луисе и олицетворяли собой прежний опыт в глуши. Кожа давала отличную защиту, но после пересечения реки вброд становилась тяжёлой и холодной. Шерсть же, напротив, быстро высыхала и сохраняла тепло, даже будучи сырой.

Возглавляемая им бригада была пёстрым сборищем, но Генри на худой конец довольствовался тем, что его звали "капитаном". В действительности, Генри, разумеется, понимал, что звание было пустым звуком. Его отряд не имел ничего общего с армией и относился с пренебрежением к любой власти. Из всех трапперов только Генри побывал и даже ставил капканы на Три-Форкс. Пусть звание ничего не значило, но именно опыт играл главную роль.

Капитан сделал паузу, ожидая одобрения Гласса. Гласс отвел глаза от винтовки и бросил на него быстрый взгляд, потому что открутил изящно завитую спусковую скобу, укрепленную поверх пары спусковых крючков. Он бережно зажал в ладони два винтика, боясь уронить их в темноте.

Взгляда оказалось достаточно, чтобы Генри продолжил рассказ.- Я когда-нибудь упоминал о Друяре?

- Нет, капитан.

- Ты знаешь, кем он был?

- Джордж Друяр из Экспедиционного Корпуса?

Генри кивнул. - Один из лучших людей Льюиса и Кларка [\[6\]](#) - скаут и охотник. В 1809-ом году он записался в возглавляемую мной экспедицию к Три-Форкс. У нас было сто человек, но лишь Друяр и Колтер до этого там бывали.

- Мы нашли бобров, раздувшихся, как москиты. Нам даже не приходилось ставить капканы, можно было просто глушить их дубиной. Но с самого начала мы нарвались на черноногих [\[7\]](#). Не прошло и двух недель, как пятеро погибли. Нам пришлось устроить временный форт, и мы не могли высылать партии трапперов.

Друяр прятался вместе с остальными где-то с неделю, прежде

чем заявить, что устал от протирания штанов. На следующий день он покинул лагерь и вернулся неделю спустя с двенадцатью бобровыми шкурами.

Гласс внимательно слушал капитана. Каждый из жителей Сент-Луиса обладал разными сведениями об истории Друяра, но Глассу никогда не доводилось слышать её от очевидца.

- Он проделал это дважды - вышел и вернулся с кипой шкурок. Когда он уходил в третий раз, то произнес на прощанье: «Третий раз – замороженный». Он отъехал, и спустя полчаса мы услышали два выстрела - один из его винтовки, второй из пистолета. Вторым выстрелом он, должно быть, пристрелил лошадь в попытке сделать укрытие. Там мы и нашли его - за лошадью. На его теле и в лошади было около двадцати стрел. Черноногие оставили стрелы, они хотели послать нам предупреждение. Вдобавок они разделали его - отрезали голову.

Капитан опять смолк, ковыряя палкой в грязи перед собой. - Я не перестаю думать о нём.

Гласс попытался подобрать ободряющие слова. Но прежде чем он что-то произнес, капитан спросил: - По твоим подсчётам, далеко ли река тянется на запад?

Теперь Гласс внимательно взглянул в глаза капитану. - Мы наверстаем потерянное время, капитан. Можем некоторое время следовать течению Гранда. Мы знаем, что Йеллоустоун на северо-западе. По правде говоря, у Гласса имелись значительные сомнения насчет капитана. Неудачи липли к нему, как палая листва

- Ты прав, - произнес капитан. - Ты прав, - повторил он, словно убеждая в этом самого себя.

Хотя все эти познания дались ему нелегко, Генри как никто другой знал Скалистые горы. Гласс, опытный житель равнин, никогда не ступал на земли Верхней Миссури. Тем не менее, голос Гласса успокаивал и ободрял Генри. Кто-то поведал ему, что в молодости Гласс был моряком. Ходили даже слухи о том, что он был узником пирата Жана Лафита. Возможно, именно годы, проведенные им на бескрайних морских просторах, придавали ему спокойствия на

безликих равнинах между Сент-Луисом и Скалистыми горами.

- Нам повезет, если черноногие не вырежут весь Форт-Юнион. Людей, которых я там оставил, лучшими не назовешь. Капитан всю ночь без остановки продолжал свой привычный перечень проблем. Гласс знал, что достаточно просто слушать. Он бросал быстрые взгляды или ворчал время от времени, но в основном занимался своей винтовкой.

Винтовка Гласса была единственной роскошью в его жизни, и когда он смазывал маслом спусковой механизм шнеллера [\[8\]](#), то делал это с нежной привязанностью, которую другие мужчины могут питать к жене или ребенку. Это был Анстадт, так называемый кремневый мушкет Кентукки, сделанный, как и многое выдающееся оружие того времени, немецкими оружейниками из Пенсильвании.

Восьмигранный ствол возле ложа украшало клеймо его создателя, Якоба Анстадта, и место изготовления - Кутцтаун, Пенсильвания. Ствол был коротким, в тридцать шесть дюймов. Классические винтовки Кентукки были длиннее, стволы некоторых достигали пятидесяти дюймов. Глассу же нравилось короткое оружие. Короткое - значит лёгкое, а легкое и нести проще.

В те редкие случаи, когда ему доводилось ехать верхом, короткое оружие было проще использовать с седла. Кроме того, искусная нарезка ствола Анстадта делала его убийственно точным даже без длинного ствола. Шнеллер ещё больше увеличивал точность, позволяя стрелять легким прикосновением к крючку. С полным зарядом в двести гранул чёрного пороха Анстадт мог пустить пулю .53 калибра почти на двести ярдов.

Прежняя жизнь в западных долинах научила Гласса тому, что надёжность винтовки проводила грань между жизнью и смертью. Конечно, и у остальных трапперов было надежное оружие, но Анстадт выделялся своей изящностью.

Именно её красота бросалась в глаза остальным, и они часто просили поддержать винтовку в руках. Крепкий как железо, деревянный приклад из грецкого ореха переходил в изящный изгиб

шейки ложа, но достаточно толстый, чтобы погасить отдачу мощного порохового заряда. С одной стороны приклада находился пенал для патронов, а с другой был вырезан выступ для щеки. Изящно отделанная пятка приклада ложилась на плечо, словно была продолжением руки стрелка. Приклад был покрыт тёмно-коричневым лаком, почти чёрным. Даже с близкого расстояния невозможно было заметить волнистые линии дерева, но при тщательном осмотре оказывались видны неправильной формы завитки, выступавшие под стёртым от прикосновения рук лаком.

И последней роскошью были металлические крепления, покрытые серебром вместо обычной меди. Посеребрены были пятка приклада, предохранитель, спусковые крючки и обе скобки шомпольного гнезда. Многие трапперы отделывали стволы своих винтовок медью. Гласс даже и думать не хотел о таком аляповатом обезображивании своего Анстада.

Довольный тем, что каналы винтовки прочищены, Гласс вставил спусковую скобу в паз и привинтил держащие её два шурупа. Он насыпал свежий порох на полку под кремнем, и ружье было готово к стрельбе.

Внезапно он заметил, что в лагере воцарилась тишина, и удивился, что капитан перестал говорить. Гласс взглянул в центр лагеря. Там лежал спящий капитан; тело его подёргивалось. По другую сторону от Гласса, неподалеку от черты лагеря, лежал Андерсон возле ствола плавника. Не было слышно ни единого звука, кроме умиротворяющего журчания реки.

Резкий треск мушкета прорезал тишину. Звук раздался ниже по течению, со стороны мальчишки, Бриджера. Спавшие трапперы, все как один, вскочили; перепуганные и сбитые с толку они схватились за оружие и бросились в укрытие. Из темноты вниз по течению в сторону лагеря вырисовался тёмный силуэт. Андерсон, стоявший возле Гласса, одним движением взвёл и вскинул винтовку. Гласс поднял Анстада. Мчащаяся фигура обрела форму лишь в сорока ярдах от лагеря. Андерсон приложился к стволу, на мгновение замешкавшись, прежде чем спустить курок. В то же самое мгновение

Гласс махнул Анстадтом под руку Андерсона. От удара ствол Андерсона задрался к небу одновременно с воспламенившимся порохом.

Мчавшаяся фигура замерла при разрыве выстрела, расстояние сократилось, и теперь можно было заметить расширившиеся глаза и вздымающуюся грудь. Это был Бриджер. - Я... мое... я... - он бормотал в панике, словно парализованный.

- Что произошло, Бриджер? - спросил капитан, вглядываясь в темноту вниз по течению. Трапперы сбились в оборонительный полукруг, с насыпью за спиной. Большинство приняли позицию для стрельбы, припав на колени с взведенными курками.

- Прошу прощения, капитан. Я не собирался стрелять. Мне послышался треск в кустах. Я поднялся, и, кажется, курок соскользнул. Ружьё само выстрелило.

- Скорее всего, ты заснул, - Фитцджеральд поставил винтовку на предохранитель и поднялся с колен. - Теперь каждый индеец в радиусе пяти миль помчится прямо на нас.

Бриджер пытался заговорить, но тщетно искал слова, способные выразить всю глубину его стыда и сожаления. Так он и стоял, с разинутым ртом, в ужасе глядя на людей, собравшихся вокруг. Вперёд выступил Гласс и выхватил гладкоствольный мушкет из рук Бриджера.

Он взвёл мушкет и спустил курок, поймав большим пальцем ударник, прежде чем кремёнь ударился об огниво. Затем он повторил процесс. - Это жалкая пародия на оружие, капитан. Дайте ему новую винтовку, и у нас будет меньше проблем с часовыми. Кое-кто согласно кивнул.

Капитан посмотрел сначала на Гласса, затем на Бриджера, и произнес: - Андерсон, Фитцджеральд - ваш дозор. Двое мужчин заняли свои посты; один вверх по течению, другой - вниз.

Часовые оказались излишними. Никто не заснул в оставшиеся до рассвета часы.

Глава третья

24 августа 1823 года

Гласс всматривался в следы, глубокие отметины, отчётливые, как газетная бумага на грязи. Пара чётких следов начиналась у кромки реки, где олень, должно быть, пил воду, и затем уходила дальше в густые заросли ивняка. Неутомимые бобры проделали в ней тропинку, по которой теперь ходила разнообразная дичь. Рядом со следами был навален помёт, и Гласс, нагнувшись, потрогал катышки размером с горошину - ещё тёплые.

Гласс посмотрел на запад, где солнце все ещё высилось над плато, которое сливалось с далёким горизонтом. По его подсчётам, до заката оставалось три часа. Ещё рано, но капитану с остальным отрядом потребуется целый час, чтобы нагнать его. Кроме того, это идеальное место для бивуака. Река тут плавно несла свои воды вдоль длинной отмели и берега, усеянного галькой. Ивняк был отличным местом для коптильни. Среди ивняка, вот удача, Гласс заметил растущие отдельно сливовые деревья. Из фруктов и мяса они могли сделать пеммикан [\[9\]](#). Он посмотрел вниз по течению. *Где же Чёрный Харрис?*

В иерархии проблем, с которыми трапперы сталкивались каждый день, добыча еды была самой насущной. Как и все остальные, она включала в себя сложный процесс уравнивания преимуществ и рисков. Они практически не несли с собой никакой провизии, после того как оставили баржи на Миссури и пешком поднялись к верховьям Гранда. У некоторых всё ещё хранились чай с сахаром, но большинство осталось лишь с мешочком соли для длительного хранения мяса. Добыча дичи подразумевала стрельбу, а эхо выстрела

могло разнестись на многие мили, выдав их местоположение врагам.

Оставив Миссури, отряд придерживался строго определённого распорядка.. Каждый день два скаута шли впереди отряда. В настоящее время маршрут отряда был определён - они просто следовали течению Гранда. Основными обязанностями скаутов было обходить стороной индейцев, выбирать места для бивуака и добывать еду. Раз в несколько дней они подстреливали свежую дичь.

Подстрелив оленя или телёнка бизона, скауты обустроивали лагерь для вечера. Они выпускали у дичи кровь, собирали дрова и зажигали два-три небольших костра в узких прямоугольных ямах. Маленькие костры давали меньше дыма, чем один большой, и в то же время предлагали больше очагов тепла и мест для копчения мяса. А на случай, если их в ночи заметит враг, несколько костров создавали иллюзию большей численности отряда.

Покончив с кострами, скауты разделывали дичь, откладывали лучшие куски на ужин, а остальное разрезали на тонкие полоски. Из зелёных ветвей ивы они сооружали грубые козлы, втирали в полоски мяса немного соли и подвешивали их над огнем. Мясо, конечно, было не таким, какое они вялили в постоянном лагере, и которое можно было хранить месяцами. Но прокопченное мясо сохранится несколько дней до следующей охоты.

Гласс вышел из ивняка на поляну, высматривая оленя, который, как он знал, должен находиться прямо перед ним.

Он увидел медвежат, прежде чем заметил медведицу. Их было двое, и они покатались к нему, потягивая, как игривые щенки. Медвежата, должно быть, появились на свет весной, и в пять месяцев весили каждый по сто фунтов. Покусывая друг друга, они устремились к Глассу. На короткий миг сцена была почти комичной. Зачарованный вертевшимися медвежатами, Гласс не смотрел на дальнюю кромку поляны в пятидесяти ярдах от него. Как и не задумался о последствиях присутствия здесь медвежат.

И вдруг он понял. Хью похолодел на миг раньше, чем по поляне прокатился раскатистый рык. Медвежата мгновенно замерли, где-то в десяти шагах от Гласса. Не обращая на медвежат внимания, Хью

смотрел на заросли посреди поляны.

Он услышал её размер до того, как увидел. Размеры выдал не только треск густого кустарника, который медведица подминала как траву, но и само рычание, глубокое, как грохот падающего дерева, бас, который мог исходить лишь от крупной особи.

Рык усилился, когда она вышла на поляну, уставившись тёмными глазками на Гласса. Медведица припала носом к земле, улавливая чужой запах, который смешался с запахом медвежат. Когда медведица заметила Гласса, её тело поджалось и напряглось, как тяжелая рессора телеги. Гласса поразила невероятная мощь животного; толстые колоды предплечий переходили в массивные плечи, а над ними высился серебристый горб, что выдавало в ней гризли.

Гласс пытался овладеть собой, обдумывая свои шансы. Его первым побуждением, конечно же, было бежать; назад через ивняк к реке. Вероятно, он мог глубоко нырнуть и ускользнуть вниз по течению. Но медведь уже находился очень близко, меньше чем в ста футах перед ним. Его глаза отчаянно забегали в поисках тополя; возможно, ему бы удалось вскарабкаться подальше от лап медведя и затем выстрелить с верхушки. Нет, деревья были за медведицей. И ивняк не мог послужить защитой. Все варианты свелись к одному - встать и стрелять. Один шанс остановить гризли пулей .53 калибра из Анстада.

Медведица помчалась на него; её гневный рёв был полон материнской ярости. Страх вновь чуть не заставил Гласса повернуться и побежать. Но при виде того с какой скоростью медведица покрывала отделявшее их расстояние, тщетность побега была совершенно очевидна. Гласс взвёл курок и вскинул Анстада, в ужасе смотря сквозь целик мушкета, как животное может быть столь огромным и в то же время грациозным. Он поборол очередное искушение - выстрелить незамедлительно. Глассу доводилось видеть, как гризли принимал на себя несколько пуль и не умирал при этом. У него один выстрел.

Глассу не удавалось поймать в прицел подскакивавшую голову

медведицы. В десяти шагах гризли поднялся на задние лапы. Медведица возвышалась над Грассом на добрых три фута, а потом взмахнула смертоносными когтями. Почти в упор Хью прицелился в сердце огромной медведицы и спустил курок.

Кремень воспламенил полку Анстадта. Раздался выстрел, наполнив воздух дымом и запахом разорвавшегося чёрного пороха. Пуля угодила медведице в грудь. Она зарычала, но не остановилась. Гласс бросил бесполезную теперь винтовку и потянулся к ножнам на поясе, за ножом. Медведица опустила лапу, и Гласс почувствовал страшную боль, когда шестидюймовые когти вонзились ему глубоко в предплечье, плечо и горло. Удар отбросил его на спину. Нож выпал из руки. Хью бешено принялся отталкиваться ногами от земли, пытаясь добраться до укрытия ивняка.

Припав на лапы, гризли бросился за ним. Гласс свернулся комком, отчаянно стараясь защитить лицо и грудь. Медведица впилась ему в затылок, оторвала от земли и затрясла с таким неистовством, что Глассу показалось, что его хребет сейчас треснет. Он почувствовал, как её зубы вгрызлись ему в лопатку. Когти без остановки рвали его спину и голову. От ужасной боли он закричал. Она бросила его и затем глубоко погрузила зубы в бедро; опять затрясла, подняв и кинув наземь с такой силой, что оглушила. Гласс оставался в сознании, но не мог больше сопротивляться.

Лежа на спине, он смотрел вверх. Медведица стояла перед ним на задних лапах. Боль и ужас отступили, уступив место смеси страха с восхищением, возвышающимся над ним, животным. Медведица в последний раз заревела, что отозвалось в сознании Гласса далёким эхом. Он чувствовал на себе непомерную тяжесть. Зловоние шкуры медведицы подавило все его чувства. *Что это?* Его сознание заметалось, остановившись на образе желтой собаки, лижущей лицо мальчику на деревянном крыльце коттеджа.

Освещенное солнцем небо над ним потемнело.

Чёрный Харрис услышал выстрел возле излучины реки и понадеялся, что Гласс подстрелил оленя. Он быстро, но бесшумно пошел вперед, зная, что винтовочный выстрел мог означать многое.

Заслышав рёв медведя, Харрис перешёл на бег. И тут он услышал крик Гласса.

В ивняке Харрис отыскал следы оленя и Гласса. Внимательно прислушиваясь, он осмотрел тропу, проделанную бобрами. Но кроме приглушенного журчания реки не раздавался ни один звук. Харрис поднял винтовку, положив большой палец на курок, а указательный на спусковой крючок. Бросив беглый взгляд на пистолет у пояса, он убедился, что тот заряжён. Он вошел в ивняк, смотря вперед и осторожно делая каждый шаг. Тишину нарушило тьяканье медвежат.

У кромки поляны Черный Харрис остановился, поражённый развернувшейся перед ним сценой. Огромный гризли лежал, распластавшись на животе, с открытыми, но безжизненными глазами. Один из медвежат, встав на задние лапы, тыкал медведицу носом, тщетно пытаясь отыскать какие-либо признаки жизни. Другой медвежонок во что-то вцепился, дёргая зубами. Внезапно Харрис осознал, что это человеческая рука.

Гласс. Он вскинул винтовку и пристрелил ближнего медвежонка. Тот упал. Его брат бросился к тополям и исчез в них. Прежде чем пойти вперед, Харрис перезарядил винтовку.

Капитан Генри и остальной отряд слышали два выстрела и поспешили вверх по течению. Первый выстрел не встревожил капитана, но после второго он забеспокоился. Первый выстрел был вполне ожидаем - Гласс или Харрис пристрелили дичь, как и было обговорено прошлой ночью. Дуплет также был нормальным явлением. Идущие вместе охотники могли наткнуться на несколько особей или первый стрелок мог промахнуться. Но выстрелы отделяло несколько минут. Капитан полагал, что охотники работали отдельно. Возможно, первый спугнул дичь ко второму. Или, может, им посчастливилось выйти на бизона. Бывали случаи, когда бизон оставался на месте, сбитый с толку щелчком винтовки, позволяя охотнику перезарядить и спокойно сделать второй выстрел. - Подтянитесь, ребята. И проверьте оружие.

В третий раз за последние сто шагов Бриджер проверил новую винтовку, подаренную ему Андерсоном.- Моему брату она больше

не понадобится, - сказал ему Андерсон.

А на поляне Чёрный Харрис осматривал тело медведицы. Из-под неё торчала рука Гласса. Харрис огляделся, прежде чем опустил винтовку и потянул медведицу за ногу, пытаясь сдвинуть тушу. Он оттащил животное на достаточное расстояние, чтобы рассмотреть голову Гласса - кровавое месиво волос и мяса. *Иисусе!* Он лихорадочно заработал, пытаясь подавить страх перед тем, что мог увидеть.

Харрис подошёл с другой стороны медведя, взобрался на него, схватил за переднюю лапу и потянул, упершись коленками в тушу гризли. После нескольких попыток ему удалось стащить половину медведя так, что теперь огромное животное лежало, согнувшись пополам. Затем он несколько раз потянул за заднюю лапу. Наконец, последнее усилие, и медведица со стуком тяжело завалилась на спину. Гласс был свободен. На груди медведицы Чёрный Харрис заметил струйку крови, в том месте, куда попал Гласс.

Чёрный Харрис в замешательстве опустился на колени рядом с Глассом. Дело было не в отсутствии опыта обращения с ранеными. Ему доводилось извлекать стрелы и пули у трёх человек, его самого подстрелили дважды.

Но никогда ещё он не видел такого изувеченного тела, да еще сразу после нападения. Гласс был разделан с головы до ног. Его скальп болтался, свесившись на одну сторону, и Харрис не сразу распознал все черты лица. Хуже всего дело обстояло с горлом. Когти гризли прорезали три глубокие борозды, начинающиеся от плеча и проходящие прямо по шее. Ещё дюйм, и когти могли перерезать артерию. Тем не менее, когти раскроили ему горло, разрезав мускулы и обнажив пищевод. Вдобавок, они взрезали трахею, и Харрис в ужасе наблюдал, как огромные пузыри лопались в, вытекающей из раны, крови. Первый очевидный признак того, что Гласс жив.

Харрис осторожно перевернул Гласса на бок, чтобы осмотреть спину. От хлопчатобумажной рубашки ничего не осталось. Из глубоких колотых ран на шее и плечах сочилась кровь. Правая рука неестественно свесилась. С середины спины до самого пояса когти

медведя оставили глубокие параллельные порезы. Они напомнили Харрису виденные им стволы деревьев, которые царапали медведи, отмечая свою территорию, только тут метки были вырезаны в плоти вместо дерева. С задней стороны бедра кровь сочилась сквозь штаны из оленьей кожи.

Харрис представления не имел, с чего начать, и почти испытывал облегчение от того, что рана на горле выглядела определенно смертельной. Он оттащил Гласса к заросшей травой, тенистой прогалине и положил его на спину. Не обращая внимания на пузырившееся горло, Харрис занялся головой. Гласс по-крайней мере заслуживал чести носить свой скальп. Кожа сильно отошла и ему казалось, будто он одевает упавшую шляпу на лысину. Харрис приложил скальп к черепу Гласса, прижав отошедшую кожу ко лбу и заткнув её за ухо. Можно будет зашить её потом, если Гласс до того протянет.

Услышав шорох в кустах, Харрис выхватил пистолет. На поляну ступил капитан Генри. За ним угрюмо следовали остальные, беспокойно перебегая глазами от Гласса к медведице, от Харриса к мёртвому медвежонку.

Капитан внимательно осматривал поляну; впад в оцепенение, пока в его сознании всплыла картина из прошлого. Он покачал головой, и на мгновение его обычно проницательный взгляд затуманился.- Он мёртв?

- Пока нет. Но он на куски разодран. Трахея перерезана.

- Медведицу он убил?

Харрис кивнул. - Я нашел ее мёртвой, лежащей на нём. У неё в сердце пуля.

- Видать, не скоро сдохла, - хмыкнул Фицджеральд.

Капитан встал на колени рядом с Глассом. Грязными пальцами он коснулся раны на горле, где при каждом выдохе лопались кровавые пузыри. Дыхание Гласса стало прерывистым; тёплый воздух со свистом вырывался в унисон со вздымающейся грудью.

- Кто-нибудь, принесите мне чистую полоску ткани, воды и виски, на случай, если он очнётся.

Бриджер шагнул вперёд, роясь в заплечном ранце. Он извлек оттуда шерстяную рубаху и вручил её Генри.- Держите, капитан.

Капитан замешкался, не решаясь взять рубашку мальчика, но затем всё-таки схватил и разорвал грубую ткань на полоски. Содержимое своей фляги он влил в глотку Глассу. Кровь мгновенно смыло, она сменилась потоком воды из раны. Гласс поперхнулся и принялся кашлять. Глаза его затрепетали и затем широко открылись в панике.

Первым ощущением Гласса было, что он тонет. Он кашлянул ещё раз, когда его организм старался освободиться от крови в горле и лёгких. Его взгляд бегло остановился на Генри, когда капитан перекатил его на бок. Лежа на боку, Глассу удалось дважды вдохнуть, прежде чем его затошнило. Его вырвало, и это сопровождалось мучительной болью в горле. Гласс машинально потянулся к шее. Его охватил панический ужас от того, что нащупали пальцы. Глаза дико расширились в поиске утешения в лицах окружающих. Но увидели противоположное - ужасное подтверждение его страхов.

Гласс попытался заговорить, но из горла вырвался лишь жалобный стон. Он пытался приподняться на локте. Генри придавил его к земле, залив виски ему в рот. Жгучий огонь захлестнул всю боль. Гласс дёрнулся в последний раз, после чего вновь потерял сознание.

- Нам надо перевязать раны, пока он лежит. Нарезь побольше полосок, Бриджер.

Мальчик принялся отрывать длинные полосы от рубахи. Другие мрачно за ними наблюдали, стоя, словно носильщики гроба на похоронах.

Капитан поднял взгляд. - Все остальные, пошевеливайтесь. Харрис прочеши местность возле нас широким кольцом. Убедись, что выстрелы не привлекли к нам внимания. Разожгите костры и смотрите, чтоб дрова были сухими, нам не нужны чёртовы дымовые сигналы. И разделайте эту медведицу.

Люди разошлись, и капитан вновь вернулся к Глассу. Взяв полоску ткани у Бриджера, он обмотал шею Гласса так туго,

насколько осмелился. Он добавил ещё две полоски. Ткань мгновенно пропиталась кровью. Ещё одну он обернул вокруг головы Гласса в неловкой попытке удержать скальп. Раны на голове кровоточили сильнее всего, и капитан смывал водой и тряпкой, струящуюся по глазам Гласса, кровь. Он отправил Бриджера к реке наполнить флягу.

Когда Бриджер вернулся, они вновь перекатали Гласса на бок. Бриджер держал его голову над землей, пока капитан Генри осматривал спину. Он облил водой колотые раны от клыков медведицы. Хотя и глубокие, кровоточили они не сильно. Другое дело - пять продольных порезов на спине. В особенности два из них. Когти глубоко врезались в спину Глассу, обнажив мышцы и вызвав обильное кровотечение. С кровью смешалась грязь, и капитан опять плеснул воду из фляги. Без грязи раны закровоточили ещё сильнее, так что капитан оставил их в покое. Он отрезал две длинные полоски от рубашки, обмотал вокруг тела Гласса и туго перевязал. Перевязка почти не остановила кровотечения.

Капитан остановился, задумавшись.- Эти глубокие раны необходимо зашить, иначе он истечет кровью.

- А его горло?

- Надо и его зашить, но там такая мешанина, что даже не знаю, откуда начать, - Генри запустил руку в сумку и извлек оттуда чёрную суровую нитку и массивную иглу.

Толстые пальцы капитана оказались на удивление ловки в обращении с иглой и завязывании узлов. Бриджер держал края глубоких ран сведёнными вместе и с расширенными глазами наблюдал, как Генри вонзил иглу в кожу Глассу. Он проводил нитку от края до края, четырьмя швами стянув кожу в середине раны, и завязал концы нитки. Из, нанесенных когтями, пяти ран на спине две нуждались в швах. Капитан не пытался зашить обе раны по всей длине. Вместо этого он просто стянул центр раны, но кровотечение остановилось.

- А теперь глянем на шею.

Они перевернули Гласса на спину. Несмотря на грубую перевязку, из горла продолжали вырываться пузыри и хрипы. Под

разорванной кожей белел хрящ пищевода и трахеи. Судя по пузырькам, Генри понимал, что трахея или перерезана или проколота, но как залатать её, он не знал. Капитан приложил ладонь ко рту Гласса, почувствовав дыхание.

- Что собираетесь делать, капитан?

Капитан затянул новый узел на вдетой в иглу нитке. - Он еще дышит ртом. Лучшее, что мы можем для него сделать - просто стянуть кожу и надеяться, что остальное само заживет. Генри наложил швы на горло Глассу с интервалами в дюйм. Бриджер расчистил место в ивняке и разложил постельную скатку Гласса. Они бережно уложили на неё тело.

После чего капитан взял свою винтовку и побрел прочь с поляны, через ивняк к реке.

Добравшись до реки, он оставил винтовку у берега и стянул кожаную рубашку. Его руки покрывала вязкая кровь, и он потянулся к ручью, чтобы смыть её. Некоторые из пятен не смывались, и он зачерпнул прибрежный песок и втер его в пятна. Наконец, он закончил и, сложив руки ковшом, плеснул ледяную воду ручья на бородатое лицо. Знакомое сомнение закралось ему в душу. Вновь всё повторяется.

Никто не удивлялся, когда глушь забирала зеленых юнцов, но когда жертвой становились ветераны, это становилось потрясением. Как и Друяр, Гласс провел не один год на фронтире. Он был волнорезом, успокаивавшим остальных своим молчаливым присутствием. И Генри понимал, что к утру Гласс будет мертв.

Капитан мысленно вернулся к беседе прошлой ночи.

Неужели это было прошлой ночью? Смерть Друяра в 1809-ом году оказалась началом конца. Партия Генри оставила укрепление в долине Три-Форкс и отступила на юг. Таким путем они избавились от черноногих, но от суровых Скалистых гор не спаслись. Отряд перенёс жестокие морозы, угрозу голодной смерти, а затем их ограбило племя кроу [\[10\]](#). Когда они, наконец, выползли из гор в 1811-ом году, будущее торговли пушниной оставалось под большим

вопросом.

Спустя более чем десять лет Генри вновь оказался в роли руководителя партии трапперов, охотящихся за ускользающим из рук богатством Скалистых гор. В памяти Генри всплыли последние события. Спустя неделю после выхода из Сент-Луиса он потерял баржу с товарами на сумму в десять тысяч долларов. Возле Грейт-Фоллз на Миссури черноногие убили двух его людей. Он бросился на помощь Эшли в походе на деревни арикара, стал участником разгрома полковника Ливенворта и свидетелем того, как арикара перекрыли Миссури. За неделю пешего пути вдоль течения реки Гранд троих из его людей убили манданы, обычно мирные индейцы, которые по ошибке напали на них ночью. А теперь еще Гласс, его лучший траппер, лежит смертельно раненный после схватки с медведем. *Что за грех навлек на него это проклятье?*

Тем временем на поляне Бриджер укрыл Гласса одеялом и повернулся взглянуть на медведицу. Её разделявали четверо. Лучшие куски - печень, сердце, язык, филейную часть и ребра - отложили в сторону для немедленного употребления. Остальное они разрезали на полоски и натёрли солью.

Бриджер подошел к одной из огромных лап медведя и достал нож. Когда Фицджеральд оторвался от разделывания туши, Бриджер принялся отделять самый большой из когтей от лапы медведя. Его поразил размер - почти шесть дюймов в длину и толщиной с его большой палец. Кончик его был острым, как бритва, и на нем ещё не засохла кровь Гласса.

- Кто-нибудь говорил, что ты заслужил коготь, парень?

- Это не для меня, Фицджеральд, - Бриджер взял коготь и направился к Глассу. Рядом с ним лежала сумка. Бриджер раскрыл её и бросил туда коготь.

В ту ночь все наелись до отвала, их организм жадно поглощал питательное жирное мясо. Они знали, что пройдет немало дней, прежде чем им вновь доведется отведать свежего мяса, и, воспользовавшись случаем, пировали. Капитан Генри выставил двух часовых. Несмотря на относительную изоляцию поляны, его

волновали костры.

Большинство скучившихся у костра людей присматривали за мясом, нанизанным на ивовые прутья. Капитан и Бриджер попеременно проверяли Гласса. Дважды он открыл глаза, глядящие в пустоту и остекленевшие. Они отражали огонь, но в них ничего не искрилось. Лишь однажды Гласс сумел судорожно глотнуть воду.

Огонь развели в длинных ямах, которые поддерживали жар и дым в коптильне, где вялилось мясо. За час до рассвета капитан Генри проведал Гласса и нашел его в бессознательном состоянии. Его дыхание стало ещё прерывистей, и он хрипел так, словно каждый вдох отнимал все силы.

Генри вернулся к огню и нашел там Чёрного Харриса, который грыз ребро. - Любой из нас, капитан, мог наткнуться на Старину Ефраима [\[11\]](#). Никогда не знаешь заранее, где тебя поджидает беда.

Генри покачал головой. Ему ли не знать, что такое удача. Некоторое время они сидели в молчании, пока на восточном горизонте не показались первые едва заметные проблески нового дня. Капитан поднял свою винтовку и пороховой рожок. - Я вернусь до рассвета. Когда люди проснутся, отбери двоих. Пусть выкопают могилу.

Спустя час капитан вернулся. Могилу начали рыть, но, по-видимому, забросили это занятие. Он посмотрел на Харриса.- В чём проблема?

- Что ж, капитан, начнем с того, что он ещё не мертвец. Неправильно это - рыть могилу, пока человек жив.

Всё утро они провели, ожидая, когда умрёт Гласс. Он так и не приходил в сознание. Его кожа стала мертвенно-бледной от потери крови, и дыхание оставалось затруднённым. Но его грудь всё ещё вздымалась, вздох упрямо следовал за вздохом.

Капитан Генри переходил от ручья к поляне, и ближе к полудню послал Чёрного Харриса на разведку вверх по ручью. Когда Харрис вернулся, солнце стояло уже в зените. Он не нашёл никаких индейцев, но на противоположном берегу свежие следы дичи

перекрывали следы людей и лошадей. Двумя милями вверх по течению Харрис обнаружил брошенный лагерь. Капитан больше не мог ждать.

Он приказал двум трапперам нарезать молодые деревца. Из постельной скатки Гласса они смастерят носилки.

- Почему бы нам не сделать волокушу, капитан? Пусть мул её тащит.

- Слишком тяжело будет перевести волокушу через реку.

- Тогда отойдем от реки.

- Просто сделай чертовы носилки, - выпалил капитан. Река была единственным ориентиром в неизвестной местности. Генри не намеревался отступать от берегов реки ни на дюйм.

Глава четвертая

28 августа 1823 года

Один за другим люди, подходя к преграде, останавливались. Воды Гранд-Ривер сталкивались здесь с утёсом из песчаника, который отклонял течение в сторону. Вода бурлила и собиралась в глубокий омут возле каменной стены, прежде чем свернуть к противоположному берегу. Последними прибыли Бриджер с Кабаном, несшие Гласса. Они опустили носилки. Запыхавшийся Кабан тяжело плюхнулся наземь; его рубашка потемнела от пота.

Сразу по прибытии каждый из них осмотрелся по сторонам, определив два возможных пути продвижения. Можно было вскарабкаться по крутому склону скалы, но только при помощи рук и ног. Этот путь выбрал Чёрный Харрис, прошедший здесь два часа назад. Они видели его следы и сорванную ветку полыни, с помощью которой он подтянулся вверх. Было очевидно, что ни носильщикам, ни мулам не преодолеть подъема.

Другим вариантом было пересечь реку. Противоположный берег выглядел пологим и заманчивым, но проблема состояла в том, как его достичь. Запруда, образовавшаяся у преграды, похоже, была в пять футов глубиной, а течение стремительным. Светлая вода у середины реки отмечала место, где река мельчала. Оттуда не составляло труда добраться до противоположного берега. Уверенно ставящий ноги, человек мог пройти глубоководье; менее ловкие могли упасть, но, несомненно, смогли бы проплыть несколько ярдов до мелководья.

Завести мула в реку не составляло труда. Так известна была любовь этого животного к воде, что люди в шутку прозвали его "уткой". В конце дня он мог часами стоять по брюхо в холодной воде.

Именно это странное пристрастие не дало мандамам украсть мула вместе с остальным скотом. Пока другие животные спали или паслись у берега, "утка" забралась на мелководье у песчаной косы. Когда воры попытались увести его, он твердо увяз в грязи. Чтобы вытащить его оттуда потребовались усилия половины отряда.

Так что мул проблемой не являлся. Проблемой, конечно же, был Гласс. Невозможно удержать носилки над водой, пересекая реку вброд.

Капитан Генри взвешивал свои возможности, браня Харриса за то, что тот не отметил место переправы. Милей вниз по течению они прошли удобный брод. Он ненавидел разделять своих людей даже на несколько часов, но шагать всем обратно казалось глупым. - Фитцджеральд, Андерсон - ваш черёд нести носилки. Берно, мы с тобой вместе с ними вернемся назад к тому броду, что прошли. Остальные перейдут реку здесь и будут нас дожидаться.

Фитцджеральд бросил взгляд на капитана, пробормотав что-то про себя.

- Ты что-то хочешь сказать, Фитцджеральд?
- Я нанимался траппером, капитан, а не чертовым мулом.
- Ты будешь нести носилки, как и все остальные.
- Ну, так я тебе выскажу, что все здесь боятся вслух произнести. Нас тут заботит, не собираешься ли ты тащить этот труп до самого Йеллоустоуна?

- Да собираюсь, и сделаю то же самое для любого из отряда.
- Да своими действиями ты нам всем могилы выроешь. Как долго, по-твоему, мы сможем прогуливаться по долине, прежде чем наткнёмся на индейцев? Гласс не единственный человек в отряде.

- Как и ты, - произнес Андерсон. - Я не разделяю точку зрения Фитцджеральда, капитан, и бьюсь о заклад, многие другие.

Андерсон подошел к носилкам, положив винтовку рядом с Глассом. - Ты поможешь мне нести его?

Они несли Гласса три дня. Берега Гранда попеременно сменялись песчаными косами и горами скал. Редколесье тополей уступало место у высокой воды грациозным зарослям ив, некоторые

из которых достигали десяти футов в высоту. Приходилось взбираться на крутые берега, где эрозия начисто снесла землю, образовав огромные размывы. Они обходили завалы, оставленные весенним половодьем - груды камней, перекрученные ветки и даже целые деревья, чьи, побелевшие от солнца, стволы под воздействием воды и камней стали гладкими, как стекло. Когда местность стала пересеченной, они перешли реку, продолжив путь вверх по течению. Мокрая оленья кожа прибавила тяжести их ноше.

Река - как главная дорога посреди равнин, и люди из отряда Генри были не единственными путниками вдоль её берегов. Количество следов и заброшенных лагерей было неисчислимо. Дважды Чёрный Харрис заметил небольшие охотничьи отряды. Расстояние было слишком велико, чтобы определить, сиу это или арикара, хотя оба племени представляли угрозу. Арикара стали явным врагом после сражения на Миссури. В той битве сиу выступили союзниками, но нынешнее их отношение оставалось неизвестным. Небольшой отряд трапперов лишь с десятью боеспособными мужчинами представлял собой не очень большую угрозу. В то же самое время, их оружие, ловушки и даже мул были слишком заманчивой целью. Они постоянно рисковали наткнуться на засаду, и лишь только навыки скаута Чёрного Харриса и капитана Генри позволяли её избежать.

Эту местность следовало пройти без промедления. А вместо этого они продвигались с неторопливостью похоронной процессии.

Гласс то приходил в сознание, то опять впадал в забытие, хотя оба эти состояния почти ничем не отличались друг от друга. Изредка он пил воду, но из-за ран на горле не мог принимать твёрдую пищу. Дважды носилки сорвались, и Гласс падал на землю. Во время второго падения разошлись два шва на горле. Пришлось долго ждать, пока капитан повторно наложит швы на воспалившееся от инфекции горло. Никто не потрудился осмотреть остальные раны. В любом случае, они почти ничем не могли ему помочь, а Гласс не мог возразить. Рана на горле сделала его немым; единственным звуком стал учащенный хрип его дыхания.

К исходу третьего дня они прибыли к месту слияния небольшого ручья с Гранд. В четверти миле вверх по ручью Чёрный Харрис обнаружил родник, окруженный густым сосновым перелеском. Идеальное место для лагеря. Генри отправил Андерсона и Харриса добыть дичь.

Источник едва сочился, но его студёные воды, пробиваясь сквозь мшистые камни, собирались в чистую лужицу. Капитан Генри наклонился выпить воды, обдумывая принятое им решение.

За те три дня, что они несли Гласса, по прикидке капитана, они покрыли лишь сорок миль, хотя должны были пройти вдвое большее расстояние. Генри полагал, что они миновали земли арикара, но с каждым днём Чёрный Харрис находил все больше признаков присутствия сиу.

Помимо забот о нынешнем местоположении, Генри беспокоила конечная цель маршрута. Больше всего его беспокоило, что они слишком поздно придут в Йеллоустоун. Без пары недель в запасе для добычи мяса бригада окажется в опасности. Погода поздней осенью была непредсказуемой, как колода карт. Их может встретить или бабье лето, или воюющие ветра ранних метелей.

Помимо безопасности, Генри чувствовал огромную ответственность за коммерческий успех предприятия. Если им повезет, за две недели охоты и торговли с индейцами они могли добыть достаточно пушнины, чтобы оправдать отправку курьеров в низовья Миссури.

Капитан любил размышлять об эффекте появления набитой пушниной пироги в один из светлых февральских дней. Историей об их успешном закреплении в Йеллоустоуне будут пестреть заголовки "Миссури Репаббликан". Пресса привлечет новых вкладчиков. К началу весны Эшли сможет вложить свежий капитал в новую партию охотников за пушниной. К концу лета Генри уже представлял себя руководителем целой сети трапперов по всему Йеллоустоуну. С достаточным количеством людей и товаров он даже, возможно, мог бы купить мир с черноногими и опять расставить ловушки в изобиловавших бобрами долинах Три-Форкс. К следующей зиме

понадобится целая флотилия барж, чтобы забрать добытые шкуры.

Но всё зависело от времени. Следовало прибыть туда первым и во всеоружии. С первых же минут путешествия Генри чувствовал дыхание конкурентов.

На севере британская "Северо-Западная компания" расставила форты, простирающиеся на юг, до поселений манданов. Британцы также контролировали западное побережье, с которого вторглись вглубь материка, продвигаясь вдоль реки Колумбии и ее притоков. Ходили слухи, что британские трапперы уже добрались до Снейка и Грина.

С юга несколько групп поднялись на север от Таоса и Санта-Фе - "Пушная компания Колумбии", "Французская пушная компания", "Стоун-Боствик и компания".

Ощутимей остальных была конкуренция с запада, из Сент-Луиса. В 1819 году армия США предприняла "Йеллоустоунскую экспедицию" [\[12\]](#) с целью расширить торговлю пушниной. Несмотря на крайне ограниченные размеры отряда, присутствие армейских подстегнуло предпринимателей, отчаянно жаждавших продолжить торговлю пушниной. "Миссурийская пушная компания" Мануэля Лайзы открыла торговлю на реке Платт. Джон Джейкоб Астор вдохнул жизнь в остатки своей "Американской пушной компании", изгнанной из Колумбии британцами во время войны 1812-го года, открыв новый офис в Сент-Луисе. Все сражались за ограниченные источники капитала и людей.

Генри посмотрел на Гласса, лежавшего на носилках в тени сосен. Он так и не попытался пришить на место скальп. Тот все ещё небрежно лежал на макушке Гласса, став лилово-красным по краям, где его держала подсохшая кровь - гротескный венец истерзанного тела. Капитана вновь охватила смесь жалости и гнева, возмущения и вины.

Он не мог винить Гласса в нападении гризли. Медведь был просто одной из многочисленных опасностей на их пути. С тех пор как отряд вышел из Сент-Луиса, Генри знал, что люди будут умирать.

Раненый Гласс просто подчеркивал те опасности, с которыми они каждый день шли рука об руку. Генри считал Гласса своим лучшим траппером, лучшим сочетанием закалки, навыков и выдержки. На остальных, пожалуй, за исключением Чёрного Харриса, он смотрел, как на подчинённых. Они были моложе, глупее, слабее и менее искушенными. Гласса Генри считал равным. Это могло случиться с Глассом, могло случиться с любым; могло случиться с ним. Капитан отвернулся от умирающего.

Он осознавал, что бремя вожака требовало от него принятия жёстких решений во благо бригады. Он знал, что фронтир уважал, даже требовал независимости и самостоятельности превыше всего. К западу от Сент-Луиса стирались все законы. Но тем не менее, суровые люди, составлявшие общество фронта, были связаны тесными узами взаимовыручки и коллективной ответственности. Хоть и не было писаных законов, существовало его грубое подобие, беспрекословное соблюдение обязательств, стоящих выше корыстных интересов. Закон этот был сродни библии, и его важность возрастала с каждым шагом вглубь глуши. В случае нужды все протягивали руку друзьям, партнёрам, незнакомцам. Поступая таким образом, каждый понимал, что настанет день, когда его спасение будет зависеть от протянутой руки другого.

Целесообразность этого кодекса чести улетучивалась, когда капитан тщетно старался применить его к Глассу. *Разве я не сделал для него всё, что было в моих силах?* Лечил его раны, нёс, почтительно ждал, чтобы он, по-крайней мере, был погребен надлежащим образом. Решением Генри они подчинили все свои общие нужды нуждам одного человека. Это было правильным решением, но так нельзя было продолжать. Не здесь.

Капитан откровенно подумывал бросить Гласса. Мучения Гласса были так велики, что Генри задумался, не пустить ли пулю ему в лоб, положив конец страданиям. Он быстро отмел всякую мысль об убийстве Гласса и размышлял о том, чтобы каким-то образом поговорить с раненым, разъяснить ему, что больше не может рисковать всей бригадой. Они могут найти ему укрытие, оставить

огонь, оружие и провизию. Если он поправится, то может нагнать их на Миссури. Прекрасно зная Гласса, Генри подозревал, что именно этого он бы и потребовал, если бы мог говорить. Наверняка он бы не поставил под угрозу жизнь остальных.

Тем не менее, капитан Генри не мог заставить себя бросить раненого. После нападения гризли Генри не удалось внятно поговорить с Глассом, так что определить его желания было невозможно. Но, не имея четкого образа действий, он не собирался гадать. Генри был вожаком, и ответственность за Гласса лежала на нём.

Как и за всех остальных. И за вложения Эшли. И за семью в Сент-Луисе, которая больше десяти лет ждала финансового успеха, который казался таким же далёким, как и горы на горизонте.

Той ночью трапперы сгрудились вокруг трёх небольших костровых ям. У них было свежее мясо для копчения, телёнок бизона, а покров сосен добавил им уверенности, позволив развести костры. После заката вечером позднего августа быстро похолодало; не сильно, но как бы напомнив о смене сезона, маячившей на горизонте.

Поднявшись, капитан обратился к трапперам; за этой формальностью скрывался серьёзный смысл его слов.- Нам следует идти быстрее. Мне нужны два добровольца, которые останутся с Глассом. Останутся до его смерти, с честью похоронят, и затем нагонят нас. "Пушная компания Скалистых гор" заплатит семьдесят долларов за задержку.

В одном из костров затрещал пучок сосновых веток, послав искры в ясное вечернее небо. В остальном, в лагере воцарилось молчание, пока люди обдумывали положение дел и предложение. Было странно размышлять о смерти Гласса, хоть и неизбежной. Француз Жан Берно перекрестился. Большинство остальных уставились в костёр.

Долгое время все молчали. Каждый думал о деньгах. Семьдесят долларов составляли больше трети их годового жалования. Если посмотреть на положение дел сквозь безжалостную призму наживы - Гласс неизбежно скоро умрет. Семьдесят долларов за то, чтобы

несколько дней проторчать на поляне, а затем неделя тяжелого перехода, чтобы нагнать бригаду. Конечно, все понимали, какой риск крылся в отставании от бригады. Десять человек могли дать слабый отпор нападению. Двое не могли ничего. Если на них наткнется отряд воинственных индейцев... На что мертвецу семьдесят долларов?

- Я останусь с ним, капитан. Остальные обернулись, удивившись, что добровольцем вызвался Фицджеральд.

Капитан Генри не знал, как поступить, сильно сомневаясь в истинных намерениях Фицджеральда.

Фицджеральд разгадал его сомнения. - Я делаю это не из любви, капитан. А ради денег, коротко и ясно. Выберите ещё кого-то, если вам нужна нянька.

Капитан Генри обвел взглядом просторный кружок людей.- Кто ещё останется?

Чёрный Харрис подбросил небольшую ветку в костер.- Я останусь, капитан. Гласс был другом Харриса, и сама мысль оставить его с Фицджеральдом не укладывалась в голове. Никто не любил Фицджеральда. Гласс заслуживал лучшего.

Капитан покачал головой.- Ты не можешь остаться, Харрис.

- Что ты хочешь этим сказать?

- Ты не можешь остаться. Прости, я знаю, вы друзья. Но мне нужен скаут.

Последовало очередное долгое молчание. Люди отрешённо смотрели на пламя. Один за другим они пришли к единому неприятному выводу - дело того не стоило. Деньги того не стоили. А самое главное, Гласс того не стоил. Не то чтобы они его не уважали, наоборот, любили. Некоторые, например Андерсон, чувствовали дополнительные обязательства - моральный долг за прошлые великодушные проявления доброты. Совсем другое дело, подумал Андерсон, попроси капитан защищать жизнь Гласса. Но им предстояла совсем иная задача. Им предстояло ждать, пока Гласс не умрёт, а затем похоронить его.

Дело того не стоило.

Генри принялся размышлять о том, стоит ли ему доверить эту

заботу одному лишь Фицджеральду, когда неожиданно неуклюже поднялся Бриджер.- Я останусь.

Фицджеральд иронично фыркнул.- Иисусе, капитан, вы не можете оставить меня с молокососом! Если Бриджер останется, то вам лучше заплатить мне вдвое больше за присмотр за двумя.

Эти слова словно кулаком ударили Бриджера. Он почувствовал, как в гневе кровь прилила к лицу.- Обещаю вам, капитан, я не подведу.

Подобного расклада капитан не ожидал. В глубине души он признавал, что оставить Гласса с Бриджером и Фицджеральдом – всё равно что бросить его. Бриджер едва вышел из подросткового возраста. За год, проведённый в "Пушной компании Скалистых гор", он зарекомендовал себя честным и справным мальчиком, но не мог тягаться с Фицджеральдом. Тот был наемником. Но тогда, подумал капитан, разве это не самая суть избранного им курса? Разве он просто не покупает суррогат, замену коллективной ответственности? Своей ответственности? Что ещё он мог сделать? Другого выбора не было.

- Хорошо, - ответил капитан. - Остальные выступят на рассвете.

Глава пятая

30 августа 1823 года

Вечером второго дня после отбытия капитана Генри и бригады Фицджеральд отправил мальчишку собрать дров, оставшись с Глассом наедине. Гласс лежал возле одного из маленьких костров. Фицджеральд не обращал на него внимания.

Крутой склон над поляной венчала гряда скал. Массивные валуны стояли, как каменистая поленница, словно исполинские руки сложили их на вершине в штабель и затем сжали.

Из расселины между двумя большими камнями проросла одинокая скрученная сосна. Дерево было родственником красных сосен, которые местные племена использовали при постройке каркасов для вигвамов, но семечко сосны улетело далеко от плодородной почвы леса. Десяток лет тому назад воробей выклевал его из сосновой шишки, принеся на величественную высоту над поляной. Семечко воробей уронил в расселину между камнями. В расселине оказалась земля, и своевременно пошел дождь, дав жизнь ростку. В дневные часы камни нагревались, частично скрывая проклюнувшийся росток. Прямого доступа солнечного света не было, так что до того, как она потянулась ввысь, сосна росла вбок; пробивала себе путь из расселины, прежде чем обратиться к небу. От скрюченного ствола отходило несколько корявых веток; каждая была усеяна лохматой бахромой иголок. Красные сосны внизу росли прямыми, как стрелы; некоторые возвышались на шестьдесят футов над пологом леса. Но ни одна из них не была выше скрученной сосны на вершине скалы.

С тех пор как ушёл капитан с отрядом, Фицджеральд избрал

простую стратегию: заготовить запас копченого мяса, чтобы они могли незамедлительно выступить после смерти Гласса. А пока что по возможности держаться подальше от лагеря.

Несмотря на то, что они отошли от главной реки, Фицджеральд не питал особых иллюзий насчет их местоположения у ручья. Небольшой ручей вел прямоком в долину. Обугленные остатки лагерных костров ясно давали понять, что кто-то побывал возле скрытого источника. Фицджеральд просто боялся, что долина была известным бивуачным местом. Даже если не так, то следы бригады и мула вели от реки прямоком сюда. Охотничий или военный отряд волей-неволей отыскал бы их, окажись он поблизости от берега Гранда.

Фицджеральд с горечью взглянул на Гласса. Лишь из нездорового любопытства он осмотрел его раны, когда остальной отряд ушел. Швы на горле раненого после падения с носилок ещё держались, но вся кожа вокруг них покраснела от заражения. Колотые раны на ноге и руке, казалось, заживали, а вот глубокие порезы на спине воспалились. К счастью для него, Гласс большую часть времени проводил без сознания. *Когда же ублюдок сдохнет?*

Нелёгкая занесла Джона Фицджеральда на фронт. Путь этот начался с бегства из Нового Орлеана в 1815-ом году, в тот день, когда он насмерть заколол проститутку в пьяном угаре.

Фицджеральд вырос в Новом Орлеане, в семье шотландского моряка и дочери каджунского [\[13\]](#) торговца. За все десять лет брака его отец лишь раз в год бросал якорь в порту, прежде чем его корабль пошел ко дну Карибского моря. В каждый свой визит в Новый Орлеан он оставлял плодовитую жену с зачатком прибавления в семействе. Три месяца спустя после известия о смерти мужа мать Фицджеральда вышла замуж за пожилого владельца галантереи. Этот поступок она считала необходимым для выживания семьи. Это прагматичное решение сослужило добрую службу её детям. Восемь дожили до зрелости. Двое старших сыновей стали владельцами галантереи после смерти старика. Большинство сыновей

нашли приличную работу, а дочери благополучно вышли замуж. Джону этого добиться не удалось.

С раннего возраста Фицджеральд выказывал склонность к насилию. Любые разногласия он незамедлительно решал ногами и кулаками. В десять лет его исключили из школы за то, что он воткнул карандаш в ногу однокласснику. Фицджеральд не собирался пойти по стопам отца, занявшись тяжким трудом моряка. Зато он с радостью окунулся в злую жизнь портового города. Его бойцовские навыки проходили проверки и оттачивались в доках, где он провёл свои юношеские годы. В семнадцать лет боцман исполосовал ему лицо во время потасовки в баре. Инцидент оставил ему крючкообразный шрам и новую страсть к холодному оружию. Он заинтересовался ножами, собрав коллекцию кинжалов и скальпировальных ножей всевозможных форм и размеров.

В двадцать лет Фицджеральд влюбился в юную жрицу любви в портовом салуне, француженку по имени Доминик Перро. Несмотря на денежную сторону их отношений, Фицджеральд, очевидно, до конца не уяснил всех тонкостей профессии Доминик. Когда Джон застал Доминик с толстым капитаном баржи, то юноша разъярился. Он заколол их обоих и выбежал на улицу. Выкрыв восемьдесят четыре доллара из лавки брата, он оплатил проезд на лодке до севера Миссисипи.

В течение пяти лет он зарабатывал себе на жизнь, слоняясь в тавернах Мемфиса. Он прислуживал у стойки в обмен на комнату, пропитание и скудное жалованье в заведении, известном под несколько напыщенным именем "Золотой лев". Работа барменом дала ему то, чего так недоставало в Новом Орлеане - разрешение на насилие. Он выставлял буянивших клиентов с кровожадностью, потрясавшей даже закалённых посетителей салуна. Дважды он едва не избил человека до смерти.

Фицджеральд немного разбирался в арифметике, сделавшей его братьев успешными лавочниками, и применил свои врожденные способности в азартных играх. Некоторое время он ограничивался тем, что спускал своё мизерное жалование бармена. Со временем он

пристрастился к большим ставкам. Игра по новым правилам требовала большего игрового капитала, и Фицджеральд не обнаружил недостатка в кредиторах.

Спустя две недели после того, как он одолжил двести долларов у владельца конкурирующей таверны, Фицджеральд сорвал банк. Он выиграл тысячу долларов одной раздачей, выложив фулл-хаус из дам и десятков. Следующую неделю Джон провел, празднуя, в кутежах. Выигрыш вселил в него ложную уверенность в своих способностях игрока и пробудил жажду большего. Он бросил работу в "Золотом льве" и вознамерился зарабатывать себе на жизнь игрой в карты. Однако удача круто сменила полюс, и месяц спустя Джон задолжал две тысячи долларов ростовщику Джоффри Робинсону. Несколько недель Фицджеральд избегал Робинсона, пока два подручных последнего не отловили его и не сломали ему руку. На уплату долга Джону дали неделю.

В отчаянии Фицджеральд обратился ко второму ростовщику, немцу Хансу Бангеманну, чтобы расплатиться с первым. Однако с двумя тысячами долларов на руках Фицджеральду явилось прозрение - он убежит из Мемфиса и начнет новую жизнь. На следующее утро он взял билет на очередную лодку на север. В конце февраля 1822-го года он прибыл в Сент-Луис.

Проведя месяц в новом городе, Фицджеральд узнал, что двое мужчин наводят в пабах справки о местонахождении "картёжника со шрамом на лице". В тесном мире ростовщиков Мемфиса Джоффри Робинсону и Хансу Бангеманну потребовалось не много времени, чтобы обнаружить всё коварство Фицджеральда. За сотню долларов каждый нанял пару головорезов, чтобы те разыскали Фицджеральда, убили его и по мере возможности вернули долги. Они не питали особых иллюзий насчет возврата денег, но хотели смерти Фицджеральда. Им следовало отстоять свою репутацию, и весть об их замыслах облетела всю сеть мемфисских таверн.

Фицджеральд оказался в ловушке. Сент-Луис был последним оплотом цивилизации на севере Миссисипи. На юг он идти боялся, в Новом Орлеане и Мемфисе его поджидали неприятности. В тот день

Фицджеральд подслушал разговор владельцев таверн, оживленно обсуждавших объявление в газете "Миссури Репаббликан". Он взял газету, чтобы прочитать объявление.

"Предприимчивым молодым людям. Подавший объявление желает нанять сотню человек для экспедиции вверх по Миссури к её истокам, где предстоит провести от одного года до трех лет. Для справок обращайтесь к капитану Генри, возле свинцовых рудников в округе Вашингтон, который поведет и возглавит отряд".

Фицджеральд незамедлительно решился. На остаток украденных у Ханса Бангеманна денег он купил поношенную кожаную рубашу, мокасины и винтовку. На следующий день он представился капитану Генри и обратился за местом в пушном отряде. Генри с первого же взгляда засомневался в Фицджеральде, но выбор был невелик. Капитан нуждался в сотне людей, а Фицджеральд выглядел здоровым. А если он и побывал в паре ножевых схваток, то тем лучше. Месяц спустя Фицджеральд сидел в барже, направлявшейся на север, к верховьям Миссури.

Несмотря на то, что он намеревался при первой же возможности сбежать из "Пушной компании Скалистых гор", Фицджеральду понравилась жизнь на фронтире. Он обнаружил, что его умелое обращение с ножами распространилось и на другие виды оружия. Фицджеральд не обладал навыками следопыта, присущими в отряде настоящим лесным жителям, но был превосходным стрелком. Во время недавней осады на Миссури с хладнокровием снайпера он убил двух арикара. Большинство людей Генри ужасали схватки с различными индейскими племенами. Фицджеральд же находил в них радостное возбуждение, даже опьянение.

Фицджеральд посмотрел на Гласса, и взгляд его остановился на винтовке Анстадта, лежавшей рядом с раненым. Он огляделся, убедившись, что Бриджер не возвращается, и затем взял винтовку. Вскинул ее к плечу и посмотрел вдоль дула. Ему понравилось, как приклад лег к плечу, как быстро нащупал целик мишень, как легкость оружия позволяла держать ровный прицел. Он переходил от одной мишени к другой, вверх, вниз, пока прицел не остановился на Глассе.

И вновь Фицджеральд подумал о том, что скоро Анстадт будет принадлежать ему. Они не говорили об этом с капитаном, но кто заслуживал винтовку больше того, кто остался? Несомненно, у него больше прав, чем у Бриджера. Все трапперы восхищались ружьем Гласса. Семьдесят долларов были скудной наградой за взятый ими на себя риск. Фицджеральд остался здесь ради Анстадта. Такое ружье не следует жертвовать мальчишке. Кроме того, Бриджер был вполне доволен, получив винтовку Уильяма Андерсона. Подкину ему какую-то безделушку, возможно, нож Гласса.

Фицджеральд обдумывал план, который сформировался у него после того, как он вызвался остаться с Глассом. План, который становился все привлекательней с каждым часом. *Какое значение для Гласса имеет лишний день?* С другой стороны, Фицджеральд точно понимал, какую разницу значит целый день в свете его собственных возможностей по выживанию.

Фицджеральд опустил Анстадт. Подле головы Гласса лежала окровавленная рубашка. *Прижми её на пару минут к лицу Гласса, и утром можно сниматься.* Он перевёл взгляд на винтовку, её воронение темнело на фоне оранжевого ковра опавших сосновых иголок и потянулся к рубашке.

- Он проснулся? За его спиной стоял Бриджер с охапкой дров.

Фицджеральд опешил, на мгновение смутившись.- Иисусе, парень! Ещё раз так ко мне подкрадешься, и клянусь богом, разрежу тебя на куски!

Бриджер бросил дрова и подошел к Глассу.- Я тут подумал, что мы должны попытаться влить ему бульон.

- Как это мило с твоей стороны, Бриджер. Залей ему бульон в глотку, и возможно, он протянет ещё неделю, вместо того, чтобы умереть завтра! И от этого ты будешь спать спокойней? Ты что, думаешь, дашь ему немного супа, и он вскочит на ноги и пойдет?

Бриджер мгновение молчал и затем произнес:- Ты ведешь себя так, словно желаешь его смерти.

- Конечно, я желаю ему смерти! Посмотри на него. Он сам хочет умереть! - Фицджеральд выдержал паузу. - Ты когда-нибудь ходил в

школу, Бриджер? Ответ был заранее известен Фицджеральду.

Мальчик покачал головой,

- Я преподам тебе небольшой урок арифметики. Капитан Генри и остальные, теперь, когда им не приходится нести Гласса, вероятно, делают в день около тридцати миль. Предположим, мы пойдем быстрее, скажем, будем делать миль сорок. Ты знаешь сколько будет сорок минус тридцать, Бриджер? Мальчик тупо на него смотрел.

- Я скажу тебе, сколько это. Десять, - Фицджеральд насмешливо поднял пальцы обеих рук. - Вот сколько, мальчик. Сколько бы ни составляла их фора перед нами, мы будем делать только десять миль в день, после того, как пойдем за ними. А они уже в сотне миль от нас. Это десять дней одиночного пути, Бриджер.

И это при том условии, что умрёт он сегодня, и мы сразу же найдем их след. Десять дней, в течение которых мы можем наткнуться на сиу. До тебя доходит? Каждый день, проведенный нами здесь, это лишние три дня одиночного пути. Когда сиу покончат с тобой, выглядеть ты будешь хуже Гласса, парень. Ты когда-нибудь видел скальпированного человека?

Бриджер промолчал, хоть он и видел скальпированного человека. Возле Грейт-Фолс, когда капитан Генри привез в лагерь двух мертвых трапперов, зарезанных черноногими. В памяти Бриджера ярко отпечатались трупы. Капитан привязал их животом к седлу вьючного мула.

Когда он их развязал, они одеревенело упали на землю. Трапперы собрались вокруг, потрясенно рассматривая изувеченные тела людей, которых еще утром видели у лагерных костров. Отсутствовали не только скальпы. Уши и носы также были отрезаны, а глаза выколоты. Бриджер вспомнил, что без носов головы мертвецов походили больше на черепа, чем на лица. Люди были раздеты, их половые органы тоже отсутствовали. На шее и запястьях проходила яркая линия загара. За этой чертой кожа была загорелой и коричневой, как седельная кожа, но остальная часть тела была светлой, как кружево. Выглядело почти смешно. Не будь обстоятельства так ужасны, все бы наверняка пошутили по этому

поводу. Конечно, никто не смеялся. Бриджер всегда вспоминал об этом, когда купался - что под одеждой у всех была молочно-белая кожа, как у беззащитного ребенка.

Бриджер колебался, отчаянно желая возразить Фицджеральду, но не смог привести ни одного аргумента. Не из-за того, что ему не хватало слов, а потому что доводов не хватало. Легко понять мотивы Фицджеральда, он сам назвал их - деньги. Но каковы его собственные? Точно не деньги. Он всегда путал цифры, а регулярное жалованье было богатством большим, чем он когда-либо видел. Бриджеру хотелось верить, что двигала им преданность, верность товарищу. Он определенно уважал Гласса. Гласс был добр, присматривая за ним, обучая, защищая от оскорблений. Бриджер осознавал свой долг перед Глассом, но какова его глубина?

Мальчик помнил то удивление и уважение в глазах людей, когда он вызвался остаться с Глассом. Какой контраст это составляло с гневом и презрением той ужасной ночи на посту. Он вспомнил, как капитан похлопал его по плечу, когда отряд уходил, и как этот простой жест наполнил его чувством единения, словно в первый раз в жизни он заслужил свое место среди остальных. Разве не по этой причине он оказался здесь, на этой поляне, чтобы спасти свою уязвленную гордость? Не присмотреть за другим, а присмотреть за собой.

Разве отличается он чем-то от Фицджеральда, наживаясь на несчастье другого? Можно что угодно говорить о Фицджеральде, но по-крайней мере, он искренен в своих мотивах.

Глава шестая

31 августа 1823 года

На утро третьего дня оставшийся в лагере за хозяина Бриджер провёл несколько часов за починкой своих мокасин, которые стёрлись до дыр во время перехода. Как следствие, он исцарапал и натёр себе ноги и обрадовался возможности взяться за их починку. Он отрезал кусок от оставшейся после ухода отряда шкуры, проколол шилом дырочки по краям и заменил подошву новой кожей. Стежки вышли грубыми, но крепкими.

Он осматривал свою работу, и тут его взгляд остановился на Глассе. Вокруг ран кружились мухи, и Бриджер заметил, что губы Гласса потрескались и сморщились. Мальчик опять задался вопросом, стоит ли он в моральном смысле выше Фицджеральда. Бриджер наполнил большую жестяную кружку студёной водой из родника и поднёс ее к губам Гласса. Влага вызвала бессознательную реакцию, и Гласс принялся пить.

Но когда Гласс выпил воду, Бриджер ощутил разочарование. Хорошо чувствовать себя полезным. Фицджеральд, конечно же, был прав. Вне всяких сомнений, Гласс умрет. *Но должен ли я ради него делать всё от меня зависящее? Хотя бы предложить утешение в последние часы?*

Мать Бриджера могла сделать лекарство из любых растений. Он не раз укорял себя за то, что ему стоило уделять больше внимания, когда она возвращалась из леса с корзиной, полной цветов, листьев и коры. Но пару простых рецептов он знал, и на краю поляны нашел то, что искал - сосну с клейкой, как патока, живицей. Своим ржавым разделочным ножом он принялся соскребать смолу, пока на лезвии не

набралось достаточное количество. Он вернулся назад и встал на колени рядом с Глассом. Мальчик сперва занялся глубокими колотыми ранами от укусов гризли на руке и ноге Гласса. Несмотря на то, что кожа вокруг оставалась сизовато-чёрной, они затягивались. Бриджер пальцем нанес смолу, втирая её в раны и кожу вокруг.

Затем он повернул Гласса набок, чтобы осмотреть спину. Когда носилки порвались, грубые швы треснули и стали заметны следы недавнего кровотечения. Но не кровь придала алый цвет спине Гласса. А заражение. Вдоль всей спины тянулись пять продольных порезов. Внутри порезов собрался жёлтый гной, и края ран свирепо пылали. Запах напомнил Бриджеру прокисшее молоко. Не уверенный в том, что делать, он просто смазал живицей всю область ран, дважды вернувшись за ней к деревьям.

Напоследок Бриджер занялся ранами на шее. Швы, наложенные капитаном, оставались на месте, хотя на взгляд мальчика, они просто скрывали хаос под кожей. Лежащий без сознания Гласс по-прежнему дышал с хрипами, как будто стучали сломанные части механизма. Бриджер опять направился к соснам, на этот раз выискивая дерево с отслаивающейся корой. Он нашел его и ножом поддел отходящую кору. Хрупкий луб он собрал в свою шляпу.

Вторично наполнив свою кружку водой из родника, Бриджер положил её на уголья. Когда вода закипела, он добавил в нее сосновый луб, и кончиком ножа принялся помешивать микстуру, пока смесь не стала однородной и густой, как грязь. Он подождал, пока припарка слегка остыла, и положил её на горло Глассу, к порезам и к плечу. Затем Бриджер направился к своему небольшому ранцу, достав оттуда остатки сменной рубашки. Он покрыл компресс материей и, приподняв голову Гласса, завязал тугим узлом на шее.

Мягко опустив голову раненого на землю, Бриджер с удивлением обнаружил, что смотрит в открытые глаза Гласса. Они ярко и ясно светились, что выглядело странным на фоне его растерзанного тела. Бриджер посмотрел в ответ, силясь разобраться смысл, который вложил в этот взгляд Гласс. *Что же он говорит?*

Гласс с минуту разглядывал мальчика, прежде чем вновь закрыть

глаза. В отдельные мгновения чувства Гласса обострялись. Он чувствовал каждый нерв своего тела. Старания мальчика принесли сильное облегчение. Лёгкое жжение живицы обладало целебными свойствами, а тепло припарки уменьшило боли в горле. Вместе с тем, Гласс предчувствовал, что его организм готовился к очередной, решающей битве. Битве не снаружи, а внутри.

К тому времени, когда Фицджеральд вернулся в лагерь, послеполуденные тени уже удлиннились в увядающем свете позднего вечера. На плече он нёс самку оленя. Он разделал тушу животного, перерезав горло и выпотрошив его, а теперь бросил оленя рядом с костром. Оленуха упала деформированной грудой, столь отличной от её грации при жизни.

Фицджеральд посмотрел на свежие перевязки на ранах Гласса. Лицо его напряглось.- Ты попусту тратишь на него время, - он сделал паузу. - Мне, собственно, плевать, но ты и моё время тратишь.

Бриджер промолчал, хоть кровь и прилила ему к лицу.

- Сколько тебе лет, парень?

- Двадцать.

- Ты лживый кусок лошадиного дерьма. У тебя голос еще писклявый. Бьюсь о заклад, ты кроме титек своей мамки ещё ни одной не видал.

Мальчик отвернулся, проклиная Фицджеральда за присущий ему нюх на слабости, как у гончей.

Фицджеральд получал от смущения Бриджера такое же удовольствие, как от пожирания сырого мяса. Он рассмеялся.- Что!? Ты никогда не был с женщиной? Я ведь прав, да, парень? В чём дело, Бриджер, не нашлось двух баксов на шлюху пока мы не отчалили из Сент-Луиса?

Фицджеральд опустил свое мощное тело на землю, усевшись, чтобы как следует повеселиться.- Может, тебе девчонки не нравятся? Ты содомит, парень? Может, мне стоит спать на спине, чтобы ты не пускал на меня слюни по ночам? Бриджер по-прежнему молчал.

- А может, у тебя хрен отвалился?

Не раздумывая, Бриджер вскочил на ноги, схватил винтовку и, взведя курок, наставил длинный ствол на голову Фицджеральда.- Сукин ты сын, Фицджеральд! Еще одно слово, и я снесу тебе башку ко всем чертям!

Пораженный Фицджеральд сидел, не сводя взгляда с тёмного дула винтовочного ствола. Некоторое время он сидел, не шелохнувшись, смотря на дуло. Затем его тёмные глаза медленно поднялись на Бриджера. К ухмылке шрама на лице присоединилась широкая улыбка.- Браво, Бриджер. Пожалуй, ты все же не опускаешься на корточки, когда отливаешь.

Довольно фыркнув, он достал нож и принялся свежевать оленя. В тишине лагеря Бриджер услышал громкий звук своего учащенного дыхания и стук своего сердца. Он опустил оружие, положив приклад на землю, и затем и сам сел. Внезапно он почувствовал себя усталым и натянул одеяло на плечи.

- Эй, парень, - позвал спустя некоторое время Фицджеральд.

Бриджер оглянулся, но ничего не ответил.

Фицджеральд небрежно вытер нос тыльной стороной окровавленной ладони.- Твоя новая винтовка не выстрелит без кремня.

Бриджер посмотрел на винтовку. В замке отсутствовал кремень. Кровь опять прилила ему к лицу, только на этот раз он ненавидел себя не меньше, чем Фицджеральда. Тот тихо засмеялся и продолжил проворно орудовать длинным ножом.

В действительности девятнадцать Бриджеру исполнилось в прошлом году, но из-за тщедушной внешности он выглядел моложе. Год его рождения, 1804, совпал с началом экспедиции Льюиса и Кларка, и именно волнение, вызванное их возвращением, заставило отца Джима в 1812-ом году податься из Виргинии на запад.

Семья Бриджеров поселилась на небольшой ферме в Сикс-Мил-Прейри, неподалёку от Сент-Луиса. Для восьмилетнего мальчика это было грандиозным приключением по ухабистым дорогам - добывать себе ужин и спать под открытым небом. На новой ферме Джим обнаружил сорокаакровую площадку для игр, состоявшую из полян,

лесов и ручьёв. В свою первую неделю в новом доме Джим обнаружил небольшой родник. Он ясно помнил свое возбуждение, когда вёл отца к сочащемуся роднику, и гордость, когда построили над родником будку для хранения еды. Помимо многих других профессий, отец Джима иногда занимался топографической съёмкой. Джим часто сопровождал его, всё больше проникаясь страстью к путешествиям.

Детство Джима неожиданно закончилось в тринадцать лет, когда мать, отец и старший брат в течение месяца умерли от лихорадки. Мальчик внезапно оказался в ответе за себя и маленькую сестренку. Пожилая тетя переехала заботиться о сестре, но вся материальная тяжесть легла на плечи Джима. Он устроился на работу к хозяину парома.

На Миссисипи в детские годы Джима кипело оживленное движение. С юга продукты цивилизации направлялись вверх по течению в процветающий Сент-Луис, вниз по течению же текли первобытные ресурсы фронта. Бриджер часто слышал рассказы о величественном Новом Орлеане и заморских портах. Он встречался с грубыми лодочниками, которые, не щадя сил и собрав волю в кулак, гнали свои суденышки вверх по течению. Он беседовал с погонщиками, перегонявшими товары из Лексингтона и Терре-Хота. Ему довелось лицезреть будущее реки в лице пыхтящих пароходов, плывущих против течения.

Но воображение Джима захватила не Миссисипи, а Миссури. Всего в шести милях от парома сливались две великие реки, дикие воды фронта вливались в банальное течение повседневности. Это было сочетанием старого и нового, изведанного и неизвестного, цивилизации и глуши. Бриджер жил лишь теми редкими мгновениями, когда торговцы пушниной и трапперы пушных факторий привязывали свои стройные плоскодонки у паромной переправы, иногда даже оставались на ночь. Он восхищённо слушал их рассказы о свирепых индейцах, обилии дичи, вечнозеленых долинах и вздымающихся горах.

Фронт для Бриджера стал неотъемлемой частью его мира,

которую он чувствовал, но не мог выразить словами, магнетический силой, неумолимо влекущей его к тому, о чем он был наслышан, но ни разу не видел. Однажды на пароме Джима переправлялся священник на муле с провислой спиной. Он поинтересовался у Бриджера, знает ли тот, какую цель в жизни предназначил для него Господь. Не задумываясь, Бриджер ответил: отправиться в Скалистые горы. Священник пришёл в восторг, посоветовав мальчику заняться миссионерской работой с дикарями. Бриджер не собирался привносить Иисуса в сердца индейцев, но беседа запала ему в душу. Мальчик пришёл к выводу, что путешествие на запад - не просто тяга к новому месту. Он стал смотреть на это, как на часть своей души, отсутствующее звено, которое можно обрести лишь среди далеких гор и долин.

Несмотря на это воображаемое будущее, Джим ворочал неповоротливым паромом. С одного берега на другой, туда и сюда, движение без продвижения, никогда не превышавшее милю между двумя причалами. Это было прямой противоположностью той жизни, что он представлял. Жизни, полной скитаний и исследований неизведанных земель, жизни, в которой он никогда не будет ходить по кругу.

После года работы на пароме Бриджер предпринял отчаянную и непродуманную попытку продвинуться дальше на запад, поступив в Сент-Луисе в обучение к кузнецу. Кузнец хорошо с ним обращался и даже обеспечил скромным жалованьем, чтобы Бриджер мог отправлять его сестре с тетей. Но условия обучения были определены - пять лет.

Если новая работа не переносила его в глушь, то по-крайней мере в Сент-Луисе было о чем поболтать. Целых пять лет Джим впитывал в себя знания о фронтире. Когда обитатели равнин приходили подковать лошадь или починить ловушки, Бриджер преодолев смущение, расспрашивал их о путешествиях. Где они побывали? Что видели? Мальчик слышал рассказы про Джона Колтера [\[14\]](#), который нагишом улепётывал от сотни черноногих,

горевших желанием снять с него скальп. Как и каждый житель Сент-Луиса, он со временем узнал все подробности об успешных торговцах, подобных Мануэлю Лайзе или братьям Шуто [\[15\]](#). Самым волнующим мгновением для Джима было, когда ему удавалось узреть своих героев во плоти. Раз в месяц, кузницу посещал капитан Эндрю Генри, чтобы подковать лошадь. Бриджер вознамерился попроситься на работу, если выпадет случай перекинуться с капитаном парой слов. Его краткие встречи с Генри были как свиданиями с духовным отцом, укреплением веры в то, что иначе оставалось бы простым вымыслом, небылицей.

Срок обучения Джима подошел к концу на его восемнадцатый день рождения, семнадцатого марта 1822-го года. В честь дня мартовских ид [\[16\]](#) местная труппа актёров сыграла постановку шекспировского "Юлия Цезаря". Бриджер заплатил два цента за билет. Долгая пьеса. Актёры выглядели глупо в длиннополых тогах, и Бриджер долго не мог понять, говорят ли они на английском. Тем не менее, спектакль ему понравился, и спустя некоторое время он начал проникаться симпатией к ритму высокопарной речи. Симпатичный актер с гремящим голосом произнес строки, которые отпечатались в сознании Джима на всю оставшуюся жизнь:

*Дела людей, как волны океана,
Подвержены приливу и отливу.
Воспользуйся приливом - и успех
С улыбкою откликнется тебе. [\[17\]](#)*

Три дня спустя кузнец сообщил Джиму о заметке в "Миссури Репаббликан": "Предприимчивым молодым людям..." Бриджер понял - пора оседлать свою волну.

Проснувшись на следующее утро, Бриджер обнаружил Фицджеральда склонившимся над Глассом и держащим руку на лбу раненого.

- Что ты делаешь, Фицджеральд?

- Давно у него эта лихорадка?

Бриджер быстро подошел к Глассу и коснулся его кожи,

покрывшейся испариной от жара.- Я проверял его прошлой ночью, и с ним было все в порядке.

- Ну, значит, теперь он не в порядке. Предсмертная испарина. Ублюдок наконец-таки отправится к праотцам.

Бриджер замер, не зная, то ли расстраиваться, то ли радоваться. Гласса начало лихорадить и трясти. Похоже, Фицджеральд не ошибся.

- Слушай, парень, мы должны подготовиться выступить. Я проведу разведку вверх по течению Гранда. А ты собери ягоды и приготовь из мяса пеммикан.

- А как же Гласс?

- А что с Глассом, парень? Ты что, доктором заделался, пока мы здесь? Теперь мы уже ничего не можем сделать.

- Мы можем сделать то, что должны - ждать рядом с ним и похоронить, когда он умрёт. Таков был наш уговор с капитаном.

- Так вырой ему могилу, если от этого почувствуешь себя лучше! Дьявол, да хоть чертов алтарь ему построй! Но если я вернусь, и мясо не будет готово, я отделаю тебя так, что выглядеть будешь похуже него! - Фицджеральд схватил винтовку и побрёл вниз от родника.

Стоял типичный день для раннего сентября, солнечный и свежий на рассвете, жаркий к полудню. В месте слияния ручья с рекой долина выполаживалась; струившийся ручей широко разливался по песчаной косе, прежде чем присоединиться к стремительному течению Гранда. Глаза Фицджеральда не отрывались от разбросанных следов отряда трапперов, всё ещё различимых спустя четыре дня. Он бросил взгляд вверх по течению, где орёл часовым сидел на голой ветке засохшего дерева. Что-то встревожило птицу. Раскрыв крылья, она двумя мощными взмахами оторвалась от ветки. Заложив аккуратный вираж, птица повернулась и полетела вверх по течению.

Утренний воздух прорезало пронзительное ржание лошади. Фицджеральд огляделся по сторонам. Солнце светило прямо над рекой, его палящие лучи слились с поверхностью воды, создав танцующее море света. Щурясь от слепящего сияния, Фицджеральд

смог различить силуэты верховых индейцев. Он припал к земле. *Заметили ли они меня?* Мгновение он лежал на земле, отрывисто дыша. Он пополз к единственному укрытию, редкому ивняку. Чутко прислушиваясь, он вновь услышал ржание, но не drobный перестук мчавшихся галопом лошадей. Он проверил, заряжены ли винтовка и пистолет, снял волчью шапку и осторожно высунулся из ивняка.

На противоположном берегу реки, где-то в двухстах ярдах, стояли пять индейцев. Четыре всадника собрались полукругом вокруг пятого, который хлестал заартачившегося пегого жеребца. Двое индейцев засмеялись, всеобщее внимание было приковано к заупрямившемуся жеребцу.

Один из индейцев носил головной убор из орлиных перьев. Фицджеральд находился достаточно близко, чтобы заметить ожерелье из когтей медведя на шее и шкурку выдры, оплетающую его косы. У троих имелись винтовки, двое остальных несли луки. На индейцах и лошадях не было боевой раскраски, и Фицджеральд предположил, что они охотятся. Он не был уверен, какому племени они принадлежат, хотя полагал, что любой местный индеец враждебно отнесется к трапперам. Фицджеральд прикинул, что они находятся вне пределов выстрела. Но это изменится, если они нападут. Если они двинутся на него, у него будет выстрел из винтовки и второй из пистолета. Возможно, ему удастся перезарядить винтовку, если река замедлит их продвижение. *Три выстрела на пять целей.* Расклад ему не понравился.

Прижавшись к земле, Фицджеральд пополз к высокому ивняку возле ручья. Он прополз по центру старых следов отряда, проклиная отметины, которые явно выдавали их местоположение. Достигнув густой заросли ивняка, он вновь обернулся, облегченно вздохнув, что индейцы всё ещё были заняты упрямым пегим жеребцом. Тем не менее, скоро они дойдут до места слияния ручья с рекой. Они заметят ручей, затем увидят следы. *Чёртовы следы!* Тянутся вверх по ручью, как стрела.

Фицджеральд пополз от ивняка к соснам. Он в последний раз обернулся, чтобы бросить взгляд на охотничий отряд. Упрямого

жеребца утомили, и все пятеро индейцев продолжили путь вверх по течению. *Нужно немедленно уходить.* Короткий отрезок пути от ручья до лагеря Фицджеральд уже пробежал.

Бриджер отбивал на камне кусок оленины, когда Фицджеральд ворвался на поляну. - Тут пять индейцев поднимаются вверх по Гранд! - Фицджеральд принялся с бешеной скоростью забрасывать свои пожитки в сумку. Он поднял глаза, в которых застыли напряжение и страх, а затем и гнев. - Пошевеливайся, парень! Они найдут наши следы в любую минуту!

Бриджер закинул мясо в парфлеш. Закинув рюкзак и ягдташ на плечи, он повернулся взять винтовку, склонившись к дереву рядом с Анстадом Гласса. Гласс! Мальчик внезапно осознал последствия побега, как неожиданный отрезвляющий шлепок. Он посмотрел на раненого.

Впервые за всё время, тем утром глаза Гласса были открыты. Когда Бриджер взглянул на него, во взгляде Гласса застыло остекленевшее недоумённое выражение человека, вышедшего из глубокого сна. Когда он очнулся, стало понятно, что взгляд его ожил, и что Гласс, как и Бриджер, осознал все последствия возможной встречи с индейцами у реки.

Каждая жилка в теле Бриджера учащенно забилась, хотя Бриджеру показалось, что взгляд Гласса выражал безмятежное спокойствие. *Осознание? Прощение? Или это просто то, во что я хочу верить?* Пока мальчик смотрел на Гласса, вина сдавила его тисками. *О чём думает Гласс? Что подумает капитан?*

- Ты уверен, что они поднимутся вверх по ручью? - дрогнувшим голосом спросил Бриджер. Он ненавидел свою неспособность держать себя в руках, проявление слабости в мгновения, требовавшие решительности.

- Хочешь остаться и узнать? - Фицджеральд подошел к огню, схватив оставшееся на коптильне мясо.

Бриджер вновь посмотрел на Гласса. Раненый шевелил потрескавшимися губами, тщетно стараясь выдавить слова из онемевшего горла.- Он пытается что-то сказать, - мальчик припал

на колено, пытаюсь разобрать слова. Гласс медленно поднял руку и указал дрожащим пальцем. *Он хочет Анстадт.* - Он хочет свою винтовку. Он хочет, чтобы мы дали ему винтовку.

Мальчик почувствовал тупую боль от сильного пинка в спину и распластался лицом на земле. Он, пошатываясь, встал на четвереньки, взглянув на Фицджеральда. Ярость на лице Фицджеральда словно слилась с искажёнными складками волчьей шапки. - Пошевеливайся, черт тебя дери!

Потрясенный Бриджер с округлившимися глазами с трудом поднялся на ноги. Он смотрел, как Фицджеральд подошел к Глассу, лежавшему на спине рядом с грудой своих пожитков: ягдташем, ножом в, обшитых бисером, ножнах, тесаком, Анстадтом и пороховым рожком.

Фицджеральд наклонился, чтобы подобрать ягдташ Гласса. Порывшись, он достал кремь и кресало и забросил в передний карман кожаной рубашки. Пороховой рожок он перекинул через плечо. Тесак просунул под широкий кожаный пояс.

Бриджер пораженно на него уставился.- Ты что творишь?

Фицджеральд вновь нагнулся и, подобрав нож Гласса, кинул его Бриджеру.- Держи. Бриджер поймал нож, с ужасом воззрившись на ножны в своей руке. Осталась лишь винтовка. Фицджеральд поднял её, быстро проверив, заряжена ли она. - Прости, старина Гласс. Тебе от неё больше никакого проку.

Бриджер выглядел потрясённым.- Мы не можем оставить его без снаряжения.

Мужчина в волчьей шапке бросил на него быстрый взгляд и исчез в лесу.

Бриджер посмотрел на ножны в своей руке. Перевёл взгляд на Гласса, чьи глаза смотрели на него, внезапно вспыхнув, как угли от кузнечных мехов. Бриджер почувствовал себя парализованным. В душе мальчика боролись противоречивые чувства, тщетно пытаюсь продиктовать ему верное решение, пока одно чувство неожиданно не одолело все остальные. Он испугался.

Мальчишка повернулся и побежал в лес.

Глава седьмая

2 сентября 1823 года, утро

Уже настал день, Гласс мог определить это даже не пошевелившись, но в остальном понятия не имел о времени. Он лежал там, где упал вчера. Гнев довел его до края поляны, но лихорадка остановила.

Медведь растерзал Гласса снаружи, а теперь лихорадка терзала его изнутри. Гласс чувствовал себя так, словно его выжали. Он не мог унять дрожь, отчаянно желая тепла костра. Осмотрев лагерь, он заметил, что от обугленных останков костровых ям дым не поднимается. Нет огня, нет тепла.

Он подумал о том, сможет ли отползти назад к потрепанному одеялу, и сделал робкую попытку пошевелиться. Он напрягся, собрав все свои силы, но ответ его тела был сродни слабому эху в бескрайней расселине.

Движение затронуло что-то глубоко в груди. Он почувствовал приступ кашля и напряг мышцы живота, чтобы подавить его. Мышцы горели после бесчисленных прошлых схваток, и несмотря на все усилия, кашель все же вырвался. Гласс перекосялся от приступа, похожего на боль, когда из тебя вырывают глубоко насаженный крючок. Ощущение было таким, словно через горло вытянули кишки.

Когда боль от кашля унялась, мысли его вернулись к одеялу. *Мне надо согреться.* Ему понадобились все силы, чтобы поднять голову. Одеяло лежало в двадцати футах. Перекатившись с бока на живот, он выкинул перед собой левую руку. Затем Гласс согнул левую ногу, и, подтянувшись, оттолкнулся. Подтягиваясь здоровой рукой и ногой, он полз по поляне. Двадцать футов показались

двадцатью милями, и трижды он остановился передохнуть. Каждый вздох с хрипом вырывался из горла, и Гласс вновь почувствовал ноющую боль в развороченной спине. Когда одеяло оказалось в пределах досягаемости, он потянулся к нему. Хью натянул его на плечи, прильнув к толстой и тёплой шерсти одеяла гудзонова залива [18]. И потерял сознание.

Всё долгое утро тело Гласса сражалось с воспалёнными ранами. Он то впадал в забытие, то вновь приходил в себя, витая где-то между этими состояниями, рассматривая окружавшее его, как отдельные страницы книги, рассеянные осколки истории, не имеющие начала и конца, бессвязные. Придя в сознание, он отчаянно желал вновь заснуть, только чтобы облегчить свои страдания. Но в те мгновения, когда он выходил из забытия, его преследовала навязчивая, ужасающая мысль, что он может и не проснуться. *Вот так приходит смерть?*

Гласс не знал, сколько времени пролежал, когда появилась змея. Со смесью ужаса и восхищения Хью наблюдал, как она неторопливо выползла из леса на поляну. В её движениях присутствовала осторожность; змея остановилась на поляне, её язык заскользил, ощупывая воздух. Но несмотря на это, в повадках змеи проглядывал хищник, уверенно выслеживающий добычу. Змея вновь поползла вперед, её медленные извивающиеся движения внезапно ускорились, придав ей необычайное проворство. Она нацелилась на него.

Гласс хотел было откатиться в сторону, но в движениях змеи было нечто роковое. Затуманенный разум Гласса помнил о совете не двигаться при встрече со змеей. Он замер, отчасти загипнотизированный, отчасти по собственной воле. Змея подползла на расстояние в несколько футов от его лица и застыла. Гласс смотрел, пытаясь перенять немигающий взор гадины. Но не мог с ней тягаться. Чёрные глаза змеи были так же беспощадны, как и чёрная смерть. Он замороженно следил, как змея свернулась в клубок, её тело напряглось с единственной целью - метнуться вперед и напасть. Её язык непрерывно скользил, осязая, ощупывая воздух. В середине

клубка начал покачиваться из стороны в сторону хвост, гремя как метроном, отсчитывающий последние мгновения перед смертью.

Первый выпад змеи оказался столь стремительным, что Гласс не успел увернуться. Он в ужасе смотрел, как голова гремучей змеи метнулась вперед с открытой пастью, обнажив клыки с сочащимся ядом. Зубы вонзились Глассу в предплечье. Он вскричал от боли, когда гадина вцепилась в него, тряхнул рукой, но зубы держались, и змея раскачивалась в воздухе вместе с рукой. Наконец змея упала, её длинное тело свалилось прямо перед Глассом. Прежде чем тот смог откатиться, змея вновь свернулась кольцом и атаковала. В этот раз Гласс не смог закричать. Гадина погрузила зубы ему в горло.

Гласс открыл глаза. Солнце стояло прямо над ним; только из такого положения его лучи проникали на поляну. Гласс осторожно перекатился на бок, чтобы спрятаться от палящих лучей. В десяти футах от него вытянувшись лежала змея. Час тому назад она проглотила зайчонка. Теперь огромный бугор искажил размеры змеи, пока заяц медленно опускался в её желудок.

Гласс в страхе посмотрел на свою руку. Там не было следов укуса. Он осторожно коснулся шеи, почти ожидая найти прицепившуюся змею. Ничего. Он с облегчением осознал, что змея, - по-крайней мере, змеиные укусы - были просто приснившимся кошмаром. Он опять бросил взгляд на застывшую змею, переваривавшую свою добычу.

Хью отвел руку от горла. Он почувствовал плотный налёт солёной испарины от обильного потоотделения, хотя его кожа была прохладной. Лихорадка отступила. *Вода!* Тело изнывало от жажды. Он пополз к ручью. Растерзанное горло позволяло делать лишь самые короткие глотки. Даже они причиняли боль, хотя ледяная вода бодрила, придавала сил и очищала.

Знаменательная жизнь Хью Гласса началась вполне заурядно, с рождения первенцем в семье Виктории и Уильяма Глассов, английского каменщика в Филадельфии. К концу столетия Филадельфия переживала бум, и строители не находили недостатка в работе. Уильям Гласс так и не стал богачом, но вполне комфортно

обеспечивал своих пятерых детей. Как истинный каменщик, Уильям считал родительский долг основой всего. Главную цель своей жизни он видел в том, чтобы дать детям образование.

Когда Хью проявил недюжинные способности к учебе, Уильям посоветовал ему подумать о карьере законника. Но Хью совсем не проявлял интереса к белым парикам и заплесневелым книгам. У него была своя страсть - география.

На той же улице, где жила семья Глассов, находилась контора судоходной компании "Роусторн и Сыновья". В вестибюле своего здания они выставили огромный глобус, один из немногих в Филадельфии. Каждый день, возвращаясь из школы, Гласс сворачивал в контору, вертел глобус вдоль оси, пальцами исследуя океаны и горы. Стены помещения украшали цветные карты, изображавшие важнейшие торговые пути. Тоненькие линии пересекали океан, соединяя Филадельфию с великими портами мира. Хью нравилось мечтать о местах и людях на концах этих тонких линий - от Бостона до Барселоны, от Константинополя до Китая.

Не желая сильно ограничивать сына, Уильям предложил Хью стать картографом. Но для Хью простое составление карт выглядело делом слишком пассивным. Увлечение Хью крылось не в абстрактном изображении мест, но в них самих, во всех обширных областях, отмеченных как терра инкогнита. Картографы тех времен населяли эти неизведанные местности изображениями самых причудливых и устрашающих монстров. Хью часто гадал, существуют ли в действительности эти чудовища, или они просто творение пера картографа. Он спросил отца, но тот ответил: "Не знаю". Отец хотел припугнуть Хью, подтолкнув его к более практичному занятию. Но замысел его провалился. В тринадцать лет Хью вознамерился стать капитаном корабля.

В 1802 году, когда Хью исполнилось шестнадцать, Уильям, опасавшийся, что мальчик может сбежать в море, сдался желанию сына. Уильям был знаком с голландским капитаном фрегата компании "Роусторна и Сыновья" и попросил взять Хью на борт юнгой. Капитан, Йозияс ван Артцен, не имел сыновей. Он всерьёз

взялся за Хью и в течение десяти лет обучал его корабельному мастерству. Ко тому времени, когда в 1812 году капитан умер, Хью дорос до должности первого помощника.

Война 1812-го года [\[19\]](#) прервала привычную торговлю "Роусторна и Сыновей" с Британией. Компания быстро переключилась на новое и прибыльное дело - прорыв блокады. Войну Хью провёл, уворачиваясь от британских военных кораблей на своем быстром фрегате, перевозя сахар и ром из Карибского моря к, охваченному войной, американскому побережью. После окончания войны в 1815 году "Роусторн и Сыновья" сохранили карибское предприятие, а Хью стал капитаном небольшого грузового судна.

На тридцать первом году своей жизни Хью повстречал Элизабет ван Артцен, девятнадцатилетнюю племянницу своего наставника-капитана. В День Независимости "Роусторн и Сыновья" устроила праздник с групповыми танцами и кубинским ромом. Сам танец не располагал к общению, но вылился в дюжину отрывочных, головокружительных и волнительных обменов репликами. Гласс заметил в Элизабет нечто особенное, неотразимую уверенность в себе. Хью Гласс был сражен.

На следующий день он нанёс ей визит, и так каждый раз, когда причаливал в Филадельфию. Элизабет была образована, повидала свет, и с легкостью поддерживала разговор про дальние страны и их жителей. Они могли беседовать не договаривая; каждый способен был закончить мысль за другого, с легкостью смешили друг друга своими рассказами. Время, проведённое вдали от Филадельфии, превратилось в пытку. Блеск рассвета напоминал Глассу о её глазах, освещённые луной паруса - её молочно-белую кожу.

Ярким майским днем 1818-го года, Гласс вернулся в Филадельфию с маленькой вельветовой коробочкой в нагрудном кармане сюртука. Внутри находилась блестящая жемчужина на тонкой золотой цепочке. Гласс преподнёс подарок Элизабет и попросил её руки. Свадьбу они запланировали на лето.

Спустя неделю Гласс отплыл на Кубу. Там он застрял в порту

Гаваны, ожидая разрешения разногласий по поводу задержавшейся партии в сотню бочонков рома. Месяц спустя в Гавану прибыл другой корабль компании. С собой он привёз письмо от матери Гласса с известием о кончине отца. Мать молила его, не мешкая, отплыть в Филадельфию.

Гласс понимал, что разрешение разногласий по доставке рома может затянуться не на один месяц. За это время он мог доплыть до Филадельфии, уладить дела в имении отца и вернуться на Кубу. Если юридические разногласия разрешатся быстрее, то его первый помощник может отвести судно в Филадельфию. Гласс купил место на "Боните Морене", испанском торговом судне, направлявшемся в Балтимор.

Но как оказалось, испанскому купцу не было суждено добраться до укреплений форта МакГенри. А Глассу не суждено больше увидеть Филадельфию. Спустя день после отплытия из Гаваны на горизонте показался корабль без флага. Капитан "Бониты Морены" попытался сбежать, но неповоротливое судно не могло тягаться с резвым пиратским куттером. Куттер поравнялся с торговцем и дал залп картечью из пяти пушек. С пятью мертвыми моряками на руках, капитан спустил флаг.

Капитан ожидал, что, сдавшись, получит пощаду. Он её не получил. Двадцать пиратов взошли на борт "Бониты Морены". Главарь, мулат с золотым зубом и цепью, приблизился к капитану, который чинно стоял на квартердеке.

Вывхватив из-за пояса пистолет, мулат прострелил капитану голову. Экипаж и пассажиры стояли потрясенные в ожидании уготованной им участи. Среди них стоял и Хью Гласс, разглядывая буханьеров и их корабль. Они говорили на смеси креольского, французского и английских языков. Гласс вполне справедливо подозревал, что они были баратарскими пиратами - пехотой разрастающегося синдиката пирата Жана Лафита [\[20\]](#).

До начала войны 1812 года Жан Лафит долгое время был чумой Карибского моря. Американцы не обращали на него почти никакого

внимания, так как его жертвами в основном становились британцы. В 1814 году Лафит обнаружил законную управу на ненавистных ему англичан. Сэр Эдвард Пекенхэм [\[21\]](#) и шесть тысяч ветеранов Ватерлоо осадили Новый Орлеан. Главнокомандующий американской армией, генерал Эндрю Джексон [\[22\]](#), обнаружил численное превосходство врага - пять к одному.

Когда Лафит предложил услуги своих баратарианцев, Джексон не спрашивал рекомендательных писем. Лафит и его люди доблестно сражались в сражении при Новом Орлеане. На фоне восторга после победы американского оружия, Джексон ходатайствовал о полном прощении прошлых преступлений Лафита, на что президент Мэдисон быстро согласился.

Лафит не намеревался оставлять избранную им профессию, но быстро смекнул все выгоды покровительства. В то время Мексика находилась в состоянии войны с Испанией. На острове Гальвестон Лафит основал поселение, названное им Кампече, и предложил свои услуги Мехико. Мексиканцы наняли Лафита и его небольшой флот, дав разрешение нападать на любой испанский корабль. Лафит же, в свою очередь, получил лицензию на грабёж.

Безжалостная сторона этого договора теперь развернулась во всей красе перед глазами Хью Гласса. Когда два члена экипажа вышли вперед, чтобы помочь смертельно раненному капитану, их тоже застрелили. Трёх находившихся на борту женщин, включая древнюю вдову, перевели на борт куттера, где их с приветственными криками встретили ухмыляющиеся пираты. Пока один отряд пиратов спустился в трюм осмотреть груз, другая группа взялась за детальный осмотр экипажа и пассажиров. Двое почтенных мужчин и тучный банкир были раздеты догола и сброшены за борт.

Мулат говорил на смеси испанского с французским. Он встал перед захваченным экипажем, разъясняя стоящий перед ними выбор. Любой человек, отрекшийся от Испании, мог перейти на службу к Жану Лафиту. Любой несогласный присоединится к капитану. Дюжина оставшихся в живых матросов выбрала Лафита. Половину

перевели на куттер, другая присоединилась к пиратам на "Боните Морене".

Хотя Гласс почти не говорил на испанском, он понял смысл ультиматума мулата. Когда мулат подошел к нему, держа в руке пистолет, Гласс ткнул пальцем в грудь и произнес одно слово на французском: "Marin". Моряк.

Мулат в молчании оценивающе посмотрел на его. Уголок его рта растянулся в ухмылке, когда он произнес: - A bon? Okay monsieur le marin, hissez le foc [\[23\]](#). Поставьте кливер.

Гласс отчаянно копался уголках своего слабого французского. Он понятия не имел, что значило " hissez le foc". Хотя вполне отчетливо понимал, как высоки ставки, связанные с успешным прохождением испытания мулата. Предположив, что испытание включает себя его состоятельность как моряка, он уверенно прошел на нос корабля, коснувшись кливера, который приводит судно к ветру.

- Bien fait monsieur le marin [\[24\]](#), - произнес мулат. Стоял август 1819 года. Хью Гласс стал пиратом.

Гласс вновь посмотрел на просвет между деревьями, куда убежали Фицджеральд с Бриджером. Он закрипел зубами при воспоминании об их поступке и в очередной раз почувствовал неодолимое желание броситься за ними в погоню. Но на этот раз он чувствовал и слабость. В первый раз за всё время после нападения медведя его разум был ясен. Вместе с ясностью пришло тревожное осознание своего положения.

С большим трепетом Гласс принялся осматривать свои раны. Правой рукой он коснулся краев скальпа. Он поймал расплывчатое отражение своего лица в лужице родника и заметил, что медведь едва не скальпировал его. Хью никогда не был тщеславным, и нынешнее состояние его внешности его почти не взволновало. Если он выживет, то шрамы могут даже принести ему определенное уважение среди приятелей.

Что действительно его заботило, так это горло. Не имея

возможности толком осмотреть рану, разве что в расплывчатом отражении родника, он осторожно касался её пальцами. Компресс Бриджера отвалился, когда он днем ранее ползком преодолел небольшое расстояние. Гласс коснулся швов и и порадовался, что капитан Генри обладает элементарными навыками хирурга. Он смутно помнил, что капитан корпел над ним после нападения медведя, хотя детали и хронологический порядок оставались в тумане.

Склонив шею к воде, он смог разглядеть метки когтей, тянувшиеся от плеча к горлу. Медведь глубоко прошелся сквозь мышцы грудной клетки и предплечья. Живица Бриджера затянула раны. Они выглядели сравнительно чистыми, хотя острая мышечная боль не позволяла ему поднять правую руку. Живица навела на мысли о Бриджере. Он вспомнил, что мальчик обрабатывал раны. Но отнюдь не образ ухаживающего за ним Бриджера засел в сознании.

Вместо этого он видел Бриджера оглядывающимся на краю поляны с украденным ножом в руке.

Взглянув на змею, Гласс подумал: *"Господи, все бы отдал за свой нож."* Гадина пока не шевелилась. Он подавил мысли о Фицджеральде и Бриджере. Не сейчас.

Гласс посмотрел на правую ногу. Колотые раны на бедре тоже были смазаны смолой Бриджера. И также выглядели чистыми. Он осторожно вытянул ногу. Она одеревенела, как у трупа. Хью проверил ногу, слегка перенеся вес и затем надавив на неё. От ран незамедлительно нахлынула мучительная боль. Ясно, что ноге не вынести его веса.

Напоследок Гласс левой рукой исследовал глубокие порезы на спине. Его пальцы нащупали пять параллельных порезов. Он коснулся вязкой мешанины живицы, швов и струпьев. Когда он взглянул на руку, то увидел на ней свежую кровь. Порезы начинались от ягодиц и становились глубже к спине. Самая глубокая рана находилась между лопатками, куда рука не могла достать.

Закончив самоосмотр, Гласс пришел к нескольким бесстрастным выводам - он беспомощен. Если индейцы или хищники его

обнаружат, он не сможет оказать им сопротивления. Он не может дальше оставаться на поляне. Он не был уверен в том, сколько дней провел в лагере, но понимал, что скрытый родник должен быть отлично известен всех индейцам в округе. Гласс не понимал, почему его не обнаружили вчера, но знал, что его удача может на этом закончиться.

Несмотря на угрозу нападения индейцев, Гласс не намеревался удаляться от Гранда. Это признанный источник воды, еды и способ ориентации. Тем не менее, перед ним стоял один решающий вопрос - вниз или вверх по течению? Как ни хотелось Глассу незамедлительно броситься в погоню за предателями, он понимал, что подобный шаг - безумие. Он один и безоружен во враждебной местности. Он ослаб от лихорадки и голода. Он не может ходить.

Как ни мучительна была мысль об отступлении, даже временном, Гласс понимал, что иного выбора не существует. Торговый пост Форт-Бразо находился в трехсот пятидесяти милях вниз по течению, у слияния Уйат-Ривер с Миссури. Если он сумеет туда добраться, то сможет запастись провизией и тогда уже всерьез взяться за преследование.

Триста пятьдесят миль. Здоровый человек при хорошей погоде может покрыть это расстояние за две недели. *Сколько я смогу проползти в день?* Он понятия не имел, но не собирался засиживаться на одном месте. Его рука и нога не выглядели воспалёнными, и Гласс решил, что со временем раны затянутся. Он будет ползти до тех пор, пока тело сможет держаться. Если он будет делать только три мили в день, так тому и быть. Лучше иметь эти три мили позади, чем впереди. Кроме того, продвижение увеличит его шансы добыть еду.

Мулат и захваченный им корабль направились на запад, в сторону залива Гальвестон и пиратской базы Лафита в Кампече. Они атаковали ещё одного испанского торговца в ста милях к югу от Нового Орлеана, когда заманили свою жертву под пушечный выстрел, скрываясь под испанским флагом "Бониты Морены"

Взобравшись на борт своей новой жертвы, "Кастельяны", буханьеры вновь провели безжалостный отбор. На этот раз пришлось

действовать быстрее, так как пушечный залп пробил в "Кастельяне" дыру ниже ватерлинии. Судно тонуло.

Пиратам улыбнулась удача. "Кастельяна" плыла из Севильи в Новый Орлеан с грузом мушкетов. Если они успеют разгрузить оружие до того, как корабль затонет, то получают огромные барыши. Лафит будет доволен.

Активное заселение Техаса началось лишь к 1819-му году, и пиратский анклав Жана Лафита на острове Гальвестон старательно работал, обеспечивая регион. От Рио-Гранде до Сабина протянулись города, и все они нуждались в провизии. Присущие Лафиту методы добычи товаров исключали посредников. По правде говоря, они вырезали посредников. Имея преимущество над обычными торговцами, Кампече процветал, превратившись в магнит для разного рода контрабандистов, работорговцев, мошенников, одним словом любого, кто искал благодатную почву для нелегальной торговли. Амбициозный статус Техаса способствовал защите пиратов Кампече от вмешательства внешних сил. Мехико извлекал выгоду от нападения на испанские корабли, а Испания была слишком слаба, чтобы противостоять. Соединённые Штаты пока что предпочитали закрывать на это глаза. В конце концов, Лафит не беспокоил американские корабли и к тому же был героем битвы за Новый Орлеан.

Хоть не закованный в кандалы, Хью Гласс чувствовал себя скованным по рукам и ногам криминальным предприятием Жана Лафита. При захвате корабля любая попытка неподчинения могла привести к смерти. После участия в нескольких атаках на испанских купцов, у Хью не осталось ни малейших сомнений во взглядах пиратов на инакомыслие. Гласс старался не проливать крови, остальные свои поступки он оправдывал неизбежностью.

В проведённое на берегу время Глассу так и не представилась возможность сбежать. Лафит безраздельно властвовал на острове. На побережье Техаса, по ту сторону залива, жили индейцы племени каранкава [\[25\]](#), известные каннибалы. За территорией каранкава

лежали земли тонкава, команчей, кайова и осейджи [\[26\]](#) . Ни одно племя не питало симпатий к белым, правда, они менее были настроены их пожирать. Отдельные уголки цивилизации, всё ещё населённые достаточным количеством испанцев, скорее всего повесят как пирата любого, кто направится вглубь материка. Ну и последним штрихом в пёстрой смеси, населяющей материк, были мексиканские бандиты и тexasские добровольцы.

Однако наступил день, когда цивилизованный мир не пожелал больше терпеть процветающее пиратское государство. Соединенные Штаты взяли курс на улучшение отношений с Испанией. Подобный дипломатический шаг затрудняли постоянные нападения на испанские суда, в основном в американских территориальных водах. В ноябре 1820 года президент Мэдисон отправил лейтенанта Ларри Керни на "Энтерпрайз" вместе с военной флотилией к Кампече. Лейтенант Керни предоставил Лафиту весьма ограниченный выбор - покинуть остров или быть разнесенным на кусочки.

Жан Лафит был не только авантюристом, но и прагматичным человеком. Он погрузил на корабли как можно больше награбленного, поджёг Кампече и отплыл вместе с флотилией своих буканьеров, навеки канув в лету истории.

Той ноябрьской ночью Хью Гласс стоял на охваченных хаосом улицах Кампече и принял поворотное решение насчет своего будущего. Он не собирался присоединяться к отплывающей флотилии пиратов. Морские просторы, когда-то олицетворявшие для Гласса свободу, теперь ужались до крошечных размеров кораблей. Он решил сменить галс.

Алое зарево пожара осветило последнюю ночь Кампече апокалиптическим сиянием. Между далеко отстоявшими домами сновали люди, хватая всё, что могло иметь ценность. Алкоголь, в котором никогда не было недостатка на острове, лился ручьем. Ссоры из-за добычи быстро решались огнестрельным оружием, наполнив город спорадическим треском пистолетов. Поползли дикие слухи о том, что американская флотилия собирается бомбардировать город.

Люди бешено сражались за возможность вскарабкаться на борт отплывающих кораблей, чьи экипажи саблями и пистолетами отбивались от непрошенных пассажиров.

Пока Гласс размышлял, куда податься, он столкнулся лицом к лицу с Александером Гринстоком. Как и Гласс, Гринсток был пленником, принудительно вступившим в ряды Жана Лафита при захвате корабля. Гласс плавал вместе с ним во время последней вылазки в Мексиканский залив. - Я знаю, где на южном берегу припрятан ялик, - сказал Гринсток. - Я собираюсь отплыть на нём на материк. Среди всех противоречивых вариантов опасности материка выглядели наименее угрожающе. Гласс и Гринсток стали выбираться из города. На узкой дороге перед ними на повозке, на которую в беспорядке были навалены ящики и бочонки, ехали трое увешанных оружием мужчин. Один из них правил лошадью, двое остальных сторожили добычу. Повозку тряхнуло на камне, и один из ящиков с грохотом свалился на землю. Погонщики не обратили на него внимания, продолжив мчаться, чтобы успеть на корабль.

На крышке ящика красовалась надпись "Кутстаун, Пенсильвания". Внутри лежали новехонькие винтовки оружейной мастерской Джозефа Анстадта. Гласс и Гринсток взяли по винтовке, радуясь своей удаче. Они обыскали несколько домов, которые ещё не успели обратиться в пепел, и нашли там пули, порох и несколько безделушек для обмена.

Большая часть ночи у них ушла на то, чтобы обогнуть восточную оконечность острова и пересечь залив Гальвестона. Вода отражала пляшущие огоньки горячей колонии, и со стороны казалось, что весь залив охвачен пламенем. Они ясно могли разглядеть высившиеся громады американского флота и отплывающих кораблей Лафита. Когда они приблизились к материку на сто ярдов, на острове прогремел страшный взрыв. Обернувшись, Гласс и Гринсток заметили, как от Мэйсон-Руж, резиденции и арсенала Лафита, поднялся столб пламени. Пройдя последние ярды залива, они спрыгнули в мелкие воды. Выбравшись на берег, Гласс навсегда оставил море в прошлом.

Не имея определенного плана или маршрута, оба решили медленно продвигаться вдоль побережья Техаса. Подобный путь они выбрали скорее из желания избежать неприятностей, нежели достичь определенной цели. Они постоянно опасались каранкава. На берегу они чувствовали себя незащищёнными, но густые тростниковые заросли убивали желание углубиться на материк. Они опасались испанских солдат и американского флота.

После семи дней пешего пути в отдалении показалось поселение Накодочес. Вести о разгроме американцами Кампече несомненно дошли и сюда. Они догадывались, что местные будут смотреть на любого путника со стороны Гальвестона, как на пирата, достойного виселицы. Гласс знал, что Накодочес являлся перевалочным пунктом испанского округа Сан-Фернандо-де-Бехар. Они решили обойти деревню и свернули вглубь материка. Они надеялись, что вдали от побережья будет меньше известно о событиях в Кампече.

Их надежды не оправдались. Шестью днями спустя они прибыли в Сан-Фернандо-де-Бехар и были незамедлительно арестованы испанцами. Проведя неделю в зловонной камере, оба предстали перед майором Хуаном Паласио дель Валле Лерсунди, местным магистратом.

Майор Паласио смотрел на них тяжелым взглядом. Хуан был разочарованным солдатом. Он желал стать конкистадором, но вместо этого управлял пыльным захолустьем, находившимся на задворках войны, которую, как он был уверен, Испания проиграет. Бросив взгляд на двух мужчин, майор Паласио понял, что наилучшим выходом будет приказать повесить обоих. Судя по тому, что они пришли с побережья, экипированные только винтовками и одеждой, майор подозревал в них пиратов или шпионов. Хотя оба утверждали, что попали в плен к Лафиту во время плаванья на испанских кораблях.

Но майор Паласио не был в настроении вешать. За неделю до этого он приговорил к смерти юного испанского солдата, заснувшего на посту - предписанное наказание для нарушителей закона. Повешение повергло его в глубокую депрессию, и он провел

большую часть прошлой недели, исповедуясь у местного священника. Он смотрел на двух пленников и слушал их рассказ. Правда ли это? Как он мог быть в этом уверен? К тому же он уже не знал, имеет ли он право оборвать их жизни.

Майор Паласио предложил Глассу и Гринстоку сделку. Они вольны покинуть Сан-Фернандо-де-Бехар, но при одном условии - они должны отправиться на север. Паласио опасался, что если они направятся на юг, их перехватит другой испанский отряд. Меньше всего ему хотелось быть наказанным за прощение пиратов. Они почти не знали Техас, но Гласса неожиданно восхитила перспектива продвигаться вглубь континента, не имея компаса.

Таким образом, они пошли на северо-восток в надежде, что на каком-то этапе пути выйдут к величественной Миссисипи. После более тысячи миль пешего пути Глассу и Гринстоку удалось выжить на открытых долинах Техаса. Дичь была в изобилии, включая несметные стада дикого рогатого скота, так что еда оказалась не проблемой. Опасность исходила от чередовавшихся друг за другом земель враждебных индейцев. Выжив во время пешего путешествия по землям каранкава, они избежали и команчей, кайова, тонкава и осейджи.

Их удаче пришел конец на берегах реки Арканзас. Они застрелили телёнка бизона и собирались освежевать его. Двадцать всадников пауни племени скиди [\[27\]](#) услышали выстрел и примчались на волнистый гребень холма. Лишенная растительности поляна не предлагала никакого укрытия, даже камней. Без лошадей у них не было и шанса. Гринсток по глупости вскинул свою винтовку и выстрелил, убив лошадь под одним из индейцев. Мгновением спустя он лежал мёртвый, с тремя стрелами в груди. Гласса же ранили стрелой в бедро.

Гласс даже не поднял винтовку, бесстрастно наблюдая, как к нему мчатся девятнадцать всадников. Он заметил краску на груди первой лошади и её темную гриву, развевающуюся на фоне синего неба, но почти не почувствовал удара отполированным камнем

палицы по голове.

Очнулся Гласс в деревне пауни. В голове у него пульсировало, он был привязан шеей к столбу, вбитому в землю. Индейцы также связали ему запястья и лодыжки, хотя он мог двигать руками. Вокруг него столпилась орава детишек, которые возбужденно закричали, когда он открыл глаза.

Дряхлый вождь с, торчащим на голове, жестким пучком волос подошел к нему, разглядывая странного человека, одного из немногих белых, которых он повидал на своем веку. Вождь по имени Брыкающийся Бык заговорил, но Гласс его не понял, хотя собравшиеся пауни принялись в восторге вопить и кричать. Гласс лежал на краю большого круга в центре деревни. Когда к нему вернулось зрение, Гласс заметил тщательно сложенный погребальный костер в центре круга и быстро смекнул причину радости пауни. На детей прикрикнула старуха. Когда ребятишки отбежали, пауни разошлись, чтобы заняться погребальным костром.

Гласса оставили наедине со своими мыслями. В глазах у него двоилось изображение лагеря, сливаясь в одно лишь тогда, когда он щурился или закрывал глаз. Бросив взгляд на левую ногу, он заметил, что пауни потрудились извлечь стрелу. Вонзилась она неглубоко, но рана, несомненно, замедлит его передвижения, попытайся он удрать в лес. Короче говоря, он едва мог видеть и едва мог передвигаться, не то что бежать.

Он похлопал по нагрудному карману рубашки, облегчённо вздохнув, что небольшая бутылочка с киноварью осталась при нём. Киноварь была одной из тех немногих безделушек, что ему удалось захватить с собой во время побега из Кампече. Повернувшись на бок, чтобы скрыть свои действия, Гласс достал бутылочку, открыл её, высыпал порошок на ладонь, сплюнул и принялся помешивать пальцем. Затем он намазал краской лицо, стараясь замазать ею каждый дюйм кожи ото лба до воротника рубашки. Он также вылил достаточное количество краски себе в ладонь. Закрыв бутылочку, он зарыл её в песчаной почве у ног. Закончив, он перекатился на живот и опустил лицо на согнутую руку, закрыв его.

В таком положении он оставался, слушая возбужденные приготовления индейцев к казни, пока они за ним не пришли. Опустилась ночь, но огромный костер освещал ритуальный круг деревни пауни.

Гласс так и не был уверен до конца, совершил ли он этот поступок, как некий символический прощальный жест, или он действительно надеялся на произведённый им эффект. Он слышал, что большинство дикарей суеверно. В любом случае, результат оказался драматичным, и, как оказалось, спас ему жизнь.

Два молодых индейца и вождь Брыкающийся Бык подошли, чтобы отвести его на костер. Когда они обнаружили его с опущенным лицом, то сочли это за проявление страха. Брыкающийся Бык разрезал веревки, пока двое остальных схватили его за плечи, чтобы поднять на ноги. Не обращая внимания на боль в бедре, Гласс вскочил, встав лицом к вождю, индейцам и собравшейся толпе.

Стоявшая перед ним толпа пауни ахнула от удивления. Лицо Гласса стало кроваво-красным, словно с него срезали кожу. В белках его глаз отражалось пламя, они сверкали, словно полная луна. Большинство индейцев никогда не видели белого человека, и его длинная борода лишь усиливала сходство с демоническим зверем. Гласс шлёпнул одного из индейцев, оставив на груди последнего кровавые отпечатки пальцев. Племя дружно охнуло.

Долгое время стояла тишина. Гласс смотрел на пауни, а пораженные пауни глазели на него. Несколько удивленный успехом примененной им тактики, Гласс обдумывал следующий шаг. Он испугался при мысли, что один из индейцев может внезапно прийти в себя. Гласс решил кричать, и не придумав ничего лучшего, принялся выкрикивать "Отче Наш".

- Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое

Вождь Брыкающийся Бык смотрел на него в полнейшем недоумении. Ему доводилось прежде видеть несколько бледнолицых, но этот человек был похож то ли на шамана, то ли на демона. А теперь странные распевы этого человека, казалось, околдовали целое племя.

Гласс продолжал.- Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь.

Наконец бледнолицый перестал вопить. Он стоял, тяжело дыша, как загнанная лошадь. Вождь Брыкающийся Бык оглянулся по сторонам. Его люди сновали взглядом от вождя к бешеному демону. Вождь Брыкающийся Бык чувствовал на себе обвинительные взгляды племени. Что за напасть он на них навлёк? Настало время сменить курс действий.

Он медленно подошел к Глассу, встав перед ним. Потянувшись к шее, вождь снял ожерелье, на котором болталась пара ястребиных лап. Ожерелье он надел на Гласса, вопросительно глядя в глаза демону.

Гласс оглянул собравшуюся вокруг толпу. В самом центре, возле погребального костра, стояли четыре кресла, сплетённые из прутьев ив. Очевидно, это были первые места на представление по его ритуальному сожжению. Он прохромал к одному из кресел и опустился в него. Вождь что-то произнес, и две женщины поднялись, принесли воду и еду. Затем он обратился к индейцу с киноварным отпечатком руки на груди. Индеец сорвался с места, вернувшись с Анстадтом, который положил подле Гласса.

Вместе с Волками Пауни Гласс прожил почти год на равнинах между реками Арканзас и Платт. Преодолев привычную сдержанность, Брыкающийся Бык усыновил Гласса. Те знания, которые Гласс не успел приобрести, пока выживал в глуши после побега из Кампече, он перенял от пауни за один год.

К 1821 году на равнинах между Платтом и Арканзасом начали появляться, путешествовавшие в одиночку, белые. Летом того же года, когда Гласс охотился вместе с отрядом из десяти пауни, он натолкнулся на двух белых людей с фургоном. Попросив своих друзей пауни подождать его, Гласс медленно выехал вперед. Это оказались федеральные агенты, посланные Уильямом Кларком [\[28\]](#), суперинтендантом бюро по делам индейцев. Кларк приглашал вождей всех ближних племен в Сент-Луис. В знак добрых намерений

государства фургон был забит дарами - одеялами, штопальными иглами, кожами, железными котелками.

Три недели спустя Гласс прибыл в Сент-Луис в сопровождении Брыкающегося Быка.

Сент-Луис лежал на перепутье двух сил, притягивавших Гласса. С востока он по-новому почувствовал крепкие узы с цивилизованным миром - с Элизабет и своей семьей, со своей профессией и прошлым. С запада он чувствовал волнующую тягу к неизведанным землям, к бескрайней свободе, к новым истокам. Гласс отправил в Филадельфию три письма - Элизабет, матери и "Роусторн и Сыновьям". Он устроился клерком в "Миссисипскую судоходную компанию" и стал ждать ответа.

Он пришел через шесть месяцев. В начале марта 1822 года прибыло письмо от брата. "Наша мать умерла, лишь на месяц пережив отца", - писал он.

Но на этом дурные вести не кончались. "С сожалением также вынужден сообщить тебе, Хью, о смерти дорогой тебе Элизабет. Она подхватила лихорадку прошлым январем, и хотя и боролась, но не сумела оправиться". Гласс упал в кресло. Кровь отхлынула от его лица, Хью думал, сможет ли это перенести. Он продолжил читать. "Надеюсь, тебя утешит, что она была погребена рядом с нашей матушкой. Ты также должен знать, что её верность тебе оставалась неизменной, даже когда мы все считали тебя погибшим".

Двадцатого марта, прибыв к конторе "Миссисипской судоходной компании", Гласс обнаружил группу людей, собравшуюся возле объявления в "Миссури Репабλικан". Уилльям Эшли набирал отряд охотников за пушниной, направляющийся в верховья Миссури.

Неделю спустя прибыло письмо от "Роусторна и Сыновей" предлагавшее ему новое назначение капитаном куттера по маршруту Филадельфия - Ливерпуль [\[29\]](#). Вечером четырнадцатого апреля он в последний раз перечитал предложение и затем выбросил его в огонь, наблюдая, как пламя пожирает последние остатки прошлой жизни.

На следующее утро Гласс отплыл вместе с капитаном Генри и

трапперами "Пушной компании Скалистых гор". В свои тридцать шесть лет Гласс уже не считал себя молодым. И в отличие от юнцов, Гласс не считал себя человеком, которому нечего терять. Его решение отправиться на запад не было ни скоропалительным, ни вынужденным, а тщательно обдуманым, как и любой другой поступок в его жизни. Однако вместе с тем он не мог изложить причины, сподвигшие его на этот шаг. Поступок был скорее продиктован чувствами, нежели расчетом.

В письме брату он написал следующее: "Это дело меня влечёт сильнее, чем что-либо и когда-либо в моей жизни. Уверен, я поступаю правильно, хоть и не могу тебе объяснить почему".

Глава восьмая

2 сентября 1823 года, день

Гласс опять бросил пристальный взгляд на гремучую змею, которая неподвижно лежала, переваривая свою добычу. Змея не сдвинулась ни на дюйм с того момента, как Гласс пришел в себя. Еда.

Утолив жажду из струившегося родника, Гласс неожиданно почувствовал щемящий приступ голода. Он и представления не имел, сколько времени прошло, с тех пор как он в последний раз ел, но его руки дрожали от истощения. Когда Хью поднял голову, поляна медленно закружилась перед ним.

Гласс осторожно пополз к змее; картины пережитого им кошмара всё ещё были свежи. Он подобрался к ней на шесть футов, остановившись, чтобы взять камень размером с грецкий орех. Левой рукой он толкнул камень, который покатился к змее и стукнулся об нее. Змея не пошевелилась. Гласс подобрал камень размером с кулак и подполз поближе. Змея слишком поздно сделала вялую попытку скрыться. Гласс ударил змею по голове, и не останавливаясь молотил гадину, пока не убедился, что та мертва.

Покончив со змеей, Гласс столкнулся с другой проблемой - как её освежевать? Он осмотрел лагерь. Его ягдташ лежал на краю поляны. Он подполз к нему, вывернув содержимое на землю. Оттуда вывалилась ветошь для чистки винтовки, бритва, бисерное ожерелье с лапами ястреба и шестидюймовый коготь гризли. Гласс подобрал коготь, нащупав сгусток запекшейся крови на кончике. Он забросил его обратно, гадая, как он там оказался. Гласс подобрал тряпки, с горечью подумав, что теперь, когда они уже не пригодятся для своей изначальной цели, то пойдут на растопку. Единственной подходящей

находкой оказалась бритва. Чтобы служить оружием, её лезвие было чересчур хрупким, но могло пригодиться для разных нужд. Сейчас он использует её, чтобы освежевать змею. Хью забросил бритву в ягдташ, закинул его на плечо и пополз назад, к змее.

Над окровавленной головой змеи уже роились мухи. Гласс оказался более почтителен. Он однажды видел, как отделённая голова змеи вцепилась в нос смертельно любопытной собаки. Помня о незадачливой собаке, он положил длинную ветку на голову змее и придавил её левой ногой. Правую руку он не мог поднять, не ощутив резкой боли, но рука действовала нормально. Зажав в ней бритву, от отпилил змее голову. Палкой отбросил голову к краю поляны.

Затем от основания шеи он сделал разрез до живота. Лезвие быстро притупилось, теряя остроту с каждым дюймом. Но ему всё-таки удалось сделать на змее, которая была длиной почти в пять футов, продольный разрез. Вспоров змею, он извлек внутренности, отбросив их в сторону. Начав с шеи, он принялся отделять бритвой чешуйчатую кожу от мышц. Теперь перед голодным Глассом соблазнительно поблескивало мясо.

Он впился в змею, вгрызаясь в неё, словно перед ним был початок кукурузы. Наконец ему удалось оторвать кусок. Он жевал упругое мясо, но не мог разжевать. Не замечая ничего, кроме голода, Гласс сделал ошибку, проглотив мясо. Большой кусок сырого мяса камнем прошел по раненому горлу. От боли Гласс едва не задохнулся.

Он закашлялся, уже было решив, что мясо его задушит. Наконец, оно проскользнуло в желудок.

Урок он усвоил. Оставшиеся до заката часы он провел, отрезая бритвой небольшие кусочки мяса и отбивая его двумя камнями, чтобы измельчить волокнистое мясо. Каждый кусок Хью запивал глотком родниковой воды. Нелегкий способ наполнить желудок, и Гласс так и остался голоден, когда добрался до хвоста. Это его расстроило, потому что он сомневался, что следующий обед достанется ему так же легко.

В заходящих лучах заката он напоследок сосчитал количество

трещоток на конце хвоста. Их оказалось десять, каждая отсчитывала год жизни змеи. Гласс никогда не видел змей с десятью трещотками. Немалое время - десять лет. Гласс задумался о судьбе змеи, как она прожила эти десять лет благодаря своим смертоносным навыкам. И затем одна-единственная ошибка, неосторожное мгновение, проведённое на открытой местности, и вот она мертва и съедена, прежде чем застыла кровь. Он срезал кольца с останков змеи и нанизал их на палец, как четки. Затем забросил их в сумку. Ему хотелось вспоминать это мгновение при взгляде на них.

Стемнело. Гласс закутался в одеяло, свернулся калачиком и заснул.

Проснувшись после беспокойного сна, он почувствовал жажду и голод. Все раны ныли. *Триста пятьдесят миль до Форта Кайова.* Он знал, что не должен позволять себе думать о полном пути. *Только миль за раз.* Своей первой целью он наметил Гранд. Когда отряд свернул с реки к роднику, он был без сознания, но исходя из бесед Бриджера с Фицджеральдом, полагал, что Гранд находится неподалеку.

Гласс скинул одеяло из шерсти гудзонова залива с плеч. Бритвой отрезал от шерстяной ткани три длинные полосы. Первой обмотал левое колено - здоровое. Ему понадобится подушка, когда он начнет ползти. Две другие полосы он обмотал вокруг ладоней, оставив пальцы свободными. Гласс скатал остаток одеяла и пристегнул длинной лямкой ягдташа с обеих сторон. Убедившись, что сумка завязана крепко, он закинул ягдташ с одеялом за спину. Лямку он намотал на оба плеча, оставив руки свободными.

Сделав затяжной глоток из родника, Гласс пополз. По правде говоря, он не полз, а передвигался, подтягиваясь. Правой рукой он мог поддерживать тело, но она не выдерживала его вес. Правую ногу он лишь волочил за собой. Он старался размять мышцы, сгибая и разгибая ногу, но она оставалась негнущейся, как флагшток.

Он продвигался, как мог. Правую руку он использовал как балансир. Переносил вес на левую сторону, левой рукой он подтягивался, отталкивался левым коленом, и затем волочил

несгибающуюся правую ногу. Без устали, ярд за ярдом. Несколько раз он останавливался, чтобы поправить одеяло и ягдташ. Его беспорядочные рывки постоянно ослабляли узлы поклажи. Наконец он смог найти наилучшую комбинацию узлов, чтобы груз не сползал.

Некоторое время шерстяные полосы на колене и ладонях неплохо справлялись со своей задачей, хоть и требовалось их постоянно поправлять. Он не учёл последствий волочения правой ноги. Мокасин защищал лодыжку, но не закрывал голень. Через сто ярдов он натёр ногу и остановился, отрезать полосу от одеяла для голени, соприкасающейся с землей.

Чтобы проползти от родника до Гранда ему понадобилось два часа. Когда он прибыл к реке, ноги и руки ныли от неудобного и непривычного способа передвижения. Он посмотрел на старые следы отряда и изумился. Как же индейцы их не заметили?

Объяснение крылось на противоположном берегу, но он его никогда не увидит. Перейди он реку, то обнаружил бы огромные отпечатки лап медведя у куста ирги. Так же отчётливо виднелись следы копыт пяти индейских лошадей. По иронии судьбы, которую Гласс никогда не оценит, от индейцев его спас гризли. Как и Фицджеральд, медведь обнаружил заросли ягоды возле Гранда. Медведь как раз лакомился, когда пятеро воинов арикара поднялись вверх по реке. Именно запах гризли и заставлял упрямитесь пегую лошадь.

Медведь, сбитый с толку запахом и видом пяти индейских всадников, рванул в заросли. Охотники погнались за ним, так и не заметив следов на противоположном берегу.

Когда Гласс вышел из-под укрытия сосен, горизонт расширился, ландшафт лишь изредка нарушался волнистыми холмами и разбросанными островками тополей. Густые заросли ивняка вдоль берегов реки осложняли продвижение, но совсем не спасали от палящих лучей полуденного солнца. Он чувствовал, как по груди и спине сбегали струйки пота и растекалось жжение, когда они попадали в раны. Он в последний раз глотнул воды из прохладных вод ручья. Посмотрев вверх по реке, он в последний раз взвесил

мысль о преследовании. Нет, ещё рано.

Обескураживающая необходимость задержки действовала на Гласса, как вода на раскалённое железо его решимости - укрепляя, делая негибачаемым. Он поклялся выжить, только ради того, чтобы отомстить предавшим его людям.

В тот день Гласс полз ещё три часа. По его подсчетам, он покрыл три мили. Берега Гранда менялись, чередуясь полосками песка, травы и камней. Часто встречались и полосы мелководья, и будь он в состоянии ходить, то мог бы просто почаще переходить реку, чтобы выбрать местность попроще.

Но Гласс не мог перейти реку вброд, движение ползком ограничивало его северным берегом. Особые хлопоты доставляли камни. Когда он остановился передохнуть, шерстяные подкладки превратились в лохмотья. Шерсть успешно защищала от мозолей, но от ушибов спасти не могла. Его колено и ладони стали тёмно-лиловыми и чувствительными к малейшему прикосновению. Как он и полагал, мясо на пути оказалось найти не так-то просто. Пока главным источником пропитания станут растения.

Из своего пребывания у пауни, Гласс приобрел широкие познания о растениях равнин. В тех местах, где местность выполаживалась, переходя в болотистое мелководье, в обилии рос камыш. Его тонкие зелёные стебельки, увенчанные коричневыми мохнатыми головками, высились почти на четыре фута. Гласс палкой выкапывал корни растений, сдирал кожицу и ел нежную луковицу. Помимо камыша, в болоте густо кишели москиты. Некоторое время, пока он жадно выкапывал камыш, он не обращал на них внимания. Но едва он утолил голод, или по-крайней мере усыпил его, жалящие укусы москитов начали его беспокоить. Он отполз ещё на сто ярдов вниз по течению. Целый час москиты от него не отставали, но по мере отдаления от болота число их уменьшалось.

Три дня он полз вниз по Гранду. Обилие камыша не иссякало, и Гласс обнаружил достаточное количество растений, которые, как он знал, съедобны - лук, одуванчики, даже листья ивы. Дважды он наткнулся на ягоды и остановился, чтобы полакомиться ими, и

собирал до тех пор, пока пальцы не стали лиловыми от сока.

Но он всё ещё не нашел то, чего страстно желал организм. Прошло двадцать дней после нападения гризли. Прежде чем его бросили, Гласс лишь пару раз глотнул несколько ложек бульона. Только гремучая змея была настоящей едой. Корни и ягоды могут поддержать его несколько дней, но Гласс понимал: чтобы излечиться, встать на ноги, ему нужно питание, которое может дать только мясо. Змея была случайной удачей, которая не повторится.

Однако он понимал, что не стоит рассчитывать на удачу, если стоять на месте. На следующее утро он вновь поползет вперед. Если даже удача ему не улыбнется, то он сделает все возможное.

Глава девятая

8 сентября 1823 года

Гласс почуял останки бизона, ещё до того, как их заметил. Даже услышал. Услышал тучи мух, роящихся вокруг высившейся груды костей и шкуры. Сухожилия оставили скелет животного почти не повреждённым, но падальщики обглодали его дочи́ста. Массивная мохнатая голова и выступавшие чёрные рога были единственными признаками бывшего величия бизона, но и его осквернили птицы, выклевав глаза.

Разглядывая животное, Гласс не чувствовал отвращения, только разочарование от того, что другим удалось добраться до этого источника пропитания раньше. Местность вокруг бизона была испещрена множеством следов. Гласс прикинул, что скелет, должно быть, лежит уже здесь дня четыре или пять. Он уставился на кучу костей. На мгновение он вообразил собственный скелет - разбросанный на голой земле в каком-нибудь богом забытом уголке прерии; плоть обглодана дочи́ста, став пищей сорок и койотов. В памяти его всплыла строка из Писания: прах к праху. *Это оно и есть?*

Его мысли быстро перешли к более насущному. Ему доводилось видеть прежде, как голодающие индейцы вываривали кости до клейкой съедобной массы. Он бы с удовольствием попытался сделать то же самое, но вот только ёмкости для кипячения воды у него не было. В голову ему пришла другая мысль. Скелет лежал возле камня размером с голову. Гласс поднял камень левой рукой и неуклюже бросил его в ребра поменьше. Одна из костей треснула, и Гласс подобрал осколки. Костный мозг, который он искал, оказался

высохшим. *Нужна кость потолще.*

Одна из передних ног бизона, обглоданная до копыта, отделилась от скелета. Гласс положил её на гладкий камень и принялся измельчать вторым. Наконец, раздался треск, и кость разломилась.

Он оказался прав - в костях потолще ещё сохранился зеленоватый костный мозг. Принимая во внимание запах, есть его не следовало, но голод заглушил доводы разума. Не обращая внимания на горький привкус, Гласс высосал жидкость из кости и ковырнул осколком кости желая добыть еще. *Уж лучше рискнуть, чем умереть от голода.* По крайней мере, мозг глотать легко. Поглощённый едой, самым процессом поедания пищи, Гласс провел почти час, разбивая кости и выковыривая их содержимое.

И тут его схватила первая судорога. Началась она с резей в желудке. Внезапно он почувствовал, что не в силах стоять на четвереньках, и прилег набок. Голову сдавило так, что Гласс прочувствовал каждый излом черепа. Он начал обильно потеть.

Как солнечный свет фокусируется, проходя сквозь стекло, так и боль в желудке стала сильнее, более жгучей. Рвота поднялась из желудка гигантской и неизбежной волной. Его начало рвать, и страдания от конвульсий отошли на задний план, уступив место душераздирающей боли, когда желчь хлынула по раненому горлу.

Он пролежал там два часа. Желудок Гласса быстро опустошился, но судороги не отступили. Между позывами к рвоте он лежал не шелохнувшись, словно не двигаясь, мог спастись от тошноты и боли.

Когда первый приступ слабости отступил, Гласс отполз от скелета, отчаянно пытаясь убраться подальше от тошнотворно сладкого запаха. Каждое движение сопровождалось головными болями и резами в желудке. Он заполз в густые заросли ивняка в тридцати ярдах от бизона, свернулся калачиком и впал в состояние, скорее близкое к забытию, чем ко сну.

Целый день и ночь его тело избавлялось от протухшего костного мозга. К острой боли от нанесенных гризли ран теперь добавилась разлившаяся по всему телу слабость. На свою жизнь Гласс смотрел,

как на песок в часах. Он чувствовал, как с каждой минутой из него вытекали силы. Он понимал, что, как и в песочных часах, наступит мгновение, когда сквозь горловину просыплется последняя песчинка, оставив верхний сосуд пустым. Он не мог избавиться от образа бизоньего скелета, могучего животного, лишившегося плоти, чьи останки теперь гнили в прерии.

Утром второго после находки бизона дня Гласс проснулся голодным, страшно голодным. Он воспринял голод, как признак того, что организм избавился от яда. Хью попытался продолжить продвижение ползком вниз по течению реки, не только потому, что всё ещё надеялся наткнуться на другой источник пропитания, но и потому, что сознавал все последствия остановки. За два дня, по его подсчётам, он покрыл не более четверти мили. Гласс понимал, что слабость стоила ему не только времени и пройденного расстояния. Она лишила его сил, поглотила весь тот запас энергии, что в нём оставался.

Если в следующие несколько дней, он не добудет мяса, то умрет. Урок, извлечённый им из бизона, с его последствиями отвратил от любой несвежей пищи, невзирая на отчаянное положение. Его первой мыслью было смастерить себе копье или убить зайца камнем. Но боль в правом плече не позволяла поднять руку, не то что выбросить ее вперед, чтобы нанести смертельный удар. Левой руке же не доставало точности для попадания.

Таким образом, охота исключалась. Оставалось поставить силок. Гласс знал множество способов поймать мелкую дичь в силки при помощи веревки и ножа, чтобы вырезать защелки с зубцом. За неимением этих предметов, он решился поставить раздавливающий капкан. Раздавливающий капкан прост в сооружении. Это большой камень, едва держащийся на колышке, который должен упасть, когда неосторожная жертва коснется приманки со спусковым механизмом.

Ивняки вдоль берега Гранда были испещрены следами. Следы усеивали и влажный песок у самой реки. В высокой траве он заметил слежавшиеся отметины - там, где устроился на ночлег олень. Гласс сомневался, что ему удастся поймать оленя раздавливающим

капканом. Он просто не был уверен, что сможет поднять камень или деревце подходящей тяжести. Гласс решил остановиться на зайцах, которые в изобилии встречались у берегов реки.

Гласс искал следы возле густого кустарника, излюбленного лакомства зайцев. Он нашёл тополь, совсем недавно поваленный бобром; его покрытые листьями ветки создали гигантскую сеть преград и укрытий. Следы, тянувшиеся по обе стороны от дерева, были усеяны катышками размером с горошину.

У реки Гласс нашел три подходящих камня - широкие и достаточно плоские, чтобы накрыть жертву, когда ловушка сработает, и тяжёлые, чтобы убить её. Выбранные им камни были размером с пороховой бочонок и весили около тридцати фунтов каждый. С покалеченными рукой и ногой у него ушел почти час, чтобы подтащить их один за другим вверх по течению.

Затем Гласс искал три палки, необходимые для поддержки капкана. Поваленный тополь предлагал широкий выбор. Он отобрал три ветки, толщиной в дюйм и отломал каждую по длине вытянутой руки. После этого он сломал все три ветки надвое. Сломав первую, он почувствовал резкую боль в плече и спине, так что следующие две сломал камнем, подсунув их под ствол тополя.

Когда он закончил, то у него была разломанная надвое палка для каждого капкана. Соединенная сломанная палка, хоть и ненадежно, но будет держать вес наклонённого камня. Соединив обе части палки, Гласс вклинит между ними спусковой колышек с наживкой. Когда колышек с наживкой потянут или сдвинут, поддерживающий колышек рухнет, как согнутое колено, обрушив смертоносную тяжесть на ничего не подозревающую жертву.

Для спусковых клиньев Гласс выбрал три тонкие ветки ивы длиной в шестнадцать дюймов. Возле реки он заметил листья одуванчика и нарвал их целую охапку для наживки. Он насадит по несколько листьев на каждый из спусковых колышков.

Узенький след, усеянный катышками, вел к густой листве поваленного тополя. Гласс выбрал тополь для первой ловушки и принялся ее устанавливать.

Главная трудность с капканом состояла в нахождении баланса между прочностью и неустойчивостью. Прочность предотвращала самопроизвольное срабатывание ловушки, но сделай он ее слишком устойчивой, она не сработает. Неустойчивость позволяла ловушке с легкостью срабатывать при прикосновении жертвы, но опять-таки, слишком неустойчивая конструкция приведет к тому, что капкан не удержится. Поиск этого баланса требовал силы и координации, а раны Гласса лишили его и того, и другого. Одной правой рукой он не мог удерживать камень, и неуклюже прижал его к правой ноге. Тем временем, он пытался сложить два куска сломанной палки с вклиненным между ними спусковым колышком. Но конструкция раз за разом рушилась. Дважды он решил, что капкан вышел слишком стойким, и сам завалил его.

Наконец, почти через час ему удалось найти идеальный баланс. Он подобрал ещё два подходящих места на тропке из следов возле тополей и установил оставшиеся ловушки. Затем он пополз от тополей к реке. Гласс нашел укрытие возле резко обрывающегося берега. Когда он больше не смог терпеть голод, то съел горькие корни одуванчиков, которые собрал раньше. Напившись речной воды, чтобы смыть горький привкус во рту, он улегся спать. Ночью зайцы вокруг так и кишели. Утром он проверит ловушки.

Гласс проснулся ещё до рассвета от острой боли в горле. Первые лучи зарождающегося дня багрели на восточном горизонте, как кровь. Гласс сменил положение, безуспешно пытаясь облегчить боль в плече. Когда боль унялась, он почувствовал холодок предрассветных часов. Он поёжился и плотнее натянул искромсанное одеяло на плечи. Так он и лежал в течении часа, ожидая рассвета, чтобы проверить капканы.

У него еще оставался горький привкус во рту, когда он пополз к поваленному тополи. В нос било острое зловоние скунса. Но эти неприятные ощущения растаяли, когда он представил себе зайца, поджаривающегося на потрескивающем огне. Мясо. Он почти ощущал его запах и вкус.

С расстояния в пятьдесят ярдов Гласс заметил все три капкана.

Один стоял нетронутым, но два других сработали - большие плоские камни лежали на земле, колышки капкана сломались. У Гласса аж в горле запульсировало, когда он поспешно пополз вперед.

В десяти футах от первой ловушки он заметил множество свежих следов поверх старых, разбросанные кучки свежего помета. Затаив дыхание, он осмотрел камень - но из-под него ничего не проглядывало. Не теряя надежды, он поднял камень. Ловушка оказалась пустой. Он пал духом от разочарования. *Не сделал ли я её слишком прочной? Или она сама сработала?* Он быстро пополз к другому камню. Здесь тоже ничего не выступало из-под передней части камня. Потянувшись, он осмотрел заднюю часть ловушки.

Он заметил черно-белую полосу и услышал приглушенное шипение. Боль пронзила его, прежде чем он осознал, что произошло. Капкан придавил переднюю лапу скунса, но животное отнюдь не потеряло способности пускать ядовитую струю. Ощущение было таким, словно ему в глаза плеснули кипящее масло. Он откатился назад, тщетно пытаясь увернуться от струи. Вконец ослеплённый, он наполовину полз, наполовину катился к реке.

Он влетел в глубокий омут возле берега, отчаянно пытаясь смыть жгучую струю. Окунув лицо в воду, Гласс пытался открыть глаза, но жгло нестерпимо. Прошло двадцать минут, прежде чем он обрёл зрение, и то лишь щурясь из-под ресниц покрасневшими, слезящимися глазами. Наконец Гласс выполз на берег. Тошнотворная вонь скунсовой струи въелась в его кожу и одежду, как мороз в оконное стекло. Однажды он видел, как собака каталась в грязи целую неделю, пытаясь избавиться от запаха скунса. Он знал, что как и собаку, вонь скунса будет преследовать его не один день.

Когда жжение в глазах постепенно унялось, Гласс бегло осмотрел раны. Он коснулся шеи и посмотрел на пальцы. Крови не было, хотя боль при глотании и глубоком вздохе оставалась. Он понял, что не пытался говорить уже несколько дней. Он робко раскрыл рот и выдохнул. Вырвался слабый хрип, вызвав боль в горле. Он сомневался, сможет ли вновь заговорить.

Повернув шею, Гласс осмотрел параллельные порезы, тянущиеся

от горла к плечу. Их всё ещё покрывала живица Бриджера. Всё плечо ныло, но порезы затягивались. Колотые раны на бедре тоже заживали, хотя нога по-прежнему не могла выдерживать веса. Коснувшись скальпа, он представил себе, насколько тот ужасен, хотя теперь не кровоточил и не причинял боли.

Помимо горла, его сильно заботила спина. Будучи не в состоянии ощупать или осмотреть её, его сознание рисовало ему ужасные картины. Временами он испытывал странные ощущения, которые, как ему казалось, были вызваны отрывающимися струпами. Он знал, что капитан Генри наложил швы, и временами чувствовал зуд в местах рубцов.

Но сильнее всего он чувствовал грызущие приступы голода.

Он лежал на песчаном берегу, вымотанный и деморализованный цепью последних событий. Возле ног желтели цветы на тонких зеленых стеблях. Цветы походили на дикий лук, но Гласс знал, что это. Ядовитый зигаденус. *Неужели это промысел Божий? Может, он растёт здесь для меня?* Гласс гадал, как подействует яд. Погрузится ли он безмятежно в вечный сон? Или умрёт, дёргаясь в агонии? Будет ли это хуже его нынешнего состояния? По крайней мере, он будет уверен, что конец близок.

Пока он лежал на берегу в лучах пробуждавшегося рассвета, из ивняка на противоположном берегу появилась тучная оленуха. Она опасливо осмотрелась по сторонам, прежде чем осторожно пройти вперед и напиться. Она находилась не более чем в тридцати ярдах, пустяки для выстрела из винтовки. *Анстадт.*

Впервые за весь день он вспомнил о тех, кто его оставил. Пока он смотрел на лань, в нем закипал гнев. Оставили - слово слишком мягкое для объяснения их предательства. Оставили - действие пассивное, когда кто-то сбегает или бросает тебя. Поступи так его няньки, он бы в это самое мгновение целился из винтовки, чтобы пристрелить лань. Он бы использовал нож, чтобы разделать животное, чиркнул бы кремнём по кресалу, чтобы разжечь огонь и поджарить лань. Он посмотрел на себя - мокрого с головы до пят, раненого, вонючего, с горьким привкусом во рту.

Бриджер и Фицджеральд не просто его бросили, намного хуже. Они повели себя не как путники на дороге в Иерихон, которые просто отвернулись и перебрались на другой берег. Гласс не надеялся на помощь добрых самаритян, но по-крайней мере рассчитывал, что товарищи не причинят ему зла.

Фицджеральд и Бриджер действовали осознанно, украли его скудные пожитки, которыми он мог бы воспользоваться. А лишив его этой возможности, они его убивали. Убивали так же верно, как и ножом в сердце или пулей в висок. Убивали, вот только он не умер. И не умрет. Он поклялся выжить, чтобы отомстить убийцам.

Хью Гласс заставил себя приподняться и продолжил ползти вниз по течению Гранда.

Гласс осмотрел местность в непосредственной близости. В пятидесяти ярдах перед ним болотистая низина переходила в три склона широкого пересохшего оврага.

Шалфей и низкая трава обеспечивали небольшое укрытие. Низина неожиданно напомнила ему о пологих волнистых холмах вдоль берегов реки Арканзас. Он вспомнил, как однажды наблюдал, как детишки пауни устанавливали ловушку. Для детей это было развлечением. Стоявшая же перед Глассом задача была жизненно важна.

Он медленно пополз по дну низины, остановившись в месте, которое выглядело привлекательным. Найдя заострённый камень, он принялся рыть ссохшуюся песчаную почву.

Он вырыл яму диаметром в четыре дюйма и глубиной ему по бицепс. Он принялся расширять её с середины углубления, пока она не приняла очертания винной бутылки с горлышком где отверстие. Выкопанную землю он разбросал по сторонам, чтобы скрыть следы подкопа. Запыхавшись от напряжения, он остановился перевести дух.

Затем Гласс направился на поиски большого плоского камня. Его он нашел в сорока футах от ямы. Также он нашел три камня поменьше, которые треугольником выложил вокруг ямы. Плоский валун он водрузил над ней, как крышу, оставив свободное пространство внизу, создававшее впечатление укрытия.

Гласс замаскировал ловушку веткой и медленно пополз от ямы. В нескольких местах он заметил крохотные катышки - добрый знак. Ярдах в пятидесяти от ямы он остановился. Его ладони и колени увлажнились от ползания. Бедро разнылось от передвижения, и он уже в который раз ощутил мерзкое потрескивание отваливающихся струпьев, а спина вновь закровоточила. Передышка временно уняла боль в спине, но вместе с тем дала знать о полном истощении, ноющей боли, которая расцвела внутри и разлилась по всему телу. Гласс удержался от желания закрыть глаза и поддаться искушению уснуть. Он понимал, что не восстановит силы, пока не поест.

Он заставил себя приподняться. Стараясь держаться в отдалении, он двигался по широкому кругу, придерживаясь вырытой ямы, как центра оси. Для того, чтобы совершить круг, ему понадобилось тридцать минут. Тело вновь заныло, требуя остановиться и передохнуть, но он знал, что остановившись, сведет на нет весь эффект ловушки. Он продолжил ползти, наматывая всё меньшие круги и по спирали приближаясь к ловушке. Наткнувшись на заросли густого кустарника, он остановился, чтобы его потрясти. Что бы в нем ни пряталось, оно медленно двинется к скрытой ловушке.

Гласс добрался до ловушки через час. Подняв плоский камень, он прислушался. Он видел, как маленький пауни запустил руку в подобную ловушку и с воплем отдернул её, когда в него вцепилась гремучка. Ошибка мальчика произвела на него неизгладимое впечатление. Он оглянулся по сторонам в поисках подходящей ветки. Найдя длинную палку с плоским концом, он несколько раз ткнул ею в яму.

Убедившись, что кто бы ни прятался в яме, он мёртв, он сунул внутрь руку. Одну за другой он извлек четыредохлых мыши и двух белок. Охотясь таким образом, не прославишься, но Гласс был доволен добычей.

Низина была частично сокрыта, и Гласс решил рискнуть развести огонь, проклиная отсутствие кремня с кресалом. Он знал, что можно развести огонь путем трения двух палок друг о друга, но сам никогда так не делал. А кроме того, подозревал, что подобный

метод, если он вообще сработает, займёт целую вечность.

Всё, что ему нужно - это гибкий прут и тетива, примитивный механизм для добычи огня. Состоит он из трёх частей: плоского куска дерева с отверстием, куда вставляется веретено, самого веретена - округлой палочки толщиной в три четверти дюйма и длиной в восемь, и смычка, как у виолончелиста, чтобы вращать веретено.

В поисках деталей Гласс принялся обыскивать низину. Не составляло труда достать кусок плоского плавника и две палки для веретена и смычка. *Тетива*. У него не было веревки. *Лямки от ягдташа*. Он выхватил бритву и, отрезав лямку ягдташа, привязал её к концам палки. Затем бритвой же он проделал ямку в плоском плавнике, стараясь не выдолбить её шире палки для веретена.

Покончив со смычком и веретеном, Гласс набрал дров для костра. Из ягдташа он извлек пыжи и разорвал их, обложив края отверстия плоской деревяшки. Он также запасся камышовым пухом. Сложив дрова в небольшую ямку, он добавил к ним сухой травы. К нескольким найденным кускам дерева он добавил бизоний кизяк, окаменевший на солнце.

Закончив с приготовлениями, Гласс взялся за смычок и веретено. Он заполнил ямку в плоском плавнике лучиной, установил в неё веретено и затянул на нем тетиву петлей, прижал веретено ладонью правой руки, все ещё обернутой куском шерстяной ткани, которую он использовал при ползании. Левой рукой он принялся водить смычком взад и вперёд, отчего в ямке на плоском плавнике завертелось веретено, создавая трение, а вместе с ним и жар.

Неполадки в работе его механизма тут же дали о себе знать, когда он закрутил веретено смычком. Один конец веретена, тот, которым он намеревался развести огонь, вращался в ямке на сухом плавнике. Но второй тёрся о его ладонь. Гласс вспомнил, что пауни использовали кусок дерева размером с ладонь, чтобы держать верхний конец веретена. Он вновь направился на поиски подходящего куска дерева. Отыскав подходящую палку, он выдолбил в ней бритвой ямку для верхнего конца веретена.

Левой рукой он работал с трудом, и ему понадобилось несколько попыток, чтобы обрести нужный ритм - размеренно вращать смычком, не теряя контакта с веретеном. Но вскоре веретено закрутилось размеренно. Спустя несколько минут из ямки пошел дымок. Внезапно вспыхнула лучина. Гласс схватил камышовый пух и поднес его к язычку пламени, который накрыл сложенной рукой. Когда пух загорелся, он перенес пламя на лучину в небольшой ямке. Он почувствовал, как на спине прошёлся порыв ветра и на мгновение испугался, что тот погасит пламя, но лучина загорелась, а за ней и сухая трава. Через несколько минут он уже бросал кизяки в небольшой костер.

Когда он выпотрошил и освежевал крохотных грызунов, то на них осталось не так много мяса. Но несмотря ни на что, оно было свежим. Пусть его методы установки ловушек отнимали много времени, но по-крайней мере, они были просты.

Когда Гласс обглодал крохотные ребра последнего грызуна, он всё ещё оставался голодным. Он решил, что на следующий день остановится пораньше. Может, выкопать ямки в двух местах? Но сама мысль о замедленном передвижении его угнетала. Как долго он сможет скрываться на оживленных берегах Гранда? *Не делай этого.*

Не загадывай далеко вперед. Цель каждого дня - дожить до следующего утра.

Когда с обедом было покончено, огонь уже не заслуживал риска. Гласс забросал его песком и заснул.

Глава десятая

15 сентября 1823 года

Долину, открывшуюся перед Глассом, обрамляли два пологих холма-близнеца, вынуждая Гранд сужаться при проходе между ними. Гласс помнил эти холмы из похода вверх по реке вместе с капитаном Генри. По мере того, как он полз вдоль Гранда дальше на восток, стали исчезать выделяющиеся детали пейзажа. Казалось, что даже тополя поглощены морем травы.

В прошлом Генри и отряд охотников за пушниной разбивали лагерь возле пологих холмов, и Гласс намеревался сделать привал на том же месте в надежде найти что-нибудь стоящее, что, возможно, бросили по пути. В любом случае, он помнил, что высокий берег возле холмов предоставлял отличное укрытие. На восточном горизонте собрались большие и тёмные грозовые тучи. Через несколько часов над ним промчится гроза, и ему хотелось укрыться, прежде чем она разразится.

Гласс полз к лагерю вдоль реки. Кольцо потемневших камней отмечало место недавнего костра. Он помнил, что отряд остановился, не разжигая костров, и гадал, кто же проследовал за ним. Гласс остановился, снял ягдташ и одеяло с плеча и сделал затяжной глоток речной воды. Позади него, насколько он помнил, пологая насыпь образовала укрытие. Он осмотрел реку, высматривая признаки присутствия индейцев и досадуя на то, что растительность была редкой. Почувствовав знакомый приступ голода, Гласс задумался, достаточно ли тут растительности для устройства мышинной ловушки. *Стоила ли она усилий?* Он взвесил все выгоды укрытия против выгод еды. Грызуны поддерживали его уже две недели. Но, тем не менее,

Гласс понимал, что он застрял, словно стоит посреди течения — не тонет, но и не продвигается к безопасному берегу.

Легкий ветерок возвестил о приближении туч, холодком пройдясь по его потной спине. Гласс свернул от реки и вполз на высокий берег, чтобы бросить взгляд на грозу.

От увиденной с кромки берега картины у него перехватило дыхание. Тысячи бизонов паслись на равнине подле холмов, зачернив её на добрую милю. Не более чем в пятидесяти ярдах от него стоял на страже огромный бык. Животное тянуло на семь футов в холке. Косматый клубок тёмной шерсти на голове подчёркивал мощный лоб и плечи, делавшие рога почти излишними. Бык фыркал и потягивал воздух, встревоженный поднявшимся ветром. Позади быка на спине каталась корова, взбив облако пыли. С дюжину других коров и бычков безмятежно паслись рядом.

Своего первого бизона Гласс увидел на тexasских равнинах. С тех пор он видел их не раз, в больших или маленьких стадах. Но никогда еще вид животного не внушал ему трепета, трепета перед их неисчислимостью, трепета перед прерией, кишевшей ими.

В сотне ярдов вниз по течению стая из восьми волков тоже наблюдала за большим быком и отбившимися от стада бизонами, которых он сторожил. Возле зарослей шалфея сидел альфа-самец. Весь день он провел, терпеливо ожидая мгновения, которое только что настало. Мгновения, когда между отставшими и стадом открылась брешь. Брешь. Смертельная слабость. Большой волк внезапно поднялся на ноги.

Альфа-самец был высоким, но поджарым. Его ноги казались нескладными, узловатыми и даже как-то странно смотрелись на фоне угольно-черной спины. Два волчонка, играя, возились возле реки. Остальные волки безмятежно спали, как дворовые гончие. Стая больше походила на домашних животных, чем на хищников, но как только большой самец пошевелился, все оживились.

Смертельная сила волков не была заметна до тех пор, пока они не пришли в движение. Сила их крылась не в крепких мышцах или грации. Скорее она проглядывала в нацеленности на жертву,

делавшей каждый их шаг выверенным, безжалостным. Отдельные особи собрались в смертоносный отряд, объединив свои силы в стаю.

Альфа-самец неспешно направился к бреши между отставшими бизонами и стадом, через несколько ярдов он перешел на бег. Стадо развернулось к нему со слаженностью и сплоченностью военного отряда. Стая ворвалась в брешь. Кажется, даже волчата поняли замысел стаи. Бизон у края главного стада отступил, согнав телят у себя за спиной. Бизоны плечом к плечу выстроились в линию напротив волчьей стаи. Брешь увеличилась при отходе главного стада, оставив быка с дюжиной других бизонов за чертой стада.

Большой бык бросился вперед, поддел одного из волков рогом и отбросил заскулившее животное на двадцать футов. Волки скалились и рычали, щелкали смертоносными челюстями по незащищенным бокам. Большинство отбившихся бизонов бросились к главному стаду, инстинктивно почуяв, что их спасение в численности.

Альфа-самец вцепился в нежное бедро телёнка. Перепуганный телёнок оторвался от стада, помчавшись к крутому берегу реки. Мгновенно осознав смертельную ошибку телёнка, стая погналась за своей жертвой. Жалобно мыча, тот стремительно нёсся вперед, но споткнулся о насыпь, сломав при падении ногу. Телёнок отчаянно старался подняться. Нога вывернулась под странным углом и затем подогнулась, когда телёнок попытался на нее наступить. Телёнок упал, и тут на него набросилась вся стая. Клыки вонзились повсюду. Альфа-самец вцепился в нежное горло и разодрал его.

Теленок упал не более чем в семидесяти пяти ярдах от Гласса. Хью наблюдал со смесью восхищения и страха, довольный тем, что спрятался с подветренной стороны. Всё свое внимание стая перенесла на телёнка. Альфа-самец и его подружка принялись за еду первыми, их окровавленные морды зарылись в мягкое брюшко. К добыче они подпустили щенков, но не остальных волков. Временами один из волков подкрадывался к телёнку, но его неизменно с рычанием отгонял большой черный самец.

Гласс смотрел на телёнка и волков и лихорадочно соображал. Телёнок, должно быть, появился на свет весной. После лета

нагуливания жира в прерии он весил почти сто пятьдесят фунтов. *Сто пятьдесят фунтов свежего мяса.* После двух недель скудного пропитания Гласс едва мог себе представить подобное сокровище. Вначале Гласс надеялся, что стая, возможно, оставит достаточно мяса, чтобы и он мог поживиться. Но он видел, что добыча с угрожающей скоростью тает. Насытившись, альфа-самец и его подружка медленно отошли от жертвы, утащив за собой отгрызенные ноги телёнка для волчат. Четвёрка оставшихся волков жадно набросилась на остатки.

С нарастающим отчаянием Гласс обдумывал план действий. Если прождать слишком долго, то он сомневался, что что-нибудь останется. Он взвесил перспективу дальнейшего пропитания только мышами и корнями. Даже если он найдет достаточно для поддержания сил, процесс всё равно отнимал у него много времени. Он не был уверен, что покрыв тридцать миль после того, как начал ползти. При заданном темпе ему сильно повезет, если он достигнет Форта Бразо до установления холодов. И конечно, каждый день, проведенный у реки, увеличивал шансы наткнуться на индейцев.

Он отчаянно нуждался в той силе, что даст ему бизонье мясо. Он не знал, что за божий промысел направил теленка к его пути. *Это мой шанс.* Если он хочет свою долю теленка, то должен сразиться за неё. И сделать это немедленно.

Он осмотрел местность в поисках оружия. Но не увидел поблизости ничего, кроме камней, плавника и шалфея. *Дубинка?* Он задумался на мгновение, сможет ли отогнать волков. Это казалось невероятным. Он не смог бы замахнуться с достаточной для удара силой. И на четвереньках терял преимущество в высоте. Шалфей. Он помнил краткое, но впечатляющее пламя, занявшееся от сухих веток шалфея. *Факел?*

Не видя другого выхода, он засуетился в поисках горючего для огня. Половодье выкинуло на крутой берег ствол большого тополя, создав искусственный ветролом. Гласс вырыл неглубокую яму в песке возле ствола.

Он достал смычок и веретено, довольный тем, что по-крайней

мере, у него есть средство для быстрого разведения огня. Из ягдташа он извлек последние пыжи и клочок камышиного пуха. Мельком он взглянул на волчью стаю, всё ещё терзавшую телёнка. *Черт бы их побрал!*

Он оглянулся в поисках горючего. Река почти ничего не оставила на тополином стволе. Он нашел заросли засохшего шалфея и отломал пять больших веток, сложив их рядом с ямой для костра.

Осторожно положив сухое дерево в укрытую от ветра яму, Гласс приставил к нему смычок и веретено. Он начал пилить смычком, сперва медленно, но затем всё быстрее, когда нащупал ритм. Через несколько минут в яме возле тополя разгорелся небольшой костер.

Он посмотрел вниз по течению, в сторону волков. Альфа-самец и его подружка вместе с двумя волчатами лежали в двадцати ярдах от теленка. Первыми отведав мясо, они теперь довольно выгрызали вкусный костный мозг из передней ноги. Гласс надеялся, что они воздержатся от предстоящей схватки. Оставалась четвёрка волков возле бизоньей туши.

Племя волков пауни, как и подобало в соответствии с названием, поклонялось волку за его силу, а больше всего за коварство. Вместе с охотниками пауни Глассу довелось охотиться на волков; их шкуры были неотъемлемой частью многих обрядов. Но он никогда не делал того, что собирался сделать сейчас – поползти на стаю волков и сразиться с ними за еду, вооруженным лишь факелом из шалфея.

Пять веток шалфея скрючились, как гигантские руки страдающего артритом человека. С короткими промежутками от стебля отходили ветки поменьше, большую часть которых покрывала сеть тонких, волокнистых и хрупких сизо-зелёных листьев. Гласс схватил одну из веток и поджег её. Она моментально загорелась, на верхушке вскоре вспыхнуло пламя высотой в фут. *Слишком быстро горит.* Гласс сомневался, что пламя не прогорит, пока он просто доберется до волков, не говоря уже о том, чтобы послужить орудием в предстоящей схватке. Он решил подстраховаться. Вместо того, чтобы поджечь весь шалфей, он понесет остальные ветки не зажженными, а как запас для добавления к факелу.

Гласс вновь посмотрел на волков. Внезапно они показались крупнее. На мгновение он замялся. Пути назад нет, решил он. *Это мой шанс.* С горящей веткой шалфея в одной руке и четырьмя запасными в другой, Гласс пополз вниз по берегу реки к волкам. На расстоянии в пятьдесят ярдов альфа-самец с волчицей оторвались от ноги, чтобы взглянуть на странное существо, приближающееся к телёнку. Они смотрели на Гласса с любопытством, не враждебно. Их желудок был полон.

На двадцати ярдах ветер переменился, и четвёрка у туши теленка учуяла запах гари. Все повернули головы. Гласс остановился, оказавшись лицом к лицу с четырьмя волками. С расстояния проще было рассматривать волков, как собак. Но вблизи все их родство с одомашненными собратями терялось. Белый волк обнажил окровавленные зубы и сделал полшага к Глассу, утробно зарывав. Хищник опустил плечо; движение, которое можно было истолковать и как готовность защищаться, так и нападать.

В белом волке боролись два противоборствующих инстинкта – один велел защищать добычу, другой – опасаться огня. Второй волк с отгрызенным ухом встал рядом с первым. Двое других продолжали терзать тушу теленка, определенно довольные доставшейся им добычей. Горящая ветка в руке Гласса начала гаснуть. Белый волк ещё на шаг подступил к Глассу, внезапно вспомнившему ужасную боль от зубов гризли, вонзившихся в его тело. *Что же я наделал?*

Внезапно ярко сверкнула молния, а после паузы за ней последовал глухой раскат грома, прокатившийся по долине. На лицо Глассу упала капля дождя, и ветер лизнул пламя. Гласс почувствовал, как ему свело живот. *Господи, нет, только не сейчас!* Надо действовать быстро. Белый волк приготовился к прыжку. *Чувствуют ли они мой страх?* Он должен сделать внезапный ход. Напасть первым.

Он выхватил четыре ветки из правой руки и прибавил их к горящей ветке в левой. Пламя метнулось вверх, жадно пожирая сухие ветки. За них пришлось схватиться обеими руками, и он больше не мог опираться на левую. Мучительная боль охватила израненное

правое бедро, когда он перенес на него тяжесть, и Гласс едва не упал. Он издал самый громкий крик, на который был только способен, и который больше смахивал на завывание.

Гласс пополз вперед, размахивая горящим факелом, как огненным мечом.

Он ткнул факелом в одноухого волка. Пламя лизнуло морду зверя, и тот, жалобно скуля, отскочил. Белый волк метнулся к боку Гласса, впившись зубами в плечо. Гласс извернулся, выгнув шею и стараясь держать волка подальше от горла. Лишь несколько дюймов отделяло лицо Гласса от волчьей морды, и он чувствовал кровавое дыхание зверя. Хью вновь попытался обрести равновесие. Он замахал руками, стараясь обжечь зверя, и подпалил тому брюхо. Волк отпустил плечо и отпрянул.

Гласс услышал рычание за спиной и инстинктивно пригнулся. Над его головой проскочил одноухий, разминувшись с горлом Гласса, но завалив его набок. Он застонал при ударе о землю, отдавшемся болью в спине, горле и плече. Факел из спутанных веток упал, рассыпавшись по песчаной почве. Гласс схватил ветки, отчаянно стараясь подобрать их до того, как они погаснут. Одновременно с этим он пытался вновь встать на колени.

Оба волка медленно кружили, выжидая нужного момента и действуя с опаской, после того как отведали пламени. *Я не могу позволить им зайти за спину.* Вновь сверкнула молния, за которой спустя мгновение пророкотал гром. Гроза уже гремела почти над головой. В любую минуту пойдет ливень. Время на исходе. Даже без ливня факел почти выгорел.

Белый и одноухий наступали. Они тоже ощущали, что противостояние близится к развязке. Гласс ткнул в них факелом. Волки замедлили продвижение, но не отступили. Гласс уже находился в нескольких футах от телёнка. Двое волков, лакомившиеся тушей, сумели отодрать от неё ногу и отступили, услышав звуки битвы волков со странным существом с пламенем. Вдруг Гласс заметил заросли сухого шалфея возле туши. *Они загорятся?*

Не сводя взгляда с волков, Гласс поднес факел к зарослям. Дождя не было несколько недель. Сухой как трут кустарник легко воспламенился. Почти сразу от кустов возле туши пламя вырвалось на два фута. Как Моисей, Гласс взобрался на тушу телёнка, размахивая остатками факела. Ударил молния, прогремел гром. Ветер хлестал горящий кустарник. Пошел дождь, но еще слишком слабый, чтобы загасить шалфей.

Эффект оказался впечатляющим. Белый и одноухий принялись озираться по сторонам. Альфа-самец, его подружка и волчата трусили по прерии. Набив брюхо, они спешили укрыться от надвигающейся грозы в находящемся неподалеку логове. Два других волка, лакомившиеся тушей, также последовали за ними, с трудом волоча по прерии ногу теленка.

Белый волк припал к земле и приготовился к очередному прыжку. Но внезапно одноухий повернулся и бросился вдогонку за стаей. Белый, раздумывая, остановился. Он прекрасно знал своё место в стае. Вожаками были другие, а он следовал за ними. Другие намечали жертву, он помогал её загнать. Другие первыми принимались за добычу, он довольствовался остатками. Волк никогда доселе не видел представшее пред ним сегодня животное, но прекрасно понимал свое место в волчьей иерархии. Над головой прогремел очередной раскат грома, и припустил ливень. Волк бросил прощальный взгляд на телёнка, человека, дымящийся кустарник и припустил за остальными.

Гласс наблюдал, как волки исчезли над вершиной насыпи. Вокруг него вился дымок, после того как дождь погасил шалфей. Еще минута, и он мог остаться беззащитным. Он подивился своей удаче, быстро осмотрев укус на плече. Из двух колотых ран струилась кровь, но они были неглубокими.

Телёнок застыл в гротескной позе, растянувшись в прыжке после неудавшейся попытке сбежать от волков. Смертельные клыки растерзали тушу. Под разорванным горлом собралась в лужицу кровь, зловеще алея на фоне бледного прибрежного песка. Волки уделили особое внимание вкусным внутренностям, которыми Гласс и

сам рассчитывал полакомиться. Он перевернул теленка на спину, с недовольством подметив, что от печени ничего не осталось. Желчный пузырь, легкие и сердце тоже пропали. Но свисали вывалившиеся кишки. Гласс достал из ягдташа бритву, левой рукой залез за тянувшимся органом вглубь туши и отрезал кишку длиной в два фута у желудка. Не сумев удержаться от голода, он положил отрезанный конец в рот и принялся жадно его жевать.

Если волчья стая и полакомилась отборными кусками, то она также услужила Глассу, почти освежевав телёнка. Гласс перешел к горлу, где с помощью бритвы смог снять податливую кожу. Теленок хорошо кормился. С мышц его толстой шеи свисал нежный белый жир. Трапперы зовут этот жир овечьим руном и считают его деликатесом. Он отрезал полоски жира, набив ими рот, и глотал, почти не жуя. Каждый глоток вызывал нестерпимо жгучую боль в горле, но голод превозмогал боль. Под проливным дождем он наконец-то насытился до такой степени, что смог задуматься и о других опасностях.

Гласс опять вскарабкался на вершину отвесного берега, осматривая все стороны горизонта. Рассеяные стада бизонов безмятежно паслись, ни нигде не было видно волков или индейцев. Дождь и гроза прошли, закончившись так же внезапно, как и начались. Отвесные лучи дневного света пробились сквозь грозовые тучи, переливаясь всеми цветами и протянувшись от небес к земле.

Гласс вернулся, чтобы распорядиться своим сокровищем. Волки забрали свою долю, но перед ним лежали огромные запасы. Гласс не питал иллюзий относительно своего положения, но голодать он не будет.

На отвесном берегу возле теленка Гласс оставался три дня. В первые часы он даже не развел огонь, неудержимо поглощая тонкие полоски восхитительно свежего мяса. Наконец, он сделал паузу, чтобы у самого берега разжечь небольшой костер для жарки и копчения мяса, постаравшись по-возможности его скрыть.

Из зелёных прутьев находившегося неподалеку ивняка он соорудил козлы для копчения. Час за часом он срезал мясо с туши

затупившейся бритвой и вешал его на козлы, постоянно поддерживая огонь. За три дня он высушил пятнадцать фунтов копченого мяса, которого хватит недели на две. И ещё дольше, если он будет добывать пропитание на пути.

Волки оставили еще один деликатес — язык. Им он наслаждался поистине по-королевски. Рёбра и другие оставшиеся кости он одно за другим поджарил на костре, расколов их ради питательного, свежего костного мозга.

Тупой бритвой Гласс снял шкуру. Задача, на которую ушли бы минуты, заняла у него часы, в промежутках между которыми он горько думал о тех, кто украл его нож. У него не было ни времени, ни средств, чтобы должным образом обработать шкуру, но ему удалось смастерить грубый парфлеш, прежде чем шкура высохла и задубела. Он нуждался в сумке для копченого мяса.

На третий день Гласс отправился на поиски ветки для костыля. Его поразило, что в схватке с волками изувеченная нога смогла вынести вес его тела. В минувшие два дня он разрабатывал ногу, вытягивая и испытывая её. Гласс надеялся, что при помощи костыля ему наконец-то удастся ходить прямо; этой возможности он несказанно радовался после трех недель передвижения ползком, как хромая собака. Он нашел ветку тополя подходящей длины и формы. Отрезав длинную полоску от одеяла из шерсти Гудзонова залива, он намотал её на конец палки, как подушку.

Одеяло теперь уменьшилось до размеров полоски ткани в фут шириной и два в длину. Гласс бритвой прорезал в центре одеяла отверстие, достаточное, чтобы просунуть в него голову. Получившаяся одежда была слишком мала, чтобы назвать её капоте, но по-крайней мере она укроет плечи и не позволит парфлешу врезаться в кожу.

В последнюю ночь возле пологих холмов в воздухе вновь разлилась прохлада. Последние полоски зарезанного тельца коптились на козлах над алеющими угольками. Пламя отбрасывало уютный свет на лагерь - маленький оазис света во мгле безлунной долины. Гласс высасывал костный мозг из последних костей. Бросив

кость в костер, он внезапно понял, что не голоден. Он наслаждался проникающим теплом костра,, роскошью, которой не увидит в обозримом будущем.

Три дня исправного питания подлечили его истерзанное тело. Он согнул правую ногу. Мышцы одеревенели и ныли, но подчинялись. Плечо тоже заживало. Прежняя сила к руке не вернулась, но она приобрела гибкость. К горлу он по-прежнему боялся прикасаться. Остатки швов на нём держались, хотя кожа затянулась. Он подумывал, не стоит ли попытаться обрезать их бритвой, но боялся. После попытки отпугнуть волков криком, Гласс не проверял свой голос все эти дни. И сейчас тоже не будет. Голос мало чем поможет ему в предстоящие недели выживания. Если обстоятельства изменятся, тогда и будет видно... А вот то, что боль при глотании немного утихла, его действительно радовало.

Гласс понимал, что телёнок бизона изменил его судьбу. Однако в своем положении он легко умерил оценку этих достижений. Он просто выжил, чтобы провести в борьбе еще один день. Но он был одинок и безоружен. От Форта Бразо его отделяло три сотни миль открытой прерии. Два индейских племени – одно возможно враждебное, другое - наверняка – передвигались вдоль той же реки, по которой он ориентировался. И конечно, Гласс прекрасно понимал, что индейцы - не единственная угроза

Он знал, что должен поспать. С помощью костыля он надеялся пройти на следующий день десять или пятнадцать миль. Но тем не менее, неумолимая сила манила его продлить мимолётное мгновение удовольствия – сытости, отдыха и тепла.

Гласс потянулся к ягдташу и извлек медвежий коготь. Он медленно поворачивал его в свете костра, вновь потрясенный засохшей кровью на кончике когтя – его кровью, как он теперь понял. Он принялся сверлить толстое основание когтя бритвой, пробив небольшое отверстие, которое аккуратно расширил. Из ягдташа он достал бисерное ожерелье с лапками ястреба. Сквозь сделанное отверстие в основании когтя Хью просунул нитку ожерелья и затянул её тугим узлом. Затем завязал ожерелье у себя на шее.

Глассу нравилось, что нанесший ему раны коготь теперь безжизненно болтается на шее. *Талисман на удачу*, подумал он и заснул.

Глава одиннадцатая

16 сентября 1823 года

- *Чёрт побери!* - Джон Фицджеральд смотрел на реку, вернее, на изгиб реки.

К нему подошел Бриджер.- В чём дело, на восток сворачивает? Без предупреждения Фицджеральд наотмашь ударил мальчика по губам. Бриджер отлетел, шлёпнувшись на землю с растерянным выражением лица. - Ты чего?

- Ты думаешь, я не вижу, что река сворачивает на восток? Когда мне понадобится твоя помощь в разведке, я тебе скажу! А до тех пор держи глаза открытыми, а чёртов рот на замке!

Бриджер, конечно, был прав. Больше сотни миль река, вдоль которой они следовали, бежала в основном на север; для них это было идеальным маршрутом. Фицджеральд даже не был уверен в названии реки, но знал, что любая река в конце концов вливается в Миссури. Фицджеральд был убежден, что продолжи река и дальше бежать на север, через день пути она вполне могла привести их к Форт-Юниону. Фицджеральд даже лелеял надежду, что они уже добрались до Йеллоустоуна, хотя Бриджер придерживался мнения, что они слишком далеко отклонились на восток.

В любом случае, Фицджеральд намеревался держаться реки, пока они не дойдут до Миссури. По правде говоря, он совсем не разбирался в географии обширных равнин, простиравшихся перед ними. После того, как они вышли из верховьев Гранда, местность почти не содержала ориентиров. Горизонт протянулся на многие мили - море тихой травы и холмов, каждый из которых похож на предыдущий.

Придерживаясь реки, они получали простой ориентир и неиссякаемые запасы воды. Тем не менее, Фицджеральд не желал сворачивать на восток - новое направление реки, насколько видел глаз. Время оставалось их врагом. Чем дольше они бродили отдельно от Генри и отряда, тем больше становились шансы попасть в беду.

Так они и стояли несколько минут, пока Фицджеральд смотрел на реку и кипел от гнева. Наконец Бриджер глубоко вздохнул и произнес:- Нам надо срезать на северо-запад.

Фицджеральд собрался было одернуть его, но был в совершеннейшем отчаянии, не зная, как поступить дальше. Он указал на сухую прерию, простиравшуюся до самого горизонта. - Полагаю, ты знаешь, где там добыть воды?

- Нет. Но при такой погоде она нам почти и не нужна. Бриджер заметил нерешительность Фицджеральда, и это лишь укрепило его в собственном мнении. В отличии от Фицджеральда он умел ориентироваться на открытой местности. При нём всегда был внутренний компас, который руководил им в неизведанной местности. - Думаю, мы не более чем в двух днях от Миссури и, возможно, от Форта.

Фицджеральд сдержался, чтобы вновь не ударить Бриджера. По правде говоря, он опять подумывал убить мальчишку. Он так бы и поступил на Гранд, не чувствуя себя зависимым от дополнительной винтовки. Два стрелка - это совсем немного, но все же лучше, чем один.

- Слушай, парень. Нам надо тут кое-что обговорить между собой, прежде чем присоединимся к остальным. Бриджер ждал этого разговора, после того как они бросили Гласса. Он потупил взгляд, уже стыдясь того, что должно произойти.

- Мы сделали для Гласса всё от нас зависящее, остались даже дольше положенного срока. Семьдесят долларов - ничтожная цена за то, чтобы ри [\[30\]](#) сняли с тебя скальп.

Бриджер молчал, и Фицджеральд продолжил.- Гласс уже был мертвецом с той самой минуты, как его медведь разделал. Нам

оставалось лишь схоронить его. Бриджер по-прежнему на него не смотрел. Фицджеральд вновь начал терять терпение.

- А знаешь что, Бриджер? Плевать я хотел на твое мнение о нашем поступке. Но скажу тебе одно - проболтаешься, я перережу тебе глотку от уха до уха.

Глава двенадцатая

17 сентября 1823 года

Капитан Эндрю Генри не остановился для того, чтобы оценить девственное великолепие открывшейся перед ним долины. С наблюдательного пункта на вершине высокого утеса над местом слияния Миссури с Йеллоустоуном Генри и его семерым спутникам открывался вид на широкий простор, ограниченный невысоким плато. Перед плато высились два пологих холма, поднимавшиеся, подобно соломенным волнам, между крутой речной террасой и Миссури. Ближний берег был лишен растительности, но на противоположном по-прежнему стояли тополя, не желавшие уступать осени зелень листвы.

Не остановился Генри и чтобы задуматься над философским значением слияния двух рек. Он не воображал высокие горные долины, откуда брали свое начало прозрачные, как бриллианты, воды. Не задержался он и чтобы оценить практическую важность местоположения форта, аккуратно вбивавшего в себя всю торговлю по двум великим водным артериям.

Мысли капитана Генри занимало отнюдь не то, что он увидел, а скорее то, чего не видел. Он не видел лошадей. Он заметил, как по лагерю бродили люди и дымил большой костер, но ни единой лошади. *Ни даже чёртова мула.* Он выстрелил в воздух из винтовки, скорее от злости, чем возвещая о приходе.

Люди в лагере побросали свои дела, высматривая стрелка. В ответ им прогремело два выстрела. Генри и его семёрка направились вниз по долине к Форт-Юниону.

Прошло восемь недель, после того как Генри оставил Форт-

Юнион, поспешив помочь Эшли в борьбе с арикара. Уходя, Генри оставил два указания: ставить ловушки у прилегающих ручьев и любой ценой сохранить лошадей. Похоже, что удача капитана Генри так и не переменится к лучшему.

Кабан снял винтовку с правого плеча, где она, похоже, проделала борозду. Он собрался было перенести тяжелое оружие на левое плечо, но там уже натерла мозоль лямка ягдташа. Наконец он сдался, решив просто держать его в руках перед собой, но и это решение дало знать о себе ноющей болью в запястьях.

Кабан вспомнил уютный соломенный матрас в задней комнате лавки бочара в Сент-Луисе и вновь пришел к заключению, что присоединяться к капитану Генри было ошибкой.

За первые двадцать лет жизни Кабан не проходил зараз больше двух миль. За прошлые шесть недель он ежедневно проходил не меньше двадцати миль, а зачастую отряд покрывал все тридцать и даже больше. Два дня назад Кабан протер третью пару мокасин. По утрам в дыры попадала студеная роса. Острые камни изрезали ступни. А самое худшее - он наступил прямоком на опунцию. Неоднократные попытки извлечь шипы разделочным ножом не увенчались успехом, и нарывающий палец заставлял морщиться при каждом шаге.

Не говоря уже о том, что никогда в жизни он не был так голоден. Кабан истосковался просто по удовольствию обмакнуть галету в соус или вонзить зубы в жирную ножку цыпленка. Он с благоговением вспомнил груды еды на жестяной тарелке, которую трижды в день приносила ему жена бочара. Теперь его завтрак состоял из холодного вяленого мяса - да и того было негусто. Они редко останавливались на обед, который также состоял из холодного вяленого мяса. Учитывая нежелание капитана стрелять, даже ужин в основном состоял из вяленого мяса. Когда у них была свежая дичь, Кабан с трудом её поглощал, давясь кусками или усиленно стараясь разбить кости, чтобы извлечь костный мозг. Еда на фронтире требовала чертовски больших усилий. Затрачиваемые на еду усилия оставляли его голодным.

С каждым мучительным шагом, каждый раз, когда у него урчало в желудке, Кабан сомневался, что принял правильное решение, отправившись на запад. Богатства фронта так и оставались неуловимыми. Вот уже шесть месяцев как Кабан не ставил ловушку на бобра. Когда они вошли в лагерь, оказалось, что исчезли не только лошади. *Где же пушнина?*

Несколько бобровых шкур висело на каркасе из ивовых прутьев возле деревянных стен форта вместе со шкурами бизона, лося и волка. Но едва ли это походило на ту золотую жилу, которую они надеялись найти по возвращении.

Человек, прозванный Коротышкой Биллом, вышел вперед и протянул Генри руку для приветствия.

Генри не обратил внимания на протянутую руку.- Куда подевались лошади?

Рука Коротышки Билла на мгновение одиноко и неуклюже застыла.

Наконец он опустил ее.- Их украли черноногие, капитан.

- Ты когда-нибудь слышал о том, как выставляют часовых?

- Мы выставили часовых, капитан, но невесть откуда выскочили краснокожие и угнали табун.

- Вы выслали за ними погоню?

Коротышка Билл медленно покачал головой.- Мы и до этого не справлялись с черноногими. Жалкая отговорка, но действенная. Капитан Генри глубоко вздохнул. - Сколько лошадей осталось?

- Семь, вернее пять и два мула. Их забрал Мёрфи, выйдя с отрядом охотников к Бивер-Крик.

- Что-то непохоже, чтобы вы тут добычей пушнины занимались.

- Занимались, капитан, но все места вокруг Форта уже опустели. Без лошадей мы не можем далеко отходить.

Джим Бриджер лежал, свернувшись под истрёпанным одеялом. На рассвете землю покрывает иней, и мальчик почувствовал, как сырость пробирает его до костей. Они вновь спали без огня. Он то пробуждался, то вновь засыпал, и наконец усталость взяла своё, и он уснул.

Ему снилось, что он стоит на краю громадной пропасти. Предзакатное небо было окрашено в пурпурный цвет. Царила мгла, но ещё оставалось немного света, тускло освещавшего силуэты. Внезапно вдалеке показалась призрачная фигура. Она медленно и неумолимо приближалась к Бриджеру. По мере приближения призрак постепенно обретал форму скрюченного и хромого существа. Бриджер хотел убежать, но призрак отрезал ему путь к отступлению.

На расстоянии в десять шагов Бриджер разглядел ужасное лицо. Оно выглядело неестественно, черты перекосились, как маска. Щёки и лоб прорезали шрамы. Хаотично и асимметрично торчали уши и нос. Лицо обрамляли спутанная грива и борода, усиливавшие впечатление, что существо перед ним уже больше не человек.

Привидение подошло ближе, ярко вспыхнули его глаза, не отводя полного ненависти взгляда от Бриджера, который безуспешно пытался его избежать.

Привидение, как смерть с косой, подняло нож и глубоко погрузило его в грудь Бриджеру. Нож рассек грудь, ошеломив мальчика пронзающей силой удара. Мальчик пошатнулся, поймал в последний раз взгляд горящих глаз и упал.

Он смотрел на нож в груди, пока его поглощал призрак. Его почти не удивил серебряный набалдашник на рукоятке. Нож Гласса. В некотором смысле, умирать легче, чем жить с чувством вины, подумалось Бриджеру.

Бриджер почувствовал острую боль в рёбрах. С содроганием открыв глаза, он заметил стоящего над ним Фицджеральда.- Пора выступать, парень.

Глава тринадцатая

5 октября 1823 года

Обугленные руины деревни арикара напомнили Хью Глассу скелеты. Было странно шагать меду ними. Место, которое совсем недавно кипело жизнью, вмещая пятьсот семей, теперь стояло пустым, как могила; почерневшим монументом на высоком утесе над Миссури.

Деревня находилась в восьми милях к северу от слияния Миссури с Грандом, а Форт Бразо лежал в семидесяти милях к югу. На вылазку вверх по Миссури у Гласса имелись две причины. У него иссяк запас копченого бизоньего мяса, и он опять перешел на корни и ягоды. Гласс помнил о тучных кукурузных полях, окружавших деревню арикара, и надеялся на них поживиться.

Он также знал, что деревня снабдит его материалом для сооружения плота. С его помощью он мог бы безмятежно плыть вниз по течению к Форту Бразо. Пока он медленно шел по деревне, то понял, что в строительном материале у него недостатка не будет. Между вигвамами и частоколами валялись тысячи подходящих бревен.

Гласс остановился возле большого вигвама в центре деревни, определённо являвшемся местом общих сборищ, и заглянул в него. В потемках вигвама он заметил движение. С заколотившимся сердцем он сделал шаг назад. Он остановился, вглядываясь в вигвам, пока его глаза привыкали к потемкам. Поскольку в костыле он больше не нуждался, Гласс заострил конец тополиной ветки, превратив её в грубое копьё, и выставил его вперед.

Небольшая собака, совсем щенок, заскулила в центре вигвама.

Облегченно вздохнув и обрадованный видом свежего мяса, Гласс медленно шагнул. Он повернул копье тупым концом вперед. Если ему удастся подманить щенка поближе, быстрый удар разmozжит собаке голову. *Нет необходимости портить мясо.* Почуввав опасность, щенок рванулся к темному углу в задней части помещения.

Гласс быстро бросился вдогонку за ним, и потрясенно остановился, когда щенок прыгнул на руки дряхлой скво. Старуха лежала, свернувшись калачиком на потрепанном одеяле. Щенка она держала, как ребенка, зарыв лицо в его шерсти, и в темноте виднелись только её седые волосы. Она вскрикнула и истерично завопила. Спустя мгновение причитания перешли в пугающий и зловещий распев. *Предсмертная песнь?*

Со сжимающих щенка рук свисала похожая на пергамент дряблая кожа. Когда глаза Гласса привыкли к темноте, он заметил вокруг беспорядок и грязь. Большой глиняный горшок был наполнен водой, но еды он нигде не заметил. *Почему она не собрала кукурузу?* Гласс нашел несколько початков, пока ходил по деревне. Сиу и олени растащили большую часть урожая, но кое-что должно было остаться. *Она что, парализована?*

Он полез в ягдташ и извлек кукурузный початок, очистил его от шелухи и нагнувшись протянул старухе. Глассу пришлось долгое время держать початок, так как женщина продолжала свой жалобный плач. Спустя мгновение щенок обнюхал кукурузу и принялся ее лизать. Гласс коснулся рукой головы старухи, медленно поглаживая волосы. Наконец женщина перестала причитать и повернула лицо к свету, струившемуся из дверного проема.

Гласс охнул. Её глаза были белы, как снег, совершенно незрячими. Теперь Гласс понял, почему женщину бросили, когда арикара убежали посреди ночи.

Гласс взял женщину за руку и осторожно вложил ей в ладонь кукурузу. Та пробормотала что-то непонятное и положила початок в рот. Гласс заметил, что у нее не осталось зубов, и она жует кукурузу деснами. Сладкий сок, похоже, пробудил аппетит, и она тщетно

старалась пережевать початок. *Ей нужен бульон.*

Гласс осмотрел вигвам. Рядом с костровой ямой в центре помещения стоял ржавый котелок. Он осмотрел воду в большом глиняном горшке. Она оказалась затхлой, на поверхности плавал мусор. Он поднял горшок и вынес его наружу. Выплеснув воду, он наполнил его из протекавшего через деревню небольшого ручья.

Возле ручья Гласс заметил ещё одну собаку, и её уже он не пощадил. Вскоре в центре вигвама весело трещал огонь. Часть собачьей туши он поджарил на огне, а часть сварил в котелке. Кукурузу он закинул в горшок с собачьим мясом и продолжил обыскивать деревню. Пламя не коснулось многих землянок, и Гласс обрадовался находке нескольких мотков веревки для плота. Он также нашел жестяную кружку и черпак из бизоньего рога.

Когда он вернулся в большой вигвам, то обнаружил старуху там же, где и оставил её, по-прежнему жующую кукурузный початок. Он подошел к котелку и наполнил жестяную кружку бульоном, поставив её рядом с матрасом. Щенок, сбитый с толку запахом поджаривавшегося собрата, жался у ног женщины. Женщина тоже почуяла запах мяса. Он схватила кружку, и как только бульон немного остыл, проглотила его. Гласс вновь наполнил кружку, на этот раз добавив крохотные кусочки мяса, нарезанные бритвой. Он наполнил кружку три раза, прежде чем женщина насытилась и заснула. Гласс поправил одеяло, укрыв её костлявые плечи.

Затем Гласс подошел к огню и принялся за жареную собачатину. Пауни считали собаку деликатесом, забивая псов точно так же, как белые резали по осени свиней. Гласс же определенно предпочитал бизонье мясо, но при нынешних обстоятельствах собака тоже годилась. Достав из котелка кукурузу, он съел и её, оставив бульон и вареное мясо для скво.

После трапезы Гласса прошел час, когда он услышал крик женщины. Гласс быстро подошел к ней. Она постоянно повторяла одну и ту же фразу. - *He tuwe he. . . He tuwe he* [\[31\]](#)... - она произносила эти слова не тем испуганным голосом предсмертных

песнопений, а спокойно, стараясь передать некую важную мысль. Эти слова ничего не значили для Гласса. Не зная, чем ей ещё можно помочь, он взял женщину за руку. Скво слабо её сжала и поднесла к щеке. Так они и сидели. Слепые глаза закрылись, и женщина заснула.

Наутро она была мертва.

Почти всё утро Гласс провел, сооружая грубый погребальный костер с видом на Миссури. Когда он закончил, то отправился в большой вигвам, завернул женщину в одеяло и отнес её к погребальному костру. За ним по пятам следовал щенок - довольно странный кортеж. Как и раненая нога, плечо Гласса после схватки с волками тоже зажило. Но всё же он поморщился, когда поднимал тело на погребальный костер. По его спине прошли знакомые беспокоящие боли. Спина по-прежнему тревожила его. Если ему улыбнется удача, то через несколько дней он будет в Форте Бразо. Кто-нибудь из местных его подлатает.

На мгновение Гласс остановился возле костра, в памяти его всплыли старые обычаи из далекого прошлого. На миг он задумался, какие слова произносились при погребении его матери, какими словами проводили Элизабет. Он представил себе горку свежерытой земли возле открытой могилы. Сам ритуал погребения всегда представлялся ему гнетущим и безжалостным. Обычай индейцев был ему больше по душе - укладывать тела на возвышенности, словно предавать их небесам.

Щенок неожиданно зарычал, и Гласс обернулся. Со стороны деревни к нему медленно направлялись четыре верховых индейца, находившиеся в семидесяти ярдах. По их одеянию и головным уборам Гласс мгновенно признал в них сиу. На секунду он запаниковал, прикидывая расстояние от утёса до густых деревьев. Но вспомнив свою первую встречу с пауни, решил не сходить с места.

Прошло больше месяца с тех пор, как трапперы и сиу стали союзниками при осаде арикара. Гласс помнил, что сиу покинули театр боевых действий из-за отвращения к тактике полковника Ливенворта. Подобное чувство разделяли и люди "Пушной компании Скалистых гор". *Теплятся ли ещё остатки былых уз?* Он и не

сдвинулся с места, излучая всё спокойствие, которое смог призвать, и наблюдал за приближающимися индейцами.

Индейцы были молоды, трое - почти подростки. Четвертый был постарше, возможно, лет двадцати пяти. Молодые индейцы приближались с опаской, держа оружие наготове, словно подбирались к незнакомому животному. Старший сиу ехал на полкорпуса впереди остальных. В руках у него была лондонская фузея [\[32\]](#), но держал оружие небрежно, положив ствол на шею огромного серого жеребца. На крупе животного было выжжено клеймо "США". *Один из Ливенвортских.* При других обстоятельствах Гласс, возможно, посмеялся бы над неудачей полковника.

Старший из сиу остановил лошадь в пяти футах от Гласса, осмотрев его с ног до головы. Затем сиу поглядел на погребальный костер. Он никак не мог понять что связывает этого растерзанного и грязного бледнолицего с мертвой скво арикара. Находясь в отдалении, они наблюдали, как он с трудом поднял тело женщины на помост. Полная бессмыслица.

Индеец перекинул ногу через крупного жеребца и легко соскользнул вниз. Он подошел к Глассу, так и пронизывая того взглядом тёмных глаз. Гласс почувствовал, как в животе у него заурчало, но встретил взгляд индейца, даже не моргнув. Индеец безуспешно пытался повторить то, что удалось Глассу – притвориться спокойным. Его звали Жёлтая Лошадь. Он был высоким, более шести футов, с квадратными плечами и великолепным сложением, которое подчеркивали мускулистая шея и грудь. В туго заплетенные волосы он вплет три орлиных пера, по числу убитых в бою врагов. С его кожаной рубашки свисали на грудь две кисти бахромы. Гласс отметил качество работы – сотни связанных вместе иголок дикобраза, окрашенных в яркие багряные и синие цвета.

Оказавшись лицом к Глассу, индеец подался вперед, и медленно вытянув руку, коснулся ожерелья Гласса и осмотрел огромный

медвежий коготь, поворачивая его пальцами. Он отпустил коготь и перевёл взгляд на шрамы на черепае и горле Гласса.

Индеец коснулся плеча Гласса, заставив того повернуться, и осмотрел раны под изодранной рубашкой. Осматривая спину Гласса, он произнес что-то трём остальным. Гласс услышал, как остальные индейцы спешили и оживленно заговорили, ощупывая пальцами его спину. *Что происходит?*

Восхищение индейцев вызвали глубокие параллельные раны, тянувшиеся вдоль всей спины Гласса. Индейцы видели множество ран, но таких никогда. В глубоких порезах что-то шевелилось. В них кишели черви.

Одному из индейцев удалось зажать между пальцами извивающегося белого червя. Он показал его Глассу. Тот в ужасе вскричал, и разорвав остатки своей рубашки, попытался дотянуться до ран, а затем, упав на четвереньки, опорожнил желудок; его стошнило при мысли о столь мерзких сожителях.

Индейцы усадили Гласса на лошадь за спину одному из них и выехали из деревни. Щенок старухи бросился вдогонку за лошадьми. Один из индейцев остановился, спешил и подманил к себе собаку. Обухом томагавка он раскроил ей череп и, схватив её за задние лапы, вскочил в седло, чтобы догнать остальных.

Лагерь сиу находился к югу от Гранда. Прибытие четырех индейцев вместе с бледнолицым немедленно вызвало оживление, и целая толпа индейцев последовала за ними, устроив настоящий парад, пока они ехали среди вигвамов.

Жёлтая Лошадь направил процессию к низкому вигваму, стоявшему поодаль от лагеря. Вигвам покрывали невероятные изображения: разряды молний из черных туч, бизоны в правильном порядке выстроенные вокруг солнца, расплывчатые людские силуэты, плясавшие вокруг костра. Желтая Лошадь выкрикнул приветствие, и спустя мгновение из-под полога вигвама показался древний скрюченный индеец. Он морщился под яркими лучами солнца, хотя даже без прищура глаз почти не было видно среди глубоких морщин. Верхнюю часть его лица покрывала черная краска,

а к правому уху он привязал мёртвого высушенного ворона. Несмотря на холод октябрьского дня, он был гол по пояс, а ниже носил лишь набедренную повязку. Дряблая кожа, свисающая с запавшей груди, была окрашена в чёрно-красные полосы.

Жёлтая Лошадь спешился и знаком показал Глассу сделать то же самое. Гласс неловко спустился, от тряски при езде его раны вновь разболелись. Жёлтая Лошадь рассказал шаману о странном человеке, которого они нашли на руинах деревни арикара. О том, как тот отправил на небеса душу старой скво. Он поведал, что белый человек при встрече не выказал страха, хотя не имел при себе никакого оружия, кроме заостренного кола. Не обошел он вниманием и ожерелье с когтем медведя и ужасные раны на горле и спине.

Лекарь не произнес ни слова во время длинного рассказа Жёлтой Лошади, но его глаза пристально смотрели на Гласса сквозь полосатую маску на лице. Спешившиеся индейцы сгрудились поближе, чтобы услышать рассказ, и при упоминании о червях на спине раздался приглушенный ропот.

Когда Жёлтая Лошадь закончил, шаман подошел к Глассу. Макушка иссохшего старика едва доходила Глассу до щеки, и старый сиу смог прекрасно рассмотреть коготь медведя. Он потрогал кончик пальцем, словно хотел убедиться в его подлинности. Руки его слегка дрожали, когда он дотронулся до розоватых шрамов, протянувшихся от правого плеча Гласса к горлу.

Затем он повернул Гласса, чтобы осмотреть спину. Он потянулся к воротнику поношенной рубашки и разорвал её. Одежда поддалась без каких-либо усилий. Индейцы подвинулись ближе, чтобы самим убедиться в словах Желтой Лошади. Они принялись взволнованно переговариваться на странном языке. У Гласса засосало под ложечкой при мысли о зрелище, которое вызвало такое возбуждение.

Шаман что-то произнес, и индейцы мгновенно смолкли. Он повернулся и исчез за пологом своего вигвама. Спустя несколько минут шаман появился, держа в руках множество тыквенных бутылей и обшитых бисером сумок. Он подошел к Глассу и заставил того лечь лицом на землю. Рядом с Глассом он растянул красивую

белую шкуру. На шкуре шаман разложил свои приспособления. Гласс понятия не имел, что находится в бутылках. Да и знать не хотел. Лишь одно было важно. *Избавь меня от них.*

Шаман обратился к одному из молодых индейцев, который умчался, вернувшись через несколько минут с горшком воды. Тем временем, шаман понюхал самую большую из бутылей и добавил в нее ингредиенты из различных сумок. Во время работы он тихо напевал, то был единственный звук, нарушающий почтительное молчание жителей деревни.

Главным ингредиентом большой бутылки оказалась моча бизона, собранная из мочевого пузыря большого быка на прошлогодней охоте. К моче он добавил корень ольхи и порошок. Получившаяся вязкая смесь имела такие же целительные свойства, что и живица.

Шаман дал Глассу короткую палку длиной в шесть дюймов. Глассу понадобилось некоторое время, чтобы понять её назначение. Глубоко вздохнув, он зажал палку зубами.

Гласс весь подобрался, и лекарь нанес мазь.

Терпкая смесь вызвала самую мучительную боль, которую когда-либо испытывал Гласс. Ощущение было таким, словно расплавленное железо влили в форму из человеческой плоти. Сперва боль была острой, пока жидкость дюйм за дюймом мучительно текла в каждый из пяти порезов. Но вскоре точечная боль разлилась широкой волной, пульсируя в унисон с учащённым биением сердца. Гласс стиснул зубами мягкое дерево палки. Он пытался думать об исцеляющем действии мази, но не мог отвлечься от боли.

Смесь произвела желаемый эффект на червей. Дюжины извивающихся белых тварей скатились на землю. Спустя несколько минут лекарь большим ковшом воды смыл червей и обжигающую мазь со спины Гласса. Тот облегченно застонал, когда боль потихоньку унялась.

Он едва перевел дух, когда знахарь вновь облил его из большой бутылки.

Смесь шаман нанес в четыре приема. Когда он смыл последние остатки мази, то наложил теплую припарку из сосны и лиственницы.

Жёлтая Лошадь помог Глассу войти в вигвам шамана. Скво принесла свежую оленину. Он не обращал внимания на горящую спину, пока ел, а затем растянулся на бизоньей шкуре и провалился в глубокий сон.

Целых два он просыпался и вновь засыпал. Проснувшись, он обнаруживал возле себя свежую еду и воду. Лекарь ухаживал за его спиной, дважды поменяв припарку. После жалящей мази, припарка казалась нежным прикосновением материнской руки.

Когда Гласс проснулся на утро третьего дня, вигвам тускло освещали первые лучи рассвета. Тишину нарушало лишь редкое ржание лошадей и воркование голубей. Шаман спал, натянув на костлявую грудь плащ из шкуры бизона. Рядом с Глассом лежала аккуратно сложенная одежда из шкуры оленя - штаны, обшитые бисером мокасины и простая рубашка из оленьей кожи. Он медленно поднялся и переоделся.

Пауни считали сиу своими кровными врагами. Во время, проведенное им на равнинах Канзаса, Глассу даже довелось поучаствовать в небольшой схватке с охотничьей партией сиу. Теперь ему открылся новый смысл. Разве мог он испытывать другое чувство, кроме благодарности к добрым самаритянам, Жёлтой Лошади и шаману? Шаман, потянувшись, присел и заметил Гласса. Он что-то сказал, но Гласс ничего не понял.

Спустя несколько минут показался Жёлтая Лошадь. Его обрадовало, что Гласс поднялся на ноги и здоров. Индейцы осмотрели его спину и одобрительно зацокали от увиденного. Когда они закончили, Гласс указал на спину и вопросительно подняв брови, спросил: "Выглядит нормально?" Жёлтая Лошадь сжал губы и утвердительно кивнул.

Позже в тот же день они встретились в вигваме Жёлтой Лошади. Жестами и рисунками на песке Гласс пытался объяснить, откуда он пришел и куда направляется. Жёлтая Лошадь разобрал слово "Форт Бразо", в чем Гласс убедился, когда индеец достал карту, показывавшую точное местоположение форта у места слияния Миссури с Уайт-Ривер. Гласс энергично закивал головой. Желтая

Лошадь обратился к молодым индейцам, собравшимся у него в вигваме. Гласс не разобрал ни слова, и той ночью отправился спать, размышляя, не стоит ли ему просто сбежать.

На следующее утро его разбудило конское ржание у вигвама шамана. Когда он вышел наружу, то обнаружил там Жёлтую Лошадь и давешних молодых индейцев. Они были верхом, и один из индейцев держал в поводу оседланную пегую лошадь.

Жёлтая Лошадь что-то произнес и указал на пегую. Когда они выехали на юг, в сторону Форта Бразо, над горизонтом показалось солнце.

Глава четырнадцатая

6 октября 1823 года

Умение ориентироваться на местности не подвело Джима. Он оказался прав, когда убедил Фицджеральда срезать путь, отдалившись от реки Литтл-Миссури, там, где она поворачивала на восток. На восточном горизонте растаяли последние лучи солнца, когда парочка дала выстрел из винтовки, оповестив Форт-Юнион о своём появлении. Навстречу им капитан Генри выслал всадника.

Люди "Пушной компании Скалистых гор" встретили Бриджера с Фицджеральдом у ворот Форт-Юниона в мрачном почтении. Фицджеральд нёс винтовку Гласса, как гордое напоминание об их павшем товарище. Жан Путрин перекрестился, когда мимо него торжественно пронесли Анстадт, а кое-кто обнажил голову. Люди не могли смириться со смертью Гласса.

Они собрались неподалёку от бараков, чтобы услышать рассказ Фицджеральда. Бриджер подивился тому умению и ловкости, с которой Фицджеральд плел ложь. - Говорить тут почти не о чём, - произнес Фицджеральд. - Мы знали, что все к этому идет. Я не претендовал на роль его друга, но уважал человека, который так сражался.

Мы вырыли для него глубокую могилу, забросали камнями, чтобы никто не тревожил. По правде говоря, капитан, я хотел сразу же выдвигаться, но Бриджер сказал, что мы должны сколотить крест для могилы. Бриджер поднял взгляд, потрясенный последним куском лжи. Двадцать восхищенных лиц обратилось к нему. *Господи, только не это уважение!* Он получил то, чего так добивался.. Но ему этого не вынести. Какими бы ни были последствия, он должен

избавиться от ужасного груза лжи - своей лжи.

Уголком глаза он заметил ледяной взор Фицджеральда. Плевать. Он раскрыл было рот, но прежде чем Бриджер подобрал слова, заговорил капитан Генри, - Я знал, что ты покажешь себя, Бриджер. Все одобрительно закивали. *Что же я наделал?* Джим потупил взгляд.

Глава пятнадцатая

9 октября 1823 года

Форт Бразо имел весьма хлипкие основания назваться фортом. Возможно, название было продиктовано тщеславием - желанием увековечить своё имя. Или, может, название должно было отпугнуть любые попытки нападения. В любом случае имя превышало свои возможности.

Форт Бразо состоял из одного деревянного сруба, грубой пристани и коновязи. Узкие бойницы служили единственным доказательством того, что при постройке хоть какое-то внимание было уделено боевым качествам форта. Но амбразуры скорее не пропускали свет, нежели стрелы.

Разбросанные вигвамы, усеивавшие поляну вокруг форта, частично временно сооруженные индейцами, посещавшими форт ради торговли, частично проживающими тут пьяницами из племени янктон сиу [\[33\]](#). Каждый путешествующий по реке останавливался здесь на ночь. Обычно приезжие располагались под звездами, хотя за цену в два доллара состоятельные могли заночевать на соломенных матрасах в срубе.

На одной половине сруба располагался магазин, на другой - салун. Тускло освещенный сруб в основном населяли запахи - въевшийся запах дыма, мускусный запах свежих шкур, открытых бочек с солёной треской. За исключением пьяных разговоров, тут стоял постоянный гул мух и временами храп, раздававшийся с чердака под стропилами.

Человек, в чью честь назвали форт, Кайова Бразо, всмотрелся в приближающуюся пятёрку всадников сквозь толстые стекла своего

пенсне, делавшие глаза неестественно огромными. С заметным облегчением он разглядел лицо Жёлтой Лошади. Кайову беспокоили намерения сиу.

Уилльям Эшли провел большую часть месяца в Форте Бразо, планируя будущее "Пушной компании Скалистых гор" на фоне волнений в деревнях арикара. В битве против арикара сиу выступили союзниками белых. Или вернее будет заметить, что сиу были союзниками, пока им не надоели вялые действия полковника Ливенворта. В самый разгар осады Ливенворта сиу неожиданно ушли (хотя не раньше, чем прихватили с собой лошадей как Эшли, так и армии США). Эшли рассматривал дезертирство сиу, как предательство. Кайова втайне сочувствовал сиу, хотя не видел нужды обижать основателя "Пушной компании Скалистых гор". В конце концов, Эшли с его людьми были самыми лучшими клиентами Кайовы, скупая все его запасы.

Но хилая экономика Форта Бразо зависела от торговли с местными племенами. Сиу приобрели дополнительное значение после драматических перемен в отношениях с арикара. Кайова беспокоился, что презрение сиу к Ливенворту может перейти и на его торговый пост. Прибытие Жёлтой Лошади вместе с тремя другими индейцами было добрым знаком, в особенности после того, как стало понятно, что они привели белого человека, о котором, по-видимому, заботились.

Встретить новоприбывших собралась небольшая толпа проживающих здесь индейцев и вояжеров [\[34\]](#). Особого внимания удостоился белый человек с ужасными шрамами на лице и скальпе. Бразо заговорил с Жёлтой Лошадью на беглом языке сиу, и Жёлтая Лошадь рассказал все, что знал про белого человека.

Под пристальными взглядами Гласс чувствовал себя неловко. Владеющие языком сиу слушали рассказ о том, как Жёлтая Лошадь нашел Гласса, в одиночестве и безоружного, тяжело раненного медведем. Остальным оставалось лишь гадать, хотя в том, что белому человеку есть о чем рассказать, никто не сомневался.

Кайова выслушал рассказ Жёлтой Лошади, прежде чем обратиться к белому человеку. - Кто ты? Казалось, белому трудно было подобрать слова. Решив, что тот его не понял, Кайова перешел на французский:- Qui etes vous?

Гласс сглотнул и осторожно откашлялся. Он помнил Кайову по короткой остановке здесь "Пушной компании Скалистых гор" во время экспедиции в верховья реки. Кайова определенно его не вспомнил. Глассу казалось, что его внешность сильно изменилась, хотя ему так и не удалось толком рассмотреть свое лицо после нападения медведя. - Хью Гласс, - речь причиняла ему боль, и голос выходил каким-то жалобным, скребущим писком. - Человек Эшли.

- Ты только что разминулся с месье Эшли. Он отправил Джеда Стюарта с пятнадцатью людьми на запад и вернулся в Сент-Луис, чтобы набрать новый отряд. Кайова выждал мгновение, в надежде, что раненый предоставит дополнительные сведения о себе.

Но этот человек не выказывал никаких признаков, что собирается продолжить разговор, и одноглазый шотландец озвучил нетерпение собравшихся. С лёгким налётом грубого акцента он спросил:- Что с тобой приключилось?

Гласс заговорил медленно и по-возможности скупно. - В верховьях Гранд на меня напал гризли. - Жалостливый писк его голоса, был ему ненавистен, но он продолжил. - Капитан Генри оставил меня с двумя трапперами. - Он вновь сделал паузу, коснувшись рукой раненого горла.- Они сбежали и украли моё снаряжение.

- Сиу пронесли тебя всю дорог до нас? - спросил шотландец.

Заметив боль на лице Гласса, Кайова ответил за него.- Жёлтая Лошадь нашел его одного в деревне арикара. Поправьте меня, если я ошибаюсь, месье Гласс, но бьюсь о заклад, что вниз по Гранд вы пробирались сами. Гласс кивнул.

Одноглазый шотландец начал было новый вопрос, но Кайова оборвал его. - Месье Гласс расскажет нам свою историю позже. Думаю, надо дать ему поесть и выспаться. Очки придавали лицу Кайовы умный и добродушный вид. Он взял Гласса за плечо и повел

его к сруб. Там он усадил Гласса за длинный стол и что-то сказал на сиу своей жене. Она положила полную тарелку тушеного мяса из огромного чугунного котла. Гласс проглотил еду и еще две добавки.

Кайова сидел по другую сторону стола, терпеливо разглядывая его в тусклом свете и прогоняя зевак.

Когда Хью закончил трапезу, его внезапно осенила мысль, и он повернулся к Кайове.

- Я не смогу вам заплатить.

- Я и не ожидал, что у вас собой куча денег. Как человек Эшли вы можете получить в моем форте кредит. Гласс признательно кивнул, и Кайова продолжил:- Я могу снабдить вас всем необходимым и отправить со следующей лодкой в Сент-Луис.

Гласс энергично замотал головой. - Я не собираюсь в Сент-Луис.

- Кайова удивился. - А куда же вы собираетесь направиться?

- В Форт-Юнион.

- Форт-Юнион! На дворе октябрь! Даже если вам удастся проскочить мимо индейцев у деревень манданов, то пока вы туда доберетесь, наступит декабрь. А оттуда до Форт-Юниона ещё триста миль. Вы собираетесь подняться вверх по Миссури посреди зимы?

Гласс промолчал. Горло у него болело. Кроме того, он не нуждался в разрешении. Он глотнул воды из большой жестяной кружки, поблагодарил Кайову за еду и начал подниматься по шаткой лестнице на чердак. Однако на полпути он остановился, спустился вниз и вышел наружу.

Гласс нашел Жёлтую Лошадь на берегах Уайт-ривер, где тот разбил лагерь вдали от Форта. Вместе с другими сиу он задал корм лошадям, немного поторговал и собирался отбыть утром. Желтая Лошадь предпочитал держаться подальше от форта. Кайова и его жена из племени сиу всегда обходились с ним заботливо, но сам форт его подавлял. Он чувствовал отвращение и даже стыд за тех грязных индейцев, что разбили лагерь около форта и продавали своих жён и дочерей за глоток виски. Было нечто пугающее в том зле, которое могло заставить людей отказаться от прошлой жизни и существовать

в подобном унижении

Кроме пагубного влияния на живущих тут индейцев, его глубоко беспокоили и другие стороны жизни форта. Он дивился затейливости и качеству товаров, изготавливаемых бледнолицыми, начиная от ружей и топоров до прекрасной одежды и иголок. Но вместе с тем испытывал затаенный трепет перед людьми, способными производить подобные вещи с помощью сил, которые он не понимал. А рассказы об огромных деревнях бледнолицых на востоке, деревнях, где люди кишат, как бизоны. Он сомневался в правдивости подобных рассказов, но с каждым годом наплыв торговцев все больше увеличивался.

Теперь еще и война солдат с арикара. Да, бледнолицые хотели наказать арикара, племя, к которому он и сам не испытывал симпатий. И да, белые солдаты оказались трусами и глупцами. Он не мог понять причин своего беспокойства. По отдельности ни одно из этих тревожных событий не казалось серьезными. Но Желтая Лошадь смутно сознавал, что эти отдельные нити каким-то образом переплетаются, складываясь в предупреждение, которое он еще не мог полностью осознать.

Когда Гласс появился в лагере, Жёлтая Лошадь встал; лица индейцев освещал слабый костер. Гласс подумывал заплатить сиу за заботу, но чутьё подсказывало ему, что Жёлтая Лошадь оскорбится. Думал он и о небольшом подарке - листе табака или ноже. Подобные мелочи вряд ли могли выразить всю глубину его признательности. Вместо этого он подошел к Желтой Лошади, снял ожерелье с медвежьим когтем и надел на шею индейцу.

Мгновение Жёлтая Лошадь глядел на него. Гласс посмотрел ему в глаза, кивнул, отвернулся и побрел к срубу.

Когда Гласс вновь забрался на чердак, то обнаружил там двух вояжеров, заснувших на толстых соломенных матрасах. В тесном уголке у карниза лежала жалкая шкура. Гласс улегся и почти мгновенно заснул.

На следующее утро Гласса разбудила громкая французская речь, проникавшая на чердак из нижней комнаты. Беседа то и дело

сопровождалась веселым смехом, и Гласс заметил, что на чердаке он остался в одиночестве. Он полежал ещё немного, наслаждаясь роскошью приюта и тепла. Затем перекатился с живота на спину.

Суровое лечение шамана сделало своё дело. Пусть спина его ещё не полностью зажила, но по-крайней мере из ран не сочится гной. Он вытянул руки и ноги, словно проверял сложные компоненты нового механизма. Его нога уже выдерживала тяжесть, но он по-прежнему слегка прихрамывал. Былая сила к нему не вернулась, но рука и нога работали нормально. Он подозревал, что отдача от винтовки причинит острую боль, но в том, что он её удержит, Гласс не сомневался.

Винтовка. Он ценил готовность Кайова его экипировать. Но Гласс желал вернуть свою винтовку. Вернуть свою винтовку и свести счеты с людьми, её укравшими. Дойдя до Форта Бразо, он ощутил некоторое разочарование. Да, это определенный рубеж. Но для Гласса форт был не финишной линией, которую с восторгом пересекают, а скорее отправным пунктом. С новым снаряжением и выздоравливающим телом он получил преимущество, которого ему недоставало прошлые шесть недель. Но цель по-прежнему далека.

Лежа на спине в чердачной комнате, он заметил ведро воды на столе. Внизу распахнулась дверь, и треснувшее зеркало на стене поймало утренний свет. Гласс поднялся и медленно подошел к зеркалу

Гласс не был сильно шокирован своим отражением. Он ожидал другого. Но всё же было странно видеть раны, которые он до этого лишь мог представлять. Три параллельных следа когтя прорезали глубокие борозды в густой бороде на щеке. Шрамы напоминали Глассу боевую раскраску. Неудивительно, что сиу были так почтительны. По всему скальпу тянулся розовый шрам, а макушку венчало несколько глубоких порезов. В волосах Гласс заметил седые нити, особенно в бороде, вкравшиеся в доселе привычный для него каштановый цвет. Особое внимание он уделил горлу. Параллельные порезы по-прежнему отмечали следы когтей. А рубцы - места наложения швов.

Гласс задрал рубашку из оленьей кожи и попытался осмотреть спину. Но тёмное зеркало не отразило ничего, кроме очертаний длинных ран. Гласса все ещё преследовал отпечатавшийся в сознании образ червей. Он отошел от зеркала и спустился с чердака.

В нижней комнате собралось с дюжину мужчин, которые расселись вокруг длинного стола. Все разговоры смолкли, когда с чердака по лестнице спустился Гласс.

Кайова поприветствовал его, с лёгкостью перейдя на английский. Беглое знание языков было полезным качеством для торговца в вавилонском столпотворении фронта.

- Доброе утро, месье Гласс. Мы как раз о вас говорили. Гласс кивнул, но ничего не ответил.

- Вам повезло, - продолжил Кайова. - Возможно, я нашел вам лодку для путешествия вверх по реке. Гласс тут же заинтересовался.

- Познакомьтесь с Антуаном Ланжевином. Из-за стола поднялся низкорослый мужчина с длинными усами и протянул Глассу руку. Гласса удивило сильное рукопожатие коротышки.

- Антуан прибыл прошлой ночью из верховьев реки. Как и вам, месье Гласс, ему есть о чем рассказать. Месье Ланжевин прибыл из деревень манданов. Он поведал мне, что наши скитальцы, арикара, основали деревню на землях в миле к югу от манданов.

Ланжевин произнес что-то на французском, но Гласс не разобрал слова.

- Я как раз к этому подхожу, Ланжевин, - произнес Кайова, раздосадованный тем, что его прервали. - Я подумал, наш друг будет признателен за небольшое пояснение, - продолжил свой рассказ Кайова. - Как вы наверное догадались, наши друзья манданы обеспокоены тем, что их новые соседи принесли с собой неприятности. В качестве условия за разрешение поселиться на своей территории, манданы взяли у арикара обещание прекратить нападения на белых.

Кайова снял очки, протер линзы подолом длинной рубашки и вновь водрузил их на свой красный нос. - Что приводит нас к моим

обстоятельствам. Мой небольшой форт зависит от речного судоходства. Мне нужны подобные вам трапперы и торговцы, которые передвигаются на Миссури. Я ценю длительный визит, оказанный мне месье Эшли и его людьми, но война с арикара губит мою торговлю.

- Я попросил Ланжевина возглавить делегацию в верховья Миссури. Они отвезут подарки и возобновят отношения с арикара. Если они преуспеют, мы отправим в Сент-Луис весть об открытии Миссури для нашего предприятия.

- На лодке Ланжевина есть место и припасы для шести человек. Это Туссен Шарбоно, - Кайова указал на другого мужчину за столом. Гласс слышал о нем и с интересом уставился на мужа Сакагевеи [\[35\]](#). - Туссен служил переводчиком у Кларка и Льюиса. Он говорит на языке манданов и арикара и на любом другом, что может вам встретиться на пути.

- И говорю на английском, - добавил Шарбонно, что на звучало как, *"я говорююю на английийском"*. Английский Кайовы был почти безупречен, а вот Шарбонно сохранял тягучий акцент своего родного языка. Гласс протянул французу руку.

Кайова продолжил знакомить его.- Это Эндрю МакДональд, - он указал на вчерашнего знакомца, одноглазого шотландца. Гласс заметил, что помимо глаза у шотландца отсутствовала добрая часть кончика носа. - Возможно, он величайший глупец из всех мною виденных, - произнес Кайова. - Но он может без передышки грести весть день. Мы зовем его профессором. Профессор повернул голову, чтобы разглядеть Кайову здоровым глазом, который слегка сузился при упоминании его имени, хотя иронии он явно не уловил.

- И напоследок Доминик Катуар, - Кайова указал на путешественника, курившего длинную глиняную трубку. Доминик поднялся, пожал Глассу руки и произнес: - Рад знакомству. - Брат Доминика - Луи Катуар. Король путан. Он тоже идет, если нам удастся оторвать его и его колбасу из палатки шлюх. Луи мы зовем Девственником. Сидящие вокруг стола рассмеялись.

- Теперь перейдем к вам. Они пойдут на веслах вверх по реке и будут передвигаться налегке. Им нужен охотник, добывать мясо для лагеря. Подозреваю, что вы неплохи в добыче провизии. Особенно если при вас винтовка.

Гласс кивнул в ответ.

- Есть и другая причина, по которой нашей делегации потребуется дополнительная винтовка, - продолжил Кайова. - Доминик слышал, что вождь арикара, Язык Лося откололся от племени. Он возглавляет небольшой отряд воинов с семьями, где-то между Манданом и Грандом. Мы точно не знаем, где они. Но он поклялся отомстить за нападение на деревню ри.

Гласс вспомнил почерневшие руины деревни арикара и кивнул.

- Вы в деле?

Гласс не хотел стать помехой для своих спутников. Он намеревался пройти в верховья Миссури один, пешком. Он хотел выйти уже сегодня, и сама идея ожидания была ему ненавистна. Вместе с тем он понимал и выпавшую возможность. Численность отряда обеспечивала безопасность, если попутчики на что-то годны. Люди в делегации Кайова выглядели закалёнными, а Гласс знал, что нет лодочников лучше, чем воинственные вояжеры. Гласс также понимал, что его организм по-прежнему поправляется, и если он отправится в путешествие выздоровление пройдет медленней. Вести лодку вверх по течению тоже нелегко. Но если править, пока другие будут грести, то можно выгадать лишний месяц для поправки здоровья.

Гласс поднес руку к горлу.- Я в деле.

Ланжевин заговорил с Кайовой по-французски. Кайова выслушал и повернулся к Глассу.- Ланжевин говорит, что сегодня ему необходимо починить лодку. Вы выйдете завтра на рассвете. Пока подкрепитесь, а затем мы вас экипируем.

Кайова хранил свои товары у стены в дальнем углу сруба. Доска на двух пустых бочонках служила стойкой. Гласс первым делом заинтересовался длинноствольным оружием. Тут было пять ружей. Три из них были заржавелыми северо-западными мушкетами старой

сборки, предназначенные для торговли с индейцами. Что касается двух оставшихся винтовок, то сперва выбор казался очевидным. Одна была классической длинноствольной винтовкой Кентукки, с изящно отделанным ложем из полированного грецкого ореха. Вторая же оказалась обшарпанной пехотной винтовкой армии США модели 1803 года, с разбитым и обтянутым кожей ложем. Гласс взял обе винтовки и вышел наружу в сопровождении Кайовы. Глассу предстояло сделать важный выбор, и он хотел осмотреть винтовки при дневном свете.

Кайова выжидающе смотрел, пока Гласс осматривал длинную винтовку Кентукки. - Это прекрасное ружье, - произнес Кайова. - Еда у немцев может и дрянная, а вот в оружии они прекрасно разбираются.

Гласс был согласен. Он всегда восхищался элегантными обводами винтовок Кентукки. Но тут имелось две проблемы. Во-первых, Гласс с разочарованием подметил маленький калибр винтовки, который, как он безошибочно определил, составлял .32. Во-вторых, длинное оружие было тяжело нести и неудобно перезаряжать. Это идеальное оружие для порядочного фермера, охотника на белок в Виргинии. Глассу нужно было нечто иное.

Он передал винтовку Кентукки Кайове и взял модель 1803 года. Тем же оружием вооружали солдат экспедиционного корпуса Льюиса и Кларка. Первым делом Гласс осмотрел, как починили сломанное ложе. Сырую шкуру туго обтянули вокруг трещины и высушили. Кожа задубела и ссохлась, образовав крепкую, как камень, стяжку. Приклад выглядел безобразно, но, похоже, был цельным. Потом Гласс принялся за осмотр замка и курков. На них нанесли свежее масло, нигде не было следов ржавчины. Гласс медленно прошелся рукой до половины ложа и проследовал до конца короткого ствола. Он положил палец на толстый дульный срез, с удовлетворением определив .53 калибр.

- Нравятся большие ружья?

Гласс одобрительно кивнул.

- Большое ружьё - вещь хорошая, - произнес Кайова. - Проверь

его, - Кайова криво усмехнулся - Такое ружьё медведя свалит! Он передал Глассу пороховой рожок и мензурку. Гласс отмерил полный заряд в двести гранул и засыпал в дуло мушкета. Кайова дал ему большую пулю .53 калибра и промасленный пыж из кармана жилетки. Гласс обернул пулю в пыж и затолкал в ствол. Вытащив шомпол, он послал пулю до казенника. Затем Гласс подсыпал порох на полку, взвёл курок и смотрелся в поисках цели.

В пятидесяти ярдах от них на развилке большого тополя безмятежно сидела белка. Гласс прицелился в неё и спустил курок. Вслед за вспышкой на полке почти мгновенно прогремел выстрел. Воздух окутался дымом, и цель скрылась из вида. Гласс сморщился от сильного удара отдачи в плечо.

Когда дым рассеялся, Кайова медленно побрёл к подножию тополя. Он остановился и подобрал разорванные останки белки, которые состояли из одного лишь пушистого хвоста. Кайова вернулся к Глассу и кинул ему хвост под ноги. - Думаю, для белок эта винтовка не подходит.

На этот раз Гласс улыбнулся.- Беру.

Они вернулись в сруб, и Гласс подобрал остальное снаряжение. Вдобавок к винтовке он взял пистолет .53 калибра, отливочную форму для пуль, порох и кремни, томагавк и большой разделочный нож, толстый кожаный пояс для оружия, две хлопчатобумажные рубашки, чтобы носить под кожаной туникой, большой капоте из шерсти гудзонова залива, шерстяную шапку и рукавицы, пять фунтов соли и три листа табака, иголку с нитками. Для своих новых приобретений он выбрал бахромчатый кожаный ягдташ, искусно обшитый бисером. Он заметил, что вояжеры носили небольшие кисеты у пояса для трубки и табака. Он подобрал такой же, приспособив для нового кремня с кресалом.

Когда Гласс закончил, то почувствовал себя королем. После шести недель, когда он не имел ничего, кроме одежды на теле, Гласс чувствовал себя готовым к любым превратностям на пути. Кайова подвел счет, который составил сто двадцать пять долларов. Гласс написал записку Уилльяму Эшли.

"10 октября 1823 года

Уважаемый, мистер Эшли,

Моё снаряжение украли два траппера из отряда, с которыми я разберусь сам. Мистер Бразо выдал мне кредит на имя "Пушной компании Скалистых гор". Я позволил себе взять приложенные товары в счёт моего жалованья. Я собираюсь вернуть свою собственность, и даю Вам слово вернуть долг.

Ваш преданный слуга

Хью Гласс".

- Я отправлю ваше письмо вместе со счётом.

Тем вечером Гласс сердечно отужинал с Кайовой и четырьмя из пяти своих новых спутников. Пятый, Луи Девственник Каттуар, пока ещё не вылез из палатки шлюх. По словам его брата Доминика, с тех пор, как он прибыл в Форт Бразо, Луи переходил от опьянения к блуду. Вояжеры говорили в основном на французском, кроме случаев, когда разговор касался Гласса. После Кампече тот улавливал отдельные слова и фразы, но угнаться за беседой не мог.

- Проследи, чтобы к утру твой брат был готов, - сказал Ланжевин. - Мне нужен гребец.

- Он будет готов.

- И не забывайте о главной задаче, - произнес Кайова. - Не возитесь с манданами всю зиму. Мне нужно подтверждение, что арикара не станут нападать на торговцев, плывущих по реке. Если я не получу от вас вестей до нового года, то не смогу вовремя отписать в Сент-Луис, чтобы изменить планы на весну.

- Своё дело я знаю, - ответил Ланжевин. - И ты получишь нужные сведения.

- Кстати, о сведениях, - Кайова с легкостью перешел с французского на английский. - Нам всем хотелось бы узнать, что с вами в точности приключилось, месье Гласс. - При его словах даже в тусклом глазе Профессора вспыхнул интерес.

Гласс обвел взглядом сидящих за столом. - Тут не о чём говорить. Кайова переводил слова Гласса, пока тот говорил, и путешественники разразились смехом.

Кайова тоже засмеялся и сказал:- При всем к вам уважение, мон ами, ваше лицо - сама история, но нам хотелось бы услышать подробности.

Усевшись поудобней в ожидании интересного рассказа, путешественники забили свежий табачок в трубки. Кайова извлек из кармана жилетки узорную серебряную табакерку и запустил понюшку в нос.

Гласс приложил руку к горлу, всё ещё в ужасе от своего визгливого голоса.- Большой гризли напал на меня у Гранда. Капитан Генри оставил со мной Джона Фицджеральда и Джима Бриджера, чтобы те похоронили меня, когда я умру. Вместо этого они меня ограбили. Я собираюсь вернуть украденное и восстановить справедливость.

Гласс закончил. Кайова перевел. Последовало долгое молчание, полное ожидания.

Наконец. Профессор спросил со своим шотландским акцентом:
- Он что, не собирается рассказывать дальше?

- Не обижайтесь, месье, - произнес Туссен Шарбоно, - но рассказчик из вас никудышный.

Гласс бросил на него взгляд, но не сказал ни слова.

Заговорил Кайова.- Это твоё дело, можешь не рассказывать о подробностях схватки с медведем, но я не отпущу тебя, прежде чем не расскажешь о Гранде.

Ещё в самом начале своей карьеры Кайова понял, что торговать можно не только товарами, но и информацией. Люди приходили в его торговый пост не только ради товаров, но и ради сведений. Форт Кайовы расположился у слияния Миссури с Уйат-ривер, поэтому Уайт он тоже знал, как свои пять пальцев. И реку Шайен на севере. Он выудил всевозможные сведения о реке Гранд из бесконечного числа индейцев, но детали оставались неясными.

Кайова что-то сказал на сиу своей жене, и та принесла замусоленную книгу, к которой она прикасались, словно та была семейной Библией. На истрепанной обложке виднелась длинная надпись. Кайова поправил очки и громко прочитал заголовок:-

История экспедиции...

- ...под командованием капитанов Льюиса и Кларка, - закончил Гласс.

Кайова взволновано на него посмотрел.- Прекрасно! Наш раненый путник владеет грамотой.

Гласс тоже был взволнован, во время разговора позабыв на время о боли.- Под редакцией Пола Аллена. Напечатано в Филадельфии, 1814 год.

- Тогда вам, наверное, знакома карта капитана Кларка?

Гласс кивнул. Он прекрасно помнил накал страстей, предшествовавший долгожданной публикации мемуаров и карты. Как и все карты своего детства, Гласс впервые увидел "Историю экспедиции" в филадельфийском отделении "Роусторна и Сыновей".

Кайова раскрыл книгу на закладке, попав на карту Кларка с заглавием "Карта путешествия Льюиса и Кларка по западной части Северной Америки от Миссисипи до Тихого океана". Готовясь к экспедиции, Кларк усиленно обучался картографии и умел обращаться с соответствующими инструментам. Его карта была чудом того времени, превосходя по точности и детальности любую карту, изданную раньше. Карта в точности отображала все главные притоки Миссури от Сент-Луиса до Три-Форкс.

Несмотря на то, что карта весьма точно изображала притоки Миссури, подробности обычно заканчивались возле места слияния рек. Об истоках и руслах этих ручьев почти ничего не было известно. Тут было несколько исключений. К 1814 году карта включала в себя открытия в бассейне Йеллоустоуна, сделанные Друяром и Колтером. Она изображала также путешествие Зебулона Пайка [\[36\]](#) по Южным Скалистым горам. Кайова пририсовал Платт, включая грубый набросок её южных и северных рукавов. А на Йеллоустоуне был изображен заброшенный форт Мануэля Лайзы возле устья Бигхорна.

Гласс жадно изучал документ. Его интересовала не сама карта Кларка. Он изучил её во время долгих часов в "Роусторне и Сыновьях" и последующих занятиях в Сент-Луисе. Гласса

интересовали детали, добавленные Кайовой. Набросанные карандашом ориентиры, накопленные знания не одного десятилетия.

Большую часть карты занимали реки, а их названия рассказывали историю этого места. Некоторые увековечивали сражения: ручей Войны, ручей Копье, Медвежий ручей. Другие описывали местную флору и фауну - ручей Антилопа, Бобровый ручей, Сосновый ручей, ручей Роз. Были и те, что описывали свойства реки - ручей Глубокий, ручей Стремительный, Платье или Плоские Воды, Серный Ручей, Сладкие Воды. Немногие таили в себе мистические названия - Целебный ручей, ручей Замок и Кейя Паха или Черепаший ручей.

Кайова засыпал Гласса вопросами. Сколько дней они шли вверх по Гранду, пока не наткнулись на верхний рукав? Сколько ручьев втекает в реку? Какие ориентиры отмечают путь? Видел ли он бобров или другую дичь? Есть ли леса? Далеко ли от холмов Близнецов? Видел ли он индейцев? Какие племена? Остро отточенным карандашом Кайова добавлял новые детали.

Гласс тоже извлек много ценного. Хотя в уме у него и отпечаталась грубая карта местности, мелкие детали приобрели новое значение, пока он обдумывал одиночное путешествие. Сколько миль отделяло манданов от Форт-Юниона? Каковы главные притоки за землями манданов и сколько миль отделяет их друг от друга? Каков рельеф местности? Когда замерзает Миссури? Где он сможет выиграть время, срезав повороты реки? Гласс скопировал важные части карты Кларка на будущее. Он сосредоточил свое внимание на полоске между деревнями манданов и Форт-Юнионом, отметив и Йеллоустоун, и Миссури на несколько сотен миль выше по течению от Форт-Юниона.

Остальные медленно разбрелись из-за стола, пока при тусклом свете лампы, отбрасывавшей тени на бревенчатые стены, Кайова с Глассом продолжали ночной разговор. Истосковавшись по возможности вести интеллигентную беседу, Кайова не отпускал Гласса. Кайову удивил рассказ Гласса о путешествии от Мексиканского залива до Сент-Луиса. Он принес чистую бумагу и

заставил Гласса набросать приблизительную карту Техаса и канзасских равнин.

- Человек вроде вас будет полезен моему торговому посту. Путешественники жаждут тех сведений, которыми вы обладаете.

Гласс покачал головой.

- Так и есть, друг мой. Почему бы вам не остаться здесь на зиму? Я предложу вам работу. - Кайова с удовольствием заплатил бы только за его общество.

Гласс вновь покачал головой, на этот раз тверже.- Меня ждут собственные дела.

- Но разве это не бессмысленное предприятие? Для человека ваших способностей? Болтаться по Луизиане в преддверии зимы. Отправляйтесь за своими предателями весной, если это всё ещё входит в ваши намерения.

Задумчивость прежней беседы как ветром сдуло, словно дверь в помещение распахнулась морозным зимним днем. Глаза Гласса вспыхнули, и Кайова мгновенно пожалел о сказанном.

- В своих делах я не нуждаюсь в ваших советах.- Нет, месье. Я не то имел в виду.

До рассвета оставалось чуть меньше двух часов, когда усталый Гласс поднялся по лестнице на чердак. Но мысли о предстоящем отплытии сделали его сон беспокойным.

Гласс проснулся от жуткой смеси выкрикиваемых проклятий. Какой-то мужчина орал по-французски. Гласс не разбирал отдельные слова, но общий смысл был понятен.

Сквернословом оказался Девственник Каттуар, которого бесцеремонно выдернул из глубин пьяного сна Доминик, его брат. Устав от выходок своего братца и не сумев пробудить того привычным пинком в ребра, Доминик прибег к другому способу. Он помочился ему на лицо. Именно этот бесцеремонный поступок и вызвал гнев Луи, а также разъярил скво, с которой он спал. Её вигвам видел множество непристойностей. Некоторые из них скво даже поощряла сама. Но моча Доминика запачкала её лучшее одеяло, и это привело её в ярость. Она вопила с пронзительным хрипом обиженной

сороки.

Когда Гласс вышел из сруба, крики перешли в кулачную потасовку. Девственник стоял перед братом, как древнегреческий борец, с обмотанной вокруг бедер полоской ткани. Девственник имел перед братом преимущество в росте, но против него были три дня беспробудного пьянства, не говоря уже о внезапном и мерзком пробуждении. Его взор еще не прояснился, и стоял он, пошатываясь, но даже эти недостатки не умили его пыла. Доминик, знакомый с борцовскими приемами брата, стоял не шелохнувшись в ожидании неизбежного нападения. Луи с утробным криком пригнул голову и метнулся вперед.

Он вложил всю силу в боковой замах, нацеленный брату в голову. Попади он в цель, то вогнал бы нос Доминика прямоком в мозг. Но Доминик легко отскочил в сторону.

Промахнувшись, Девственник потерял равновесие. Доминик подсёк его, сбив с ног. Луи хлопнулся на спину, задыхаясь. На мгновение он жалобно скорчился, жадно глотая воздух. Но восстановив дыхание, он вновь принялся браниться и поднялся на ноги. Доминик с силой ударил его в солнечное сплетение, заставив вновь жадно глотать воздух.

- Я ведь велел тебе подготовиться, жалкий ты тупица. Мы отплываем через полчаса. Вдобавок к словам Доминик врезал Луи по физиономии, разбив тому губы.

Драка закончилась, и зеваки принялись разбредаться. Гласс пошел к реке. У пристани покачивалась лодка Ланжевина. Плавное течение Миссури натянуло канаты. Батард не превышал обычных размеров грузовых каноэ вояжеров. Он был меньше монреальских каноэ [\[37\]](#), но все же внушительных размеров, достигая почти тридцати футов в длину.

При продвижении вниз по течению, когда Миссури им помогала, Ланжевин и Профессор могли в одиночку управиться с батардом, нагруженным кипами мехов, выменянных у манданов. При полной нагрузке понадобится десять человек, чтобы грести против течения.

Груз Ланжевина легок - немного подарков для манданов и арикара. Но с четырьмя гребцами им будет плыть сложно.

Туссен Шарбоно сидел на бочонке возле пристани, вяло жуя яблоко, пока Профессор загружал каноэ под присмотром Ланжевина. Чтобы равномерно распределить груз, они положили на дно каноэ две доски, тянувшиеся от носа до кормы. На эти доски профессор укладывал груз в четыре плотных брикета.

Профессор не говорил по-французски (временами казалось, что шотландец и английского не знает). Недостаток понимания Ланжевин возмещал громким голосом. Но громкая речь ничем не помогала Профессору, а вот непрерывные жесты Ланжевина давали массу подсказок.

Слепой глаз Профессора придавал ему угрюмое выражение. Он потерял его в монреальском салуне, когда известный задира Устрица Джо чуть ли не вырвал ему глаз. Профессору удалось вставить глаз обратно, но он больше не видел. Немигающий глаз был вставлен слегка под углом, словно высматривал неожиданное нападение сбоку. Профессор так и не додумался сделать повязку.

Их отплытие прошло безо всяких церемоний. Доминик и Девственник пришли на пристань, каждый с винтовкой и небольшим ранцем. Девственник щурился от отблесков утреннего света на реке. В его длинных волосах засохла грязь, а кровь из разбитых губ размазалась по подбородку и рубашке. Но несмотря на это, он проворно уселся на место бокового гребца на носу батарда, а его глаза блеснули, но не от солнечного света. Доминик занял место рулевого на корме. Девственник что-то произнес, и оба брата рассмеялись.

Ланжевин и Профессор парно уселись в середине широкого каноэ, взяв по веслу с каждой стороны. Один из брикетов с грузом находился перед ними, второй - за спиной. Шарбонно и Гласс устроились подле товаров. Шарбонно ближе к носу, Гласс - к корме.

Четверо вояжеров взялись за весла, приведя лодку носом к быстрому течению. Они принялись грести, и батард двинулся вверх по течению.

Девственник затянул песню, и за ним её подхватили остальные.

Крестьянин любит свою телегу

Охотник любит гончую и ружье

Музыкант любит свою песню

А я в каноэ влюблен.

- Доброго пути, друзья мои, - прокричал Кайова. - Не задерживайтесь у манданов!

Гласс обернулся и посмотрел на него. Мгновение он смотрел на Кайову Бразо, который стоял и размахивал руками с пристани у маленького форта. Затем Гласс повернул голову обратно и больше не оборачивался.

Стояло 11 октября 1823-го года. Уже месяц Гласс все дальше отклонялся от своей цели. Стратегическое отступление все равно останется отступлением. С этого дня Гласс решил больше не отступать.

Часть вторая

Глава шестнадцатая

29 ноября 1823 года

Четыре весла размеренно вспенивали воду. Тонкие лопасти разрезали поверхность, уходя на глубину в восемнадцать дюймов, а потом вновь поднимались. С каждым гребком батард делал рывок вперед, сражаясь с сильным течением. В конце гребка весла выскакивали из воды. На мгновение казалось, что река сведет на нет их усилия, но прежде чем она успевала снести лодку назад, вёсла вновь погружались в воду.

Когда на рассвете они отплыли, воду покрывала тонкая пленка льда. Теперь, несколько часов спустя, Гласс улегся спиной на банку, довольно греясь в лучах утреннего солнца и наслаждаясь радостным и навевающим воспоминания плаванием на лодке.

В первый же день после отплытия из Форта Бразо Гласс попытался ворочать весло. В конце концов, он был прирожденным моряком. Вояжеры рассмеялись, когда полный решимости Хью взял в руки весло. Его заблуждение мгновенно развеялось. Вояжеры гребли с изумительной частотой в шестьдесят гребков в минуту, без заминки, как швейцарские часы. Гласс не смог бы за ними угнаться, даже будь его плечо здорово. Он вспенивал воды несколько минут, пока его затылка не коснулось что-то мягкое и влажное. Обернувшись, он увидел Доминика с издевательской усмешкой на лице. - Для вас, мистер Пожиратель Солонины! ^[38] "*Для ваас миистер пожиратеель солониины*". Теперь до самого конца путешествия Гласс ворочал не веслом, а огромной губкой, постоянно выкачивая воду, которая собиралась на дне каноэ.

Работать пришлось не покладая рук, потому что батард

постоянно протекал. Каное напоминало Глассу плавучее лоскутное одеяло. Куски бересты скреплялись нитками из соснового корня. Швы были замазаны сосновой смолой, которую наносили каждый раз, когда возникала новая течь. Поскольку бересту становилось добывать всё трудней, вояжеры вынужденно прибегали к другим материалам для заплат. В нескольких местах наложили кожу, подшив и обмазав смолой. Гласса удивляла хрупкость лодки. Хороший удар мог с легкостью пробить обшивку, и одной из главных задач Девственника, как рулевого, было избегать смертельных для лодки плавучих деревьев. Мягкая осенняя погода пока играла им на руку. Весенние паводки могли принести вниз по течению целые деревья.

Но в недостатках батарда таилось и его преимущество. Лодка была хрупкой, но вместе с тем легкой, что играло важную роль при плавании против течения. Гласс быстро понял странную привязанность вояжеров к своей лодке. В некотором роде это было супружеским браком, союзом между людьми, которые вели батард, и лодкой, которая вела людей. Каждый зависел от другого. Вояжеры проводили половину времени, горько сетуя на многочисленные пробоины в лодке, а вторую половину - старательно их латая.

Особенно они гордились внешним видом батарда, который украсили пышным плюмажем и яркой краской. На носу они нарисовали оленью голову, чьи рога дерзко были выставлены в сторону воды. (На корме Девственник намалевал зад животного).

- Впереди неплохое место для остановки, - раздался с носа голос Девственника.

Ланжевин посмотрел вверх по реке, где спокойное течение мягко омывало песчаный берег, а потом вверх, определяя положение солнца.- Ладно, одну трубку прошли. Перекур.

Култ трубки так почитался в культуре вояжеров, что они отмеряли ею пройденное расстояние. Трубкой называли расстояние между короткими остановками на перекур. При плавании вниз по течению трубка могла составлять десять миль; на озере - пять миль; но в трудном плавании вверх по Миссури, они радовались и двум.

Дни быстро стали однообразными. Они завтракали при

пурпурном свете еще до зари, подкрепляясь остатками дичи и поджаренным тестом, и разгоняли утреннюю сырость жестяной кружкой обжигающего чая. Как только рассветало, они спускались на воду, отчаянно стараясь выжать как можно больше из каждого часа продвижения.

В день они делали шесть перекуров. В полдень останавливались поесть вяленого мяса и сушеных яблок, но до ужина не разводили костра. С закатом причаливали к берегу после дюжины часов на воде. У Гласса обычно оставался в запасе час убывающего света на добычу дичи. Остальные сидели в ожидании выстрела, возвещавшего об успехе. Гласс редко возвращался с пустыми руками.

Возле берега Девственник спрыгнул в воду по колено, стараясь не проскрежетать хрупким дном каноэ по песку. Он побрел к берегу, прикрепив канат к большому плавнику. Следующими спрыгнули Профессор, Ланжевин и Доминик, держа в руках винтовки, и принялись осматривать линию деревьев. Днём ранее Гласс обнаружил заброшенный лагерь, в котором остались кольца от сложенных камней десяти вигвамов. Они не знали, принадлежали ли вигвамы Языку Лося, но находка заставила насторожиться.

Путешественники достали трубки и табак из кисетов у пояса, прикурив от небольшого огонька, разведённого Домиником. Оба брата плюхнулись на песок. Как кормчему и рулевому, Доминику с Девственником приходилось грести стоя. Поэтому курили оба сидя. Остальные стояли, радуясь возможности поразмяться.

Холодная погода проникала в раны Гласса, подобно грозе, просачивающейся по горным долинам. Каждое утро он просыпался с затёкшим и разболевшимся телом. Ухудшала его состояние и скрюченная поза в батарде. Гласс воспользовался передышкой и прошёлся по песчаному берегу, восстанавливая кровообращение в ноющих конечностях.

Он вернулся к своим спутникам и присмотрелся к ним. Вояжеры были одеты одинаково, словно им выдали униформу. На голове они носили красные шерстяные шапочки с отворотами для ушей и кисточкой на макушке. Девственник украсил свою шапку пышным

страусиным пером. Вместо рубашек они надевали длинные хлопчатобумажные блузы белого, красного и лазурного цветов, подобранные у пояса. Пояс каждого украшала пестрый кушак, концы которого свисали вниз. Поверх кушака болтался кисет, в котором хранились трубка и другие мелкие принадлежности. Также они носили брюки из оленьей кожи, достаточно мягкие, чтобы удобно поджимать ноги в каноэ. Одно колено они обвязывали пёстрыми платками, придававшими живописный вид. И довершали наряд мокасины на голую ногу.

Все за исключением Шарбонно, который хмурился, словно январский дождь, встречали каждый рассвет полными оптимизма и смеялись при каждом удобном случае. Они не выносили тишины и наполняли каждый день нескончаемой и оживлённой беседой о женщинах, реке и диких индейцах. Не церемонясь, обменивались оскорблениями. Более того, упустить возможность пошутить считалось у них малодушием, слабостью. Гласс пожалел, что не разбирал французского, чтобы отвлечься насмешливой беседой, которая так их забавляла.

В редкие мгновения, когда беседа прерывалась, кто-то затягивал непристойную песенку, приглашая других присоединиться. Отсутствие слуха они компенсировали усердием. В целом, подумалось Глассу, неплохой образ жизни.

Но во время этого перекура Ланжевин прервал их короткий отдых серьёзными словами:- Надо начать ставить по ночам часовых, - произнес он. - Два человека посменно каждую ночь.

Шарбонно пустил длинную струю дыма.- Я ведь сказал тебе в Форте Бразо - я переводчик. Не буду я стоять на часах.

- Что ж, пока он спит, я тоже не собираюсь тянуть лишний дозор, - отрезал Девственник.

- Я тоже, - заявил Доминик.

Даже Профессор смешался.

Все выжидающе смотрели на Ланжевина, но тот не стал портить удовольствие от курения спором. Когда он закончил, то просто встал и сказал:- Пошевеливайтесь. Мы попусту тратим дневные часы.

Через пять дней они доплыли до места слияния реки с небольшим ручьём. Кристально чистая вода быстро теряла цвет, когда вливалась в мутные воды Миссури. Ланжевин смотрел на ручей, гадая, как поступить.

- Давай сделаем привал, Ланжевин, - произнес Шарбонно. - Я устал грязь хлебать.

- Ненавижу с ним соглашаться, - сказал Девственник, - но Шарбонно прав. От этой дрянной воды у меня понос.

Ланжевина тоже прельщала возможность выпить чистой воды. Но его беспокоило местоположение ручья. Он находился на западном берегу Миссури. По его подсчётам, племя Языка Лося находилось к западу от реки. После того, как Гласс обнаружил брошенный индейский лагерь, делегация старательно придерживалась восточного берега, особенно при выборе места для ночлега. Ланжевин посмотрел на запад, где горизонт поглощал алый венец солнца, потом на восток, но до следующего изгиба реки не было видно ни единого места для высадки. - Ладно. Большого выбора у нас нет.

Они направились к берегу. Профессор с Девственником выгрузили тюки, и вояжеры повели пустое каноэ к берегу. Там они перевернули лодку на бок, сделав укрытие со стороны реки.

Гласс побрел к берегу, нервно осматривая прибрежную местность. Песчаная отмель тянулась на сто ярдов вниз по течению, заканчиваясь искусственным молом - насыпью из валунов, заросшей густыми ивами и кустарником. За молом застряли плавник и корни, преградив путь течению и заставив его свернуть от пологого берега. За песчаной косой ивняк переходил в полосу тополей, которая редела к северу.

- Я проголодался, - произнес Шарбонно. - Добудьте нам хороший ужин, мистер охотник. - *"Добудьте нам дообрый ужин, мистер охотниииик"*.

- Сегодня никакой охоты, - отрезал Гласс. Шарбонно принялся было возражать, но Гласс резко его оборвал. - У нас достаточно вяленого мяса. Одну ночь как-нибудь обойдетесь без свежего мяса, Шарбонно.

- Он прав, - согласился Ланжевин.

Так что они довольствовались вяленным мясом и кукурузными лепешками, поджаренными в сковороде над низким огнем. Все прижались поближе к костру. Вместе с закатом исчез пронизывающий ветер, но от дыхания исходил пар. Ясное небо предвещало холодную ночь и сильный мороз поутру.

Ланжевин, Доминик и Девственник раскурили глиняные трубки и с наслаждением дымили. После нападения медведя Гласс не курил: дым обжигал ему горло. Профессор соскребал остатки кукурузной муки со сковородки. Шарбонно полчаса тому назад отошел от лагеря.

Доминик что-то тихонько напевал себе под нос, словно грезил наяву:

Я ощипала этот нежный бутон

Я ощипала этот нежный бутон

Срывала лепесток за лепестком

Наполнив передник их запахом

- Отрадно, что ты еще не разучился петь о розах, братец, - заметил Девственник. - Бьюсь о заклад, что уже год, как ты не щипал розанчики. Это тебя им следует называть Девственником.

- Лучше страдать от жажды, чем пить из наполненных лихорадкой омутов Миссури.

- Ну что за чистоплюй. Какой ты у нас разборчивый.

- Не вижу нужды извиняться за свое чистоплюйство. В отличие от тебя, мне нравятся женщины с зубами.

- Я не прошу их жевать мою пищу.

- Да ты бы и со свиньей лег, носи она ситцевое платье.

- Что ж, пожалуй, это делает тебя гордостью семьи Каттуаров. Уверен, маман будет рада, узнав, что ты спишь только с первосортными шлюхами из Сент-Луиса.

- Маман не обрадуется, а вот папа - возможно, - оба громко рассмеялись и набожно перекрестились.

- Не гогочите, - прошипел Ланжевин. - Знаете же, как на воде разносятся голоса.

- Ты что такой сердитый сегодня, Ланжевин? - спросил

Девственник. - С нас и Шарбонно хватит. Да я на похоронах получше веселился.

- Будут тебе похороны, если не заткнетесь.

Девственник отказался спорить с Ланжевином, чтобы не портить веселой беседы.- Знаешь, там у скво в форте Кайовы три соска.

- Ну и чего хорошего в трех сосках? - удивился Доминик.

- Тебе просто воображения не хватает.

- Воображения, да? Если бы у тебя было поменьше этого воображения, то не кривился бы так, когда отливаешь.

Девственник обдумывал ответ, но, по правде говоря, устал беседовать с братом. Ланжевин явно не был настроен разговаривать. Шарбонно ушел в лес. Он посмотрел на Профессора, с которым на его памяти никто не общался.

Наконец Девственник остановил взгляд на Глассе. Внезапно ему пришло в голову, что никто так и не заговаривал с Глассом после отъезда из Форта Бразо. Да, они иногда перекидывались парой слов, касающихся в основном удачной охоты Гласса. Но ни одной стоящей беседы, обстоятельного неспешного разговора, которым так наслаждался Луи.

Девственник неожиданно почувствовал себя виноватым из-за отсутствия хороших манер. Он почти ничего не знал о Глассе помимо того, что тот лишь недавно оправился от схватки с медведем. А что важней, подумалось Девственнику, Гласс ничего не знал о нем, а ему наверняка хочется знать больше. Кроме того, это неплохая возможность попрактиковаться в английском, ведь Девственник считал себя знатоком этого языка.

- Эй, свиноед. Когда Гласс оглянулся, он спросил:- Ты откуда?

Вопрос и неожиданное использование английского застали Гласса врасплох. Он откашлялся.- Из Филадельфии.

Девственник кивнул, ожидая встречного вопроса. Но его не последовало.

Наконец, Девственник не выдержал.- Мы с братом из Контрекура.

Гласс молча кивнул. Похоже, из этого американца придется вытягивать слова, решил Девственник.

- Ты знаешь, откуда пошло ремесло вояжеров? *"Ты знаешь, откуда пошлооо ремеслооо вояжерооов"*?

Гласс отрицательно покачал головой. Доминик закатил глаза, поняв, что брат заведёт сейчас одну из своих утомительных историй.

- Контрекур стоит на великой реке Святого Лаврентия. Когда-то, давным давно, все жители нашей деревни были бедными фермерами. День деньской работали в полях, но почва была плохой, а погода - холодной, и им не удавалось собрать приличный урожай.

Однажды прекрасная дева Изабель работала в поле неподалеку от реки. Неожиданно из воды вышел жеребец - большой, сильный и черный, как уголь. Он стоял в реке, не сводя глаз с девушки. А она сильно перепугалась. Жеребец понял, что она собирается убежать, и ударил копытами по воде, и из воды к ногам девушки вылетела форель. Рыба упала в грязь у ног Изабель и... - тут Девственник не смог вспомнить нужное слово на английском и забарабанил руками по земле.

- Изабель заметила этот небольшой подарок и обрадовалась. Она подобрала рыбу и понесла её семье на ужин. Отцу и братьям она рассказала об этой лошади, но те решили, что она пошутила. Они рассмеялись и попросили её взять побольше рыбы у нового друга.

Изабель вернулась на поле и каждый день вновь встречала черного жеребца. С каждым днем он подходил всё и ближе и дарил ей подарки. Один раз - яблоко, на другой день - цветы. Каждый день Изабель рассказывала домашним о странной лошади, которая выходит из воды. И каждый день они смеялись над её рассказом.

Наконец настал день, когда жеребец подошел к Изабель. Она взобралась ему на спину, и жеребец поскакал в реку. Они исчезли в водах реки, и с того дня их больше никто не видел.

Огонь отбрасывал яркие тени на лицо Девственник, пока тот рассказывал. А журчащее течение реки одобрительно плескалось.

- В ту ночь, когда Изабель не вернулась, отец и братья отправились в поле на её поиски. Они нашли следы Изабель и

жеребца. Увидели, что Изабель оседлала лошадь, и та кинулась в реку. Они обыскали всю реку, но не смогли найти девушку.

На следующий день все мужчины в деревне взяли каноэ и присоединились к поискам. Они дали клятву, что не вернутся к своим фермам и останутся на реке, пока не найдут бедняжку Изабель. Но они так её и не нашли. И вот, как видите, месье Гласс, с того самого дня мы стали вояжерами. По сей день мы продолжаем искать бедняжку Изабель.

- Где Шарбоно? - спросил Ланжевин.

- Где Шарбонно! - передразнил его Девственник. - Я тебе рассказываю историю о потерянной красавице, а ты тут думаешь о потерявшемся старике?

Ланжевин промолчал.- He's malade comme un bien, [\[39\]](#) - улыбнулся Девственник. - Я окликну его, проверю, живой ли, - он сложил руки рупором у рта и прокричал в сторону ивняка: - Не волнуйся, Шарбонно, мы пришлём к тебе Профессора помочь подтереть задницу!

Туссен Шарбонно сидел на корточках, спрятав голый зад в кустах. Он уже долго находился в таком положении. По правде говоря, достаточно долго, поскольку бедро свело судорогой. Эти проблемы начались у него еще в Форте Бразо. Несомненно, он отравился дрянной едой Кайовы. Он расслышал насмешки Девственника и начинал уже ненавидеть этого ублюдка. Внезапно треснула ветка.

Шарбонно резко вскочил. Одной рукой он потянулся к пистолету, а другой цеплялся за кожаные штаны. Но ни одна рука не справилась с заданием. Пистолет выскользнул, а штаны сползли. Когда он потянулся за пистолетом, то запутался в штанине.

Шарбонно растянулся на земле, оцарапав колено о большой камень. Он застонал от боли и уголком глаза заметил пробирающегося по лесу большого лося.- Вот дерьмо! - Шарбонно вернулся к прерванному занятию, теперь уже морщась от острой боли в ноге.

В лагерь Шарбонно вернулся злой, как чёрт. Он посмотрел на Профессора, который сидел, прислонившись к большому бревну. У здоровяка шотландца на лице образовалась борода из кукурузной муки.

- Он ест просто отвратительно, - произнёс Шарбонно.

Девственник оторвался от трубки.- Ну не знаю, Шарбонно. Когда на кашу на его лице падает свет, то борода напоминает Северное Сияние. Ланжевин с Домиником рассмеялись, чем ещё пуще разозлили Шарбонно. Профессор продолжил жевать, не замечая шуточек в свой адрес.

Шарбонно вновь заговорил на французском.- Эй ты, тупой шотландский ублюдок, ты вообще понимаешь, что я тебе говорю? Профессор продолжил жевать свою кашу так же безмятежно, как корова жвачку.

Шарбонно тонко улыбнулся. Он не упускал случая блеснуть столь грубой язвительностью.- Кстати, где он потерял свой глаз?

Но никто не стремился завязать беседу с Шарбонно. Наконец, отозвался Ланжевин.- Выбили в драке в Монреале.

- Выглядит, как око ада. Мне не по себе, когда эта штуковина целый день меня разглядывает.

- Слепой глаз не может смотреть, - возразил Девственник. Ему стал нравиться Профессор, или, скорее, умение шотландца обращаться с веслом. Впрочем, что бы он ни думал о Профессоре, Шарбонно ему точно не нравился. Ворчливые замечания старика приелись уже к первому повороту реки.

- А этот смотрит, - настаивал Шарбонно. - Всегда выглядит так, словно из-за угла подглядывает. И никогда не моргает. Я не понимаю, как эта чертовщина не высохнет.

- Да пусть даже видит, в тебе все равно нечего рассматривать, Шарбонно, - произнес Девственник.

- Он хотя бы повязку на глаз сделал. Меня так и подмывает её нацепить.

- Ну и чего же ты ждешь? Будь добр, сделай это.

- Я к вам в слуги не нанимался, - прошипел Шарбонно. - Ты еще

обрадуешься, что я рядом, когда арикара придут за твоим шелудивым скальпом! - переводчик пришел в неистовство, в уголке его рта пузырилась слюна. - Да я новые земли открывал с Льюисом и Кларком, пока ты ещё пешком под стол ходил.

- Иисусе, старик! Если услышу ещё одну из твоих чертовых историй про Льюиса и Кларка, то клянусь, пушу себе пулю в лоб, или ещё лучше, тебе в лоб! Все мне спасибо скажут.

- Хватит! - наконец вмешался Ланжевин. - Достаточно! Я бы и сам вас пристрелил, если бы в вас не нуждался!

Шарбонно торжествующе ухмыльнулся.

- А теперь послушай меня, Шарбонно, - продолжил Ланжевин. - Среди нас нет особенных. Нас слишком мало. Поэтому ты тоже будешь делать свою долю грязной работы, как и все остальные. И можешь начать сегодня, со второго дозора.

Настал черед Девственнику ухмыляться. Шарбонно побрёл прочь от костра, что-то бормоча о левизии [\[40\]](#) пока укладывался в постель под батардом.

- Кто сказал, что ему сегодня достанется батард? - посетовал Девственник. Ланжевин что-то собирался сказать, но Доминик его опередил. - Оставь его в покое.

Глава семнадцатая

5 декабря 1823 года

На следующее утро Профессора разбудили две неотложные проблемы - он замёрз и ему нужно было отлить. Его толстое шерстяное одеяло не покрывало лодыжек, даже когда он свертывался калачиком и лежал на боку. Он поднял голову, чтобы осмотреться здоровым глазом и заметил, что за ночь одеяло покрылось изморосью.

На восточном горизонте проклевывались первые признаки нового дня, но на небе по-прежнему ярко светилась ущербная луна. Все, кроме Шарбонно, спали, улегшись возле догорающего костра, как лучи звезды. Профессор медленно поднялся, от холода ноги у него заоченели. По-крайней мере, ветер унялся. Он подбросил полено в огонь и побрел к ивняку, прошел с дюжину шагов и вдруг едва не споткнулся о чье-то тело. Это был Шарбонно.

Сперва Профессор решил, что Шарбонно мертв, убит на посту. Он принялся звать на помощь, и тут Шарбонно вскочил, схватил винтовку и бешено завращал глазами, не понимая, где он. *Заснул на посту*, подумал Профессор. *Ланжевину это не понравится*. Но тут Профессора прижало, и он поспешил мимо Шарбонно к ивняку.

Что произошло потом, Профессор так толком и не понял, как и многие события, с которыми сталкивался ежедневно. Он почувствовал нечто странное, и глянув вниз, обнаружил торчащую из живота стрелу. На мгновение он подумал, не сыграл ли с ним шутку Девственник. Но тут появилась вторая стрела, а за ней третья. Профессор потрясённо смотрел на оперение длинных стрел. Внезапно ноги у него отнялись, и он завалился на спину. Профессор

услышал стук, с которым его тело рухнуло на подмороженную землю. За мгновение перед смертью его по-прежнему мучил вопрос - *отчего он не чувствует боли?*

Шарбонно обернулся на звук падения Профессора. Огромный шотландец лежал на спине с тремя стрелами в груди. Шарбонно услышал свист и жгучую боль, когда стрела оцарапала ему плечо. - Дерьмо! - он интуитивно бросился на землю, высматривая в темном ивняке стрелка. Это движение спасло ему жизнь. В сорока ярдах в предрассветном полумраке сверкнула вспышка выстрела.

Выстрелы тут же выдали местоположение нападавших. Шарбонно прикинул, что там по-крайней мере восемь ружей и индейские лучники в придачу. Он взвел винтовку, прицелился по ближайшей мишени и выстрелил. Темный силуэт рухнул. Из ивняка опять полетели стрелы. Шарбонно повернулся и побежал к лагерю, находящемуся в двадцати ярдах позади.

Брань Шарбонно подняла на ноги весь лагерь. Добавил хаосу и залп арикара. Пули и стрелы железным градом сыпались на полусонных людей. Ланжевин вскрикнул, когда пуля чиркнула по его ребру. Доминику пуля прошила голень. Гласс вовремя открыл глаза, заметив, как стрела вонзилась в песок в пяти дюймах от его головы.

Вояжеры ползли к укрытию хрупкого каноэ, когда из ивняка выскочили два арикара. Они побежали к лагерю; воздух прорезали их пронзительные боевые выкрики. Гласс и Девственник остановились, чтобы прицелиться. Оба выстрелили почти одновременно с расстояния не более чем в двенадцать ярдов. Времени обдумать или согласовать действия у них не было, поэтому оба избрали одну и ту же цель - здорового арикара с головным убором из рогов бизона. Он повалился, когда оба выстрела пронзили его грудь. Другой индеец ринулся на Девственника, занеся над головой вояжера томагавк. Луи, схватив винтовку обеими руками, поднял ее над головой.

Топор индейца зацепился за ствол винтовки француза, и от удара оба повалились на землю. Арикара первым вскочил на ноги. Стоя спиной к Глассу, он занес томагавк, чтобы еще раз ударить Девственника. Сжав винтовку обеими руками, Гласс стукнул индейца

прикладом по голове.

Когда металлическая пятка приклада попала в цель, он почувствовал мерзкий хруст костей. Оглушенный индеец упал на колени перед французом, который успел подняться на ноги. Девственник махнул винтовкой, как палицей, изо всей силы саданув индейца в висок. Индеец отлетел в сторону, и Гласс с Девственником укрылись за каноэ.

Доминик приподнялся и выстрелил в ивняк. Ланжевин протянул Глассу свою винтовку, другой рукой зажимая рану в боку. - Стреляй, я буду перезаряжать.

Гласс вскинул винтовку, прицелился и хладнокровно поразил цель. - Рана тяжелая? - спросил он Ланжевина.

- Нет вроде. Где Профессор?

- Лежит мертвый у ивняка, - спокойно произнес Шарбонно и приподнялся для выстрела.

Пока они жались за каноэ, из ивняка продолжали сыпаться пули. Треск винтовок смешивался со свистом пуль и стрел, прошивающих кожу каноэ.

- Сукин ты сын, Шарбонно! - закричал Девственник. - Заснул на посту, да? Шарбонно не обращал на него внимания, сосредоточенно засыпая порох в ствол винтовки.

- Теперь это неважно! - произнес Доминик. - Спустим чертово каноэ на воду и уберемся отсюда!

- Слушайте меня! - сказал Ланжевин. - Девственник, Шарбонно, Доминик - вы трое снесете каноэ к воде. Сперва дайте залп, перезарядите и отнесите его вон туда, - он указал на песок между собой и Глассом. - Мы с Глассом прикроем вас и тоже отойдем к каноэ. Прикройте нас из лодки пистолетами.

Гласс разобрал большую часть сказанного Ланжевином и окинул взглядом напряженные лица. Ничего лучшего никто не придумал. Они должны убраться с берега. Девственник высунулся из-за края каноэ и выстрелил. Его примеру последовали Доминик с Шарбонно. Пока остальные перезаряжали, выстрелил Гласс. Выглядывая из-за каноэ, они вызывали интенсивную пальбу арикара. На берестяном

покрытии каноэ всё увеличивалось число пулевых отверстий, но вояжерам пока что удавалось сдержать арикара.

Доминик подкинул два весла к куче винтовок.- Не забудь их прихватить!

Девственник бросил винтовку на песок между Глассом и Ланжевином и, приготовившись, встал у средней банки батарда.- Давай! Шарбонно поднырнул под нос каноэ, Доминик под корму.

- По моей команде! - прокричал Ланжевин. - Раз, два, три! Они рывком подняли батард над головой и понесли его к воде в десяти ярдах от них. Раздались возбужденные выкрики, и стрельба вновь участилась. Воины арикара появились из-за укрытий.

Гласс и Доминик прицелились. Когда каноэ унесли, они могли лишь припасть к земле. Они находились в пятидесяти ярдах от ивняка. Гласс ясно видел мальчишеское лицо арикара, который, поморщившись, натянул короткий лук. Гласс выстрелил, и мальчик завалился на спину. Гласс потянулся к винтовке Доминика. Пока он взводил ее, рядом прогремела винтовка Ланжевина. Гласс нащупал очередную цель и спустил курок. Полка вспыхнула, но заряд в стволе не воспламенился. - Вот дрянь!

Ланжевин схватил винтовку Шарбонно, пока Гласс подсыпал порох на полку винтовки Доминика. Ланжевин уже собрался стрелять, но Гласс сжал его плечо.- Прибереги выстрел! Они подобрали весла с винтовками и помчались к реке.

Впереди трое мужчин из-за каноэ преодолевали короткую полоску берега до реки. В спешке они почти бросили каноэ в воду. Вслед за каноэ в воду влетел Шарбонно и вскарабкался в него.- Ты его опрокинешь! - закричал Девственник.

Лодка угрожающе накренила под весом Шарбонно, но осталась на плаву. Он перебросил ноги через борт, растянулся на дне каноэ и принялся вычерпывать воду, просочившуюся сквозь пулевые отверстия. Из-за движений Шарбонно лодка отошла от берега. Течение ударило в корму и завертело ее, унося все дальше. Вслед за ней змеей тянулся длинный канат. Братья заметили глаза Шарбонно, выглядывающего из-за планширя. Вокруг вздымались фонтанчики

выстрелов.

- Хватай канат! - прокричал Доминик. Оба брата нырнули за канатом, отчаянно пытаясь удержать каноэ. Девственник схватил канат обеими руками, изо всех сил стараясь сохранить равновесие в доходящей ему до бедер воде. Он с силой дернул, когда канат натянулся. Доминик медленно пробирался к нему на помощь. Он сильно ударился о подводный камень и охнул от боли, течение сбило его с ног и накрыло с головой. Он вынырнул и поднялся на ноги в двух ярдах от брата.

- Я не удержу! - закричал Девственник. Доминик бросился к натянутому канату, но тут Девственник внезапно его отпустил. Доминик в ужасе смотрел, как канат змеился по воде вслед за дрейфующим батардом. Он поплыл за ним, но заметил растерянный взгляд брата.

- Доминик... - прошептал Луи, - кажется, меня подстрелили. Доминик подплыл к брату. Из раны на его спине в реку стекала кровь.

Гласс и Ланжевин добрались до реки в то же самое мгновение, когда в Девственника попала пуля. Они в ужасе смотрели, как он пошатнулся и отпустил канат. На долю секунды они подумали, что Доминик схватит канат, но тот его бросил, вернувшись к брату.

- Хватай лодку! - закричал Ланжевин. Доминик не обращал на него внимания. - Шарбонно! - в отчаянии прокричал Ланжевин. - Я не могу ее остановить! - отозвался Шарбоно. В мгновение ока лодка оказалась в пятидесяти футах от берега. Без весла Шарбонно не мог остановить каноэ. Хотя, по правде говоря, он и не собирался этого делать.

Гласс повернулся к Ланжевину. Тот собирался что-то сказать, но в этот миг пуля попала ему в затылок. Он умер еще прежде, чем тело упало в воду. Гласс оглянулся на ивняк. Оттуда на берег выскочило по меньшей мере с дюжину арикара. Сжимая в каждой руке по винтовке, Гласс врезался в воду, пробираясь к братьям. Придется плыть за лодкой. Доминик помогал Девственнику, стараясь держать голову брата над водой. Взглянув на Девственника, Гласс понял, что

тому осталось недолго. Убитый горем и охваченный паникой, Доминик бессвязно причитал по-французски.

- Плыви за лодкой! - прокричал Гласс. Он схватил Доминика за воротник и втащил его в реку, потеряв одну из винтовок. Течение подхватило всех троих и понесло вниз по реке. Пули продолжали сыпаться в воду, и обернувшись, Гласс заметил, что индейцы рассеялись вдоль берега.

Гласс пытался одной рукой удержать Девственника, а второй - оставшуюся винтовку, и лихорадочно отталкивался ногами от дна. Доминик делал то же самое, и им удалось миновать песчаную косу. Лицо Девственника уходило под воду. Гласс с Домиником изо всех сил стараясь удержать раненого на плаву. Доминик что-то прокричал, но его слова поглотила вода, когда у быстрины они окунулись в воду. Тот же порог едва не выбил из руки Гласса винтовку. Доминик устремился к берегу.

- Рано еще! - взмолился Гласс. - Ниже по течению! Доминик пропустил его слова мимо ушей. Находясь по грудь в воде он проталкивался к мелководью. Гласс оглянулся. Валуны на косе создавали внушительную преграду. Берег за ней был крутым и отвесным. Но арикара понадобится лишь несколько минут, чтобы обойти преграду.

- Мы слишком близко! - прокричал Гласс. Но Доминик не слушал. Гласс подумывал поплыть один, но вместо этого помог Доминику вытащить брата на берег. Они положили его на спину, прислонив к отвесному скату берега. Он заморгал и открыл глаза, но когда кашлянул, изо рта хлынула кровь. Гласс повернул его на бок, чтобы осмотреть рану.

Пуля вошла в спину Луи под левой лопаткой. Гласс понял, что она не могла разминуться с сердцем. Доминик молча пришел к такому же выводу. Гласс проверил винтовку. С мокрым зарядом она была бесполезна. Он бросил взгляд на пояс. Тесак оставался на месте, а вот пистолет пропал. Гласс взглянул на Доминика. Что же ты собираешься делать?

Внезапно послышался тихий звук, и повернувшись, они увидели

слабую улыбку на лице Луи. Его губы зашевелились, Доминик взял брата за руку и наклонился к нему, чтобы расслышать шепот. Но Луи пел:

Мой милый друг, вояжер...

Доминик мгновенно узнал знакомый мотив, несмотря на то, что никогда прежде тот не звучал так печально. Из глаз Доминика потекли слезы, он тихим голосом вторил брату.

Мой милый друг, вояжер

Я с радостью умру в своем каноэ

И на могиле рядом с каньоном

Ты переверни мое каноэ

Гласс посмотрел на мол в семидесяти пяти ярдах вверх по течению. Из-за валунов показались два арикара. Издав боевой клич, индейцы навели на них ружья.

Гласс положил руку на плечо Доминику. - Они идут, - произнес он, остальное за него договорили винтовки. Две пули влетели в песчаную банку.

- Доминик, мы не можем здесь оставаться.

- Я не оставлю его, - произнес Доминик со своим сильным акцентом.

- Тогда мы должны опять попытаться в реке.

- Нет. - решительно затряс головой Доминик. - Мы не сможем уплыть вместе с ним.

Гласс вновь посмотрел на косу. Арикара уже перевалили через валуны. Время на исходе!

- Доминик, - в голосе Гласса слышалась тревога. - Если мы останемся, то все умрем. Прогремели очередные выстрелы.

Одно томительное мгновение Доминик молчал и нежно гладил бледную щеку брата. Луи умиротворенно смотрел ввысь, в глазах его мерцал тусклый свет. Наконец, Доминик повернулся к Глассу.- Я его не оставлю. Индейцы дали очередной залп.

В Глассе боролись два чувства. Ему нужно было время, чтобы обдумать свои действия, чтобы оправдать их. Но времени не осталось. Сжав винтовку в руке, Гласс нырнул в реку.

Доминик слышал пронзительные вопли и почувствовал, как пуля вонзилась ему в плечо. Он вспомнил ужасные истории про зверства индейцев. Взгляд его вернулся к брату.- Я не позволю им разрезать нас на куски. Он подхватил брата под мышки и потащил к реке. Вторая пуля ударила ему в спину.- Не волнуйся, маленький брат, - прошептал он, опустившись в спасительные объятия реки. - Мы поплывем вниз по течению.

Глава восемнадцатая

6 декабря 1823 года

Голый Гласс съёжившись сидел возле небольшого костра, пытаясь прижаться к нему поближе. Чтобы согреться, он поднес руки как можно ближе к костру и держал их до последнего, а когда понимал, что вот-вот обожжется, прижимал горячую ладонь к плечам и бедрам. Тепло проникало на мгновение, но не могло изгнать холода студеных вод Миссури.

С трёх сторон костра висела его одежда на грубых козлах. Оленья кожа оставалась сырой, но Гласс с облегчением подметил, что хлопчатобумажная рубашка почти высохла.

Течение снесло его на милю вниз по реке, прежде чем он сумел выбраться из неё в заросли кустарника. Он спрятался в ежевике, под которой виднелись заячьи следы, и молился, чтобы за ними не последовали хищники. Среди дебрей ивняка и плавника, он вновь принялся за безрадостную процедуру осмотра ран и пожитков.

В сравнении с недавним прошлым, Гласс чувствовал себя лучше. Он получил несколько ссадин и синяков во время драки на берегу и сплава вниз по реке. На руке он обнаружил рану - похоже, его оцарапала пуля. Старые раны ныли от холода, но их состояние не ухудшилось. Не принимая во внимание опасность переохлаждения, весьма вероятную, ему удалось пережить нападение арикара. На мгновение перед ним встал образ Доминика с братом, сжавшихся на обрывистом берегу. Он прогнал эту мысль.

Что касается пожитков, то самой существенной потерей оказался пистолет. Винтовка намокла, но осталась вполне пригодной. У него имелись нож и ягдташ с кресалом и кремнем. Не потерялся и тесак,

которым он настрогал в глубокой яме щепок. Гласс надеялся, что порох не подмок. Он открыл крышку пороховницы, высыпал горсть на землю и поджег его от пламени костра. Порох загорелся со свойственным ему запахом тухлого яйца.

А вот ранец пропал, а вместе с ним запасная рубашка, одеяло и рукавицы. В ранце также лежала набросанная от руки карта с тщательно отмеченными притоками и ориентирами на верхней Миссури. Но потеря была небольшой, так как карту Гласс помнил наизусть. В общем и целом, Гласс чувствовал себя прекрасно экипированным.

Несмотря на то, что рубашка осталась сырой, Гласс решил её надеть. По-крайней мере, тяжесть одежды помогла изгнать холод из ноющего плеча. Весь остаток дня Гласс поддерживал огонь. Он беспокоился о дыме, но смерть от переохлаждения тревожила его сильнее. Чтобы не думать о холоде, Гласс занялся своей винтовкой, высушил её и нанес свежее масло из небольшой бутылки, лежавшей в ягдташе. К наступлению ночи его одежда и винтовка были готовы.

Он собирался выступить ночью. Где-то поблизости шатались те же самые арикара, что напали на лагерь. Он терпеть не мог сидеть на одном месте, даже если убежище было хорошо сокрыто. Но на небе не было луны, чтобы осветить дорогу вдоль изрезанного берега Миссури. Не оставалось ничего другого, как ждать утра.

Когда сгустились сумерки, Гласс снял одежду с ивового плетня и оделся. Затем он вырыл неглубокую квадратную яму возле костра. Двумя палками он поднял раскаленные камни из кольца вокруг пламени и сложил их в яму, забросав тонким слоем дёрна. Подкинув в костер столько дров, сколько осмелился, Гласс улегся поверх горячих камней. Почти просохшая одежда из оленьей кожи, камни, костер и полнейшее изнеможение помогли ему согреться настолько, чтобы усыпить усталое тело.

В течение двух дней Гласс медленно поднимался вверх по Миссури. Некоторое время его одолевала мысль, не лежит ли на нём ответственность за миссию Ланжевина с арикара. Наконец, Хью отверг эту мысль. Обязательства Гласса перед Бразо состояли в

добыче дичи, и их он исправно выполнял.

Гласс не знал, разделяют ли другие арикара намерения племени Языка Лося. Но это не имело значения. Засада подчеркнула опасность передвижения вверх по реке на лодке. Даже если он и заручится поддержкой части племен арикара, у него не было намерения возвращаться в Форт Бразо. Его дело важней.

Гласс справедливо полагал, что деревни манданов неподалеку. Несмотря на то, что манданы считались мирным племенем, его заботили последствия их нового союза с арикара. *Что если арикара находятся в лагере Манданов? В каком свете они изобразят нападение на вояжеров?* Гласс не горел желанием это узнать. Он помнил, что в десяти милях от деревни манданов вверх по Миссури находился небольшой торговый пост, Форт-Тэлбот. Он решил обойти все деревни манданов, вместо этого взяв курс на Форт-Тэлбот. Немного провизии, одеяло и пара рукавиц - всё это он мог раздобыть в форте.

Вечером второго дня после нападения Гласс решил, что ему больше не избежать риска охоты. Он проголодался, а добытую шкуру можно будет обменять. Возле реки он обнаружил свежие следы лося и пошел по ним. Миновав редколесье с тополями, Гласс вышел на большую поляну, которая на полторы мили протянулась вдоль берега реки. Посреди поляны бежал небольшой ручеёк. Возле ручья паслись лоси: большой самец с двумя лосихами и тремя упитанными малышами. Гласс медленно крался по долине. Он уже почти подобрался на расстояние выстрела, как вдруг что-то встревожило лосей. Все шестеро обернулись в сторону Гласса. Тот собирался выстрелить, но вдруг понял, что лоси смотрят не на него, а ему за спину.

Оглянувшись, Гласс заметил трёх индейских всадников, показавшихся на опушке тополиной рощи, в четверти мили позади него. Даже с этого расстояния Гласс рассмотрел шиповидную прическу воинов арикара. Он видел, как индейцы указали куда-то руками и, прищпорив лошадей, помчались к нему. Гласс отчаянно оглядывался по сторонам в поисках укрытия. Ближайшие деревья

находились в двухстах ярдах впереди. Он не успеет добежать. Как и не добраться до реки, от неё он отрезан. Ему оставалось лишь стрелять, но даже если он и попадет в цель, то ни за что не успеет перезарядить, чтобы свалить всех трёх всадников, а, может, даже двух убить не удастся. В отчаянии он побежал к деревьям, не обращая внимания на пронзившую ногу боль.

Гласс пробежал едва ли тридцать ярдов, как в ужасе застыл - из-под покрова тополей перед ним выехал ещё один индеец. Гласс оглянулся. Скачущие арикара уже покрыли половину расстояния. Он перевёл взгляд на нового всадника. Тот прицелился и выстрелил. От выстрела Гласс вздрогнул, но пуля пролетела над его головой. Он повернулся к арикара. Один из всадников свалился! Индеец перед ним стрелял в трёх других! Когда стрелок помчался к Глассу, тот понял, что это мандан.

Гласс не понимал почему, но мандан пришел к нему на выручку. Гласс опять повернулся к нападавшим. Двое оставшихся арикара уже подошли на сто пятьдесят ярдов. Гласс взвел курок и прицелился. Сперва он попытался поймать в прицел одного из всадников, но оба арикара прижались к шеям лошадей. Он перевел прицел на одну из лошадей, выбрав ложбинку под шеей скакуна.

Он нажал на спусковой крючок, и винтовка выплюнула пулю. Лошадь заржала, и её ноги подогнулись. Когда лошадь завалилась, взметнулась пыль, и всадник перелетел через голову мёртвого животного.

Гласс услышал рядом собой стук копыт и увидел мандана, который знаками велел ему вскочить на лошадь. Он запрыгнул к индейцу и, оглянувшись, заметил, что оставшийся арикара натянул поводья и выстрелил, но промахнулся. Мандан пнул лошадь пятками, и они помчались к деревьям. Добравшись до тополей, индеец осадил лошадь. Оба спешили, чтобы перезарядить винтовки.

- Ри, - сказал индеец, используя уменьшительное имя арикара и указывая на индейцев. - Плохо.

Гласс кивнул, досылая пулю в ствол.

- Мандан, - сказал индеец, указав на себя. - Хороший. Друг.

Гласс прицелился в арикара, но последний всадник уже мчался обратно. Два оставшихся без лошадей индейца бежали по бокам. Потеря двух лошадей отбила у них аппетит к погоне.

Мандана звали Манде-Пахчу. Он выслеживал лося, когда наткнулся на Гласса и арикара. Манде-Пахчу прекрасно знал, откуда пришел бледнолицый со шрамами. Днём ранее в деревню манданов прибыл переводчик Шарбонно. Хорошо известный им по экспедиции Льюиса и Кларка, Шарбонно рассказал про нападение арикара на вояжеров. Мато Топе, вождь манданов, разозлился на Языка Лося и его племя изгоев. Как и Кайова Бразо, вождь Мато Топе хотел открыть Миссури для торговли. Хоть вождь и сочувствовал Языку Лося, вояжеры определенно не представляли угрозы. На самом деле, со слов Шарбонно, они везли подарки и предложение о мире.

Когда арикара пришли в поисках нового дома, Мато Топе как раз и опасался подобных происшествий. Манданы всё больше зависели от торговли с белыми людьми. После нападения Ливенворта на арикара речное движение с юга прекратилось. А теперь при известии об этом новом нападении река останется закрытой.

Вести о гневе вождя Мато Топе быстро облетели деревню манданов. Молодой Манде-Пахчу видел в спасении Гласса возможность обрести благосклонность вождя. У Мато Топе была красивая дочь, сердце которой стремился завоевать Манде-Пахчу. Он представил себя, важно шествующего по деревне и приводящего к Мато Топе бледнолицего. И как вся деревня соберется вокруг, когда он будет вести свой рассказ. Но бледнолицый, похоже, почуял подвох. Он постоянно твердил одно слово: Форт-Тэлбот.

Со своего места за спиной Манде-Пахчу Гласс с неподдельным интересом рассматривал индейца. Ему доводилось слышать немало историй, но он никогда не видел живого мандана. Молодой индеец носил волосы как корону - тщательно ухоженная шевелюра, которой он, по-видимому, уделял значительное внимание. Длинная косичка с вплетенными в нее полосками кроличьей шкурки болталась на спине. Волосы на макушке водопадом струились вниз, и были намазаны жиром и подрезаны на уровне подбородка. Со лба тоже спускалась

смазанная жиром прядь. Имелись и другие яркие украшения. С дырочек в правом ухе свисали три оловянных серьги. Ожерелье из белых бусин резко контрастировало с медной кожей шеи.

Манде-Пахчу, скрепя сердце, согласился отвести бледнолицего в Форт-Тэлбот. Торговый пост находился неподалеку, в каких-то трёх часах езды. Кроме того, возможно, он бы смог разузнать в форте новости. В Форт-Тэлботе ходили слухи об инциденте с арикара. Может, форт захочет передать послание для Мато Топе. Быть курьером - большая ответственность. Мато Топе будет доволен историей о бледнолицем, да и важным сообщением, которое Манде ему привезет. Дочери вождя не устоять.

К полуночи посреди безликой тьмы внезапно вырисовались очертания Форт-Тэлбота. Форт не был освещен, и Гласс удивился, обнаружив, что они в ста ярдах от деревянных укреплений.

Внезапно они увидели вспышку, а потом со стороны форта прозвучал резкий треск винтовки. Пуля просвистела в нескольких дюймах над их головами.

Лошадь шарахнулась, и Манде-Пахчу с трудом ее осадил. Гласс смог справиться со своим голосом, зло прокричав:- Не стреляйте! Мы друзья!

Из-за блокада им с подозрением ответили:- Кто вы? Гласс заметил отблеск винтовочного ствола и тёмные очертания головы и плеч мужчины.

- Я Хью Гласс из "Пушной компании Скалистых гор". Ему бы хотелось, чтобы голос звучал как можно тверже, но голос Гласса был едва слышен даже на таком близком расстоянии.

- А кто дикарь?

- Он мандан и спас меня от трех воинов арикара.

Часовой на вышке что-то прокричал, и Гласс уловил обрывки разговора. Наверху блокада показались еще трое. Гласс услышал, как они переговариваются за тяжелыми воротами. Открылось небольшое окошко, и они вновь оказались под пристальным взглядом. Из окошка раздался новый грубоватый голос:- Подойдите поближе, чтобы мы смогли вас рассмотреть.

Манде-Пахчу слегка повёл поводьями, направив лошадь к воротам. Гласс спешил и спросил:- А с чего это вы тут подняли стрельбу?

- На прошлой неделе моего приятеля прирезали ри перед этими самыми воротами.

- Ну, мы не арикара.

- А откуда мне знать, вынюхиваете тут что-то в темноте.

В отличие от Форта Бразо, Форт-Тэлбот больше походил на осаждённую крепость. Его деревянные стены возвышались на двенадцать футов и образовали прямоугольник приблизительно ста футов в длину и не больше семидесяти в ширину. В двух противоположных углах форта высились два блокгауза. Построены они были таким образом, что примыкали к углу форта. С них простреливались все четыре стороны форта. Блокгауз перед Глассом венчала грубая крыша, очевидно построенная для защиты от непогоды большого фальконета. Крышу второго блокгауза так и не завершили. К одной из стен форта примыкал кораль, но скота в нем не было.

Гласс терпеливо ждал, пока глаза за окошком продолжали его изучать.

- Что вас сюда привело?

- Я направляюсь в Форт-Юнион. Мне нужны припасы.

- Нет у нас припасов.

- Мне не нужна еда или порох. Всего лишь одеяло и пара рукавиц, и я уйду.

- Что-то непохоже, что тебе есть чем заплатить.

- Я могу выписать чек на щедрую сумму на имя Уилльяма Эшли. Весной "Пушная компания Скалистых гор" отправит партию охотников вниз по реке. Они оплатят чек. За его словами последовала долгая пауза. - В компании благожелательно отнесутся к торговому посту, который помогает её людям, - добавил Гласс.

Вновь воцарилось молчание, и окошко закрылось. Послышался тяжёлый стук дерева, и ворота со скрипом открылись. Грубый голос принадлежал коренастому мужчине, который, похоже, руководил

факторией. Он стоял в воротах с винтовкой в руках и двумя пистолетами на поясе.- Только ты. Краснорожим не место в моем форте.

Гласс посмотрел на Манде-Пахчу, гадая, что из их разговора разобрал мандан. Гласс хотел было что-то сказать, но промолчал, и просто вошел внутрь, ворота за ним захлопнулись.

За стенами стояли два ветхих строения. Из одного сквозь промасленные шкуры, натянутые вместо окон, сочился тусклый свет. Другое строение оставалось тёмным, и Гласс решил, что оно используется для хранения шкур. Задние стены обоих строений примыкали к форту.

Фасад выходил на небольшой двор, где воняло навозом. Источник запаха был привязан к колышку - два облезлых мула, которых, по-видимому, не удалось украсть арикара. Помимо мулов тут имелся механизм для прессования шкур. Он состоял из колоды из тополиного пня и подвешенного штабеля дров. Внутри сруба находились пять человек. К ним вскоре присоединился часовой из блокауза. Тусклый свет падал на изувеченное лицо Гласса, и он почувствовал на себе любопытные взгляды присутствующих.

- Заходи, если хочешь.

Гласс проследовал в освещенное строение. В тесной комнате, по-видимому, приспособленной под барак, толпились люди. В примитивном глиняном камине возле задней стеки курился огонёк. Единственным достоинством пахнущей кислятиной комнаты было тепло. Жар распространял не только огонь, но и скучившиеся людские тела.

Коротышка собирался что-то произнести, но внезапно его тело затряслось от тяжёлого мокрого кашля. Похожий кашель сотрясал и большинство остальных, и Гласс испугался, что подхватит заразу. Когда коротышку перестало трясти, он вновь повторил:- У нас нет лишней еды.

- Я же сказал, мне не нужна еда, - ответил Гласс. - Давай сговоримся о цене одеяла и рукавиц, и я уйду, - Гласс указал на угол стола. - Кинь-ка мне тот разделочный нож.

Коротышка выпятил грудь, словно его оскорбили.- Мы не скупцы, мистер. Но ри нас тут обложили. Украли весь скот. На прошлой неделе к воротам подъехали пять индейцев и сказали, что хотят торговать. Мы открыли ворота, а они начали стрелять и хладнокровно убили моего приятеля.

Гласс молчал, и мужчина продолжил.- Мы не можем выйти на охоту или за дровами. Так что надеюсь, ты поймешь, почему мы бережем припасы, - он смотрел на Гласса, ожидая от того одобрения, но Гласс молчал.

Наконец Гласс произнес:- Стрельбой в белого человека и мандана проблемы с ри не уладить.

Тут слово взял стрелявший, грязный человек без передних зубов.- Да я только и видел, что индейца, болтавшегося тут посреди ночи. Откуда я знал, что вас в седле двое?

- Тогда возьми за правило сначала рассмотреть цель, а уж потом стрелять.

Вновь затараторил коротышка.- Я сам прикажу своим людям, когда стрелять, мистер. Для меня, что ри, что мандан - все на одну рожу. К тому же они теперь объединились в одно большое вороватое племя. Я лучше пристрелю не того, чем поверю не тому.

Слова хлынули из коротышки, как из прорванной дамбы. Разговаривая, он размахивал костлявым пальцем.- Я этот форт своими руками строил. И лицензию на торговлю получил от самого губернатора Миссури. Мы отсюда ни за что не уйдем и пристрелим любого краснокожего, кто покажется на глаза. Плевать мне, даже если придется всех этих убийц и воров порешить.

- А с кем же ты тогда собираешься торговать? - поинтересовался Гласс.

- Мы сами разберемся, мистер. Это важный форт. Рано или поздно сюда придет армия и прогонит дикарей. К тому же на реке появится множество торговцев - вы сами это сказали.

Гласс вышел в ночь, и ворота за ним закрылись. Он сделал глубокий выдох. В холодном воздухе дыхание его мгновенно окуталось паром, и его отнёс морозный бриз. Возле реки Гласс

заметил Манде-Пахчу. Индеец повернулся на скрип ворот и подъехал поближе.

Новым разделочным ножом Гласс прорезал дыру в одеяле и натянул его на себя через голову, как капоте. Затем надел меховые рукавицы и посмотрел на мандана, размышляя, что сказать тому на прощание. А что тут скажешь? *У меня свое дело.* Гласс не мог искоренить всё зло на своем пути.

В конце концов он отдал Манде-Пахчу разделочный нож.- Спасибо тебе, - произнес Гласс.

Мандан посмотрел на нож, а затем на Гласса, заглянув тому в глаза. Он еще долго смотрел, как Гласс повернулся и побрел вверх по Миссури, растаяв в ночи.

Глава девятнадцатая

8 декабря 1823 года

Джон Фицджеральд собирался заступить в дозор вниз по реке от Форт-Юниона. Там стоял Кабан. Его грудь вздымалась, наполняя морозный воздух облачками пара.- Мне заступать, - дружелюбно произнес Фицджеральд.

- И с каких это пор ты так рвёшься в дозор? - спросил Кабан и побрел к лагерю, намереваясь поспать оставшиеся до завтрака четыре часа.

Фицджеральд отрезал толстую плитку табака. Ароматная смесь наполнила его рот и успокоила нервы. Он долго жевал, прежде чем сплюнуть. Ночной воздух обжигал ему легкие при вздохе, но Фицджеральд не возражал. Мороз был следствием ясного безоблачного неба. А ясная ночь играла Джону на руку. Убывающая луна ярко освещала реку. Джон надеялся, что света хватит, чтобы свободно плыть по реке.

Спустя полчаса после того, как заступил в караул, Фицджеральд зашел в густой ивняк, где припрятал свою добычу: кипу бобровых шкур для обмена, двадцать фунтов вяленого мяса в джутовом мешке, три пороховых рожка, сто свинцовых пуль, небольшой горшок для стряпни, два шерстяных одеяла и конечно же Анстадт.

Он сложил припасы в кучу возле берега и направился вверх по течению за каноэ. Пока он крался вдоль берега, он размышлял, вышлет ли капитан Генри за ним погоню. *Тупой ублюдок.* Фицджеральд никогда ещё не видел человека, так притягивавшего к себе несчастья. Под руководством родившегося под несчастливой звездой капитана Генри охотники "Пушной компании Скалистых

гор" постоянно находились на грани катастрофы. Оставалось только дивиться, как они до сих пор не погибли. У них осталось только три лошади, что ограничивало охотничьи угодья трапперов до прилегающих рек, где зверь уже давно перевёлся. Бесчисленные попытки Генри выторговать новых лошадей (или, в большинстве случаев, выкупить обратно собственных мулов) неизменно с треском проваливались. Даже ежедневная добыча пропитания для тридцати человек стала проблемой. Охотничьи партии не видели бизонов уже несколько недель. Теперь их меню состояло из жилистого мяса антилопы.

Последняя капля терпения иссякла неделю назад, когда Коротышка Билл нашептал Фицджеральду последние сплетни.- Капитан подумывает подняться вверх по Йеллоустону и занять развалины старого форта Лайзы на Бигхорне.

Джон не знал, сколько миль до Бигхорна, но знал, что ему с ними не по пути. Сам он желал пойти в противоположном направлении. Поначалу жизнь на фронтире оказалась более сносной, чем он ожидал, сбегав из Сент-Луиса. Но со временем Фицджеральд устал от плохой пищи, холода и постоянного дискомфорта от ночевки под одной крышей с тридцатью вонючими охотниками. Не говоря уже о неплохих шансах сыграть в ящик. Он соскучился по вкусу дешёвого виски и аромату дешёвых духов. А с семьюдесятью долларами золотом - наградой за погребение Гласса - он не переставал думать об азартных играх.

За полтора года суматоха в Сент-Луисе должна была улечься, может, и дальше на юге. Он собирался это выяснить.

На длинной песчаной отмели возле форта лежали два каноэ, перевернутые верх дном. Фицджеральд тщательно осмотрел их несколько дней назад. Он пришел к выводу, что из двух меньшее сработано лучше. Кроме того, если плыть по течению, то с небольшим каноэ он управится один. Он тихо перевернул каноэ, закинул внутрь два весла и толкнул его по песку к воде.

И ещё кое-что. Планируя свой побег, Фицджеральд озаботился тем, как вывести из строя второе каноэ. Он подумывал пробить дыру

в берестяной обшивке, но затем пришел к более простому решению. Он вернулся ко второму каноэ и достал из-под него весла. *Без вёсел от каноэ небольшой прок.*

Фицджеральд столкнул каноэ в воду, запрыгнул в него и двумя гребками ввёл лодку в воду. Река подхватила каноэ и понесла по течению. Спустя несколько минут он остановился, что подобрать украденные припасы, и вновь направил лодку в течение. Через пару минут Форт-Юнион исчез за его спиной.

Капитан Генри в одиночестве сидел в своей затхлой комнате, единственном уединённом помещении Форт-Юниона. Кроме уединения, большой редкости в форте, комнате нечем было похвалиться. Тепло и свет проникали только из открытого дверного проема соседнего помещения. Генри сидел в холоде и темноте, думая, что делать дальше.

Потеря Фицджеральда сама по себе не являлась проблемой. Генри не доверял ему с первого же дня в Сент-Луисе. Они могли обойтись и без каноэ. Другое дело, если бы он украл последних лошадей. Потеря пушнины была прискорбна, но едва ли смертельна.

Урон нанес не сам побег, а его воздействие на остальных. Дезертирство Фицджеральда прозвучало громким и чётким заявлением, которое не решались произнести остальные. "Пушная компания Скалистых гор - неудавшееся предприятие. Он сам неудачник. И что же теперь делать?

Генри услышал, как лязгнула щеколда двери блокгауза. Вскоре по грязному полу в его направлении застучали шаги, и спустя мгновение в дверном проеме показался Коротышка Билл.

- Мёрфи с партией трапперов вернулись.
- Добыли пушнину?
- Нет, капитан.
- Что, ничего?
- Нет, капитан. Видите ли, тут дело обстоит слегка похуже.
- И чем же?
- Они и без лошадей вернулись.

Капитану понадобилось некоторое время, чтобы переварить

НОВОСТЬ.

- Что-то ещё?

Коротышка задумался на секунду и сказал:- Да, капитан. Андерсон мертв.

Капитан больше ничего не спросил. Коротышка прождал ещё немного, но молчание его смущало, и он ретировался.

Капитан Генри просидел в холодной тьме несколько минут, а потом принял решение. Они покинут Форт-Юнион.

Глава двадцатая

15 декабря 1823 года

Ложбина образовала посреди равнин почти идеальную чашу. От безжалостных равнинных ветров углубление с трёх сторон укрывали холмы. К центру ложбина сужалась, переходя в болото, где на страже стояли заросли боярышника. Смесь кустов и деревьев создавала существенное укрытие.

Небольшая ложбина находилась всего в пятидесяти ярдах от Миссури. Хью сидел, скрестив ноги, возле небольшого костра. Пламя лизало тушку зайца, нанизанного на вертел из ивового прута.

Пока Гласс ждал, когда приготовится заяц, он внезапно услышал на воде звук. "Странно", - подумал он. Он уже несколько недель шел вдоль реки. А тут вдруг с воды донесся совсем иной звук. Он отвернулся от огня и посмотрел на реку.

Ему показалось странным, что плавное течение реки могло произвести такой звук. А может, это ветер? Но Глассу всё же казалось, что это не вода или ветер, а некая преграда, встретившаяся им на пути. Он повернулся обратно к огню.

Гласс почувствовал знакомую ноющую боль в ноге и переменял позу. Его раны служили постоянным напоминанием, что, несмотря на то, что он поправляется, он ещё не выздоровел полностью. Холод жалил раны на ноге и плече. Гласс боялся, что его голос так и не станет прежним.

Не стоит забывать, что и лицо будет служить постоянным напоминанием о встрече на Гранд. Хотя оно выглядит не так уж плохо. Спина уже не болела. Как и не мучили боли при еде, что весьма его радовало, пока он потягивал носом запах жарившегося

мяса.

Гласс подстрелил зайца несколько минут назад, на закате. Уже с неделю он не видел никаких признаков индейцев, и когда жирный заяц перебежал дорогу, то искушение перед вкусным ужином оказалось слишком велико.

В четверти мили вверх по реке от Гласса Джон Фицджеральд присматривал место для ночевки, когда услышал раздавшийся неподалеку винтовочный выстрел. *Дерьмо!* Он быстро погрёб к берегу, стараясь замедлить движение. Он заплыл в небольшой водоворот, веслом удерживая каноэ на месте, и попытался в тусклом свете определить источник выстрела.

Слишком далеко на север для арикара. Ассинибойны [\[41\]](#)? Фицджеральд посетовал на отсутствие света. Спустя несколько минут показались отблески костра. Джон заметил кожаную рубашку мужчины, но не смог разглядеть других деталей. Он решил, что это индеец. Белому человеку ни к чему забираться так далеко на север, по-крайней, мере в декабре. *Сколько их там?* Дневной свет быстро убывал.

Фицджеральд обдумывал свои возможности. Он точно не мог оставаться на месте. Если он пристанет здесь на ночь, то утром стрелок его обнаружит. Он подумывал подкрасться и убить стрелка, но только не был уверен, столкнется ли с одним человеком человек или больше. Наконец, он решил проскользнуть мимо. Он дождетсся наступления темноты и будет надеяться, что огонь отвлечёт внимание стрелка, и остальных, кто бы там ни скрывался. Тем временем, луна предоставит ему достаточно света, чтобы править каноэ.

Фицджеральд прождал почти час, тихонько вытянув нос каноэ на мягкую песчаную банку. Восточный горизонт поглотил последние лучи дневного света, отчего ярче засветилось пламя костра. Над костром виднелся силуэт стрелка, и Фицджеральд решил, что тот, должно быть, стряпает себе ужин. Пора действовать. Фицджеральд проверил Анстадт и два пистолета, положив их в каноэ. Затем снял каноэ с банки и запрыгнул в него. Двумя гребками он вошел в

течение, а потом использовал весло, как руль, медленно подгребая то с одной, то с другой стороны. Он старался плыть как можно медленней.

Хью Гласс потянул за заднюю ногу зайца. Мясо размягчилось и Гласс оторвал лапку, погрузив зубы в сочное мясо.

Фицджеральд старался править подальше от суши, но течение проходило почти рядом с берегом. Костёр стремительно приближался. Фицджеральд старался смотреть на реку и вместе с тем не отрывал взгляда от мужчины у костра. Он разглядел капоте из одеяла Гудзонова залива и нечто похожее на фетровую шляпу. *Фетровая шляпа? Белый?* Фицджеральд посмотрел на воду. Неожиданно из темных вод реки показался огромный валун - всего в десяти футах перед ним!

Фицджеральд глубоко погрузил в реку весло, гребя изо всех сил. Сделав гребок, он поднял весло и оттолкнулся им от камня. Каноэ повернулось, но недостаточно. Борт лодки прошелся по камню с пронзительным скрежетом. Фицджеральд принялся грести изо всех сил. *Теперь нет смысла сдерживаться.*

Гласс услышал всплеск, за которым последовал долгий скрежет. Он интуитивно потянулся к винтовке и повернулся к Миссури, быстро отойдя от огня костра. Он проворно пробрался к реке. Глаза его потихоньку привыкали к темноте после пламени костра.

Он искал на воде источник звука. Он услышал всплеск весла и различил каноэ на расстоянии в сто ярдов, вскинул винтовку, взвёл курок и прицелился в темный силуэт гребца. Его палец задержался на крючке... и тут он остановился.

Гласс не видел смысла стрелять. Кем бы он ни был, владелец лодки стремился избежать встречи. Во всяком случае, он быстро удалялся в противоположном направлении. Каковы бы ни были его намерения, пытающийся скрыться гребец не представлял для Гласса опасности.

Тем временем Фицджеральд бешено грёб, пока не добрался до поворота реки в четверти мили от костра. Он медленно плыл по течению еще милю, прежде чем подвел каноэ к противоположному

берегу и начал искать место для ночевки.

Наконец он вытащил каноэ из воды и, перевернув его, разложил под ним постель. Затем Фицджеральд пожевал немного вяленого мяса, размышляя о мужчине у костра. *Чертовски странное место для белого человека в декабре.*

Фицджеральд положил рядом с собой винтовку с двумя пистолетами и свернулся под одеялом. Яркая луна залила место его ночлега бледным светом. Анстадт поймал отблески луны и замерцал, его серебряные крепления сверкали, как зеркала на солнце.

Капитану Генри наконец-то улыбнулась удача. За короткий промежуток времени случились так много приятных происшествий, что он не знал, что с ними делать.

Для начала, почти две недели стояла безоблачная погода. При хорошей погоде партии удалось покрыть двести миль между Форт-Юнионом и рекой Бигхорн за шесть дней.

Когда они прибыли, форт оказался таким же, как его запомнил Генри. В 1807 году хитрый торговец Мануэль Лайза заложил торговый пост в месте слияния Йеллоустоуна с Бигхорном. Лайза нарек сооружение Форт-Мануэлем и использовал его в качестве базы для торговли и разведки обеих рек. Лайза поддерживал добрые отношения с воронами и плоскоголовыми, которые с помощью купленных Лайзой мушкетов вели войну с черноногими. Черноногие, в свою очередь, стали заклятыми врагами белых.

Вдохновленный скромным коммерческим успехом, Лайза в 1809 году основал "Пушную компанию Миссури". Одним из вкладчиков нового предприятия стал Эндрю Генри. Генри повел отряд в сто человек в злополучную экспедицию на Три-Форкс.

На пути в Йеллоустоун Генри тогда остановился в Форт-Мануэле. Он помнил его стратегически выгодное местоположение, обилие дичи и леса. Генри знал, что форт заброшен уже почти с десяток лет, но надеялся создать из его остатков новый форпост.

Состояние форпоста намного превысило его ожидания. За годы запустения строения обветшали, но большая часть стен осталась нетронутой. Это сэкономит им многие недели тяжелого труда по валке

леса.

Знакомство Генри с местными племенами (по-крайней мере поверхностное) представляло еще один яркий контраст по сравнению с неудачей в Форт-Юнионе. Он выделил отряд под руководством Алистера Мёрфи и осыпал подарками своих новых соседей, в основном небольшие племена плоскоголовых и воронов. Генри обнаружил, что отношениям с местными племенами он обязан дипломатии своего предшественника. Оба племени казались довольными возрождением поста. По-крайней мере, они охотно торговали.

Вороны были богаты лошадьми. Генри выменял у них семьдесят две лошади. Горы Бигхорн окружала сеть рек, и капитан Генри вознамерился энергично использовать своих мобильных теперь трапперов.

Две недели Генри не переставал оглядываться, словно неудачи могли подкрасться к нему со спины. Он позволял себе лишь небольшую толику оптимизма. *Может, его удача переменилась?* Но он ошибался.

Хью Гласс стоял перед развалинами Форт-Юниона. Ворота лежали на земле. Их сорвали с петель, когда капитан Генри покинул пост. Внутри тоже царил разгром, остатки неудавшегося предприятия. Все дверные петли были сняты, как полагал Гласс, для нового поста. Частокол разобрали на бревна, которые, по всей видимости, использовали на дрова нахальные посетители, воспользовавшиеся уходом Генри. Стена одного из блокгаузов почернела. Очевидно, неумелая попытка спалить форт не увенчалась успехом. Снег во дворе покрывали сотни следов от конских копыт. *Я преследую мираж.* Сколько дней он прошагал, прополз до этого дня? Он вернулся мыслями к поляне возле ручья у реки Гранд. *Когда это было? В августе? А что сейчас? Декабрь?*

Гласс взобрался по грубой лестнице на блокгауз, чтобы обозреть долину с крыши. В четверти мили он заметил рыжеватое пятно дюжины антилоп, которые медленно брели по снегу, щипая шалфей. Большой треугольник гусей, сложив крылья, приземлился на реке. Но

больше никаких признаков жизни не наблюдалось. *Куда все подевались?*

Он провел в форте две ночи. Гласс не желал просто так покидать то место, к которому так долго шел. Но он знал, что его цель - не место, а два человека - два акта отмщения.

Из Форт-Юниона Гласс пошел вдоль Йеллоустоуна. Ему оставалось только гадать, куда направился Генри, но он сомневался, что капитан рискнет повторить неудачу в верховьях Миссури. Оставался Йеллоустоун.

На пятый день следования вдоль Йеллоустоуна перед ним встала громада над рекой. Гласс пораженно остановился. Перед ним высились, поднимаясь до самых небес, горы Бигхорн.

Вокруг самых высоких пиков курились облака, усиливая впечатление безраздельно тянущейся вверх стены. Его глаза слезились от отражающегося от снега солнечного света, но вдаль он мог смотреть. За двадцать лет жизни на равнинах Гласс не был подготовлен к таким горам.

Капитан Генри часто рассказывал о чудовищных размерах Скалистых гор, но Гласс полагал, что его истории разбавлены привычной дозой костровых небылиц. В действительности, подумалось Глассу, рассказы Генри прискорбно преуменьшены. Генри был человеком прямым, и в его рассказах горы представлялись препятствием, преградой на пути к воссоединению западного потока торговли с восточным. В своих рассказах Генри полностью обошел вниманием то впечатление благоговейной силы, что охватило Гласса при виде массивных пиков.

Конечно, он понимал практические цели Генри. Речные долины и без того являлись серьезным препятствием. Гласс едва ли мог себе представить те усилия, что понадобятся, чтобы переправить пушнину через горы, подобные этим.

В последующие дни его благоговейный страх перед горами всё возрастал. Йеллоустоун подводил Гласса к ним всё ближе. Эта громада была отметкой, перевалом в гонке на время. Другие, возможно, почувствовали бы себя неуютно при виде гор, в сравнении

с которыми они сами - песчинка.

Но для Гласса горы скрывали в себе некое таинство. Бессмертие, перед лицом которого его повседневная боль казалась незначительной.

И он шел, день за днем, приближаясь к возвышающимся в конце равнины горам.

Фицджеральд стоял за частоколом, отвечая на вопросы низкорослого кашляющего человечка, стоящего на валу над воротами. Во время путешествия Фицджеральд тщательно продумал свою ложь. - Я везу донесение в Сент-Луис от капитана Генри из "Пушной компании Скалистых гор."

- "Пушная компания Скалистых гор"? - фыркнул коротышка. - Мы только что видели одного из ваших, идущего в противоположном направлении. Грубиян ехал на одной лошади вместе с краснокожим. Что ж, если ты из той же компании, то можешь оплатить его расписку.

Фицджеральд почувствовал, как у него свело живот и засосало под ложечкой. *Белый человек на реке!* Он старался придать голосу равнодушие. - Я, наверное, разминулся с ним на реке. Как его звали?

- Я даже не спрашивал имени. Дал ему пару вещей, и он ушел.

- А как он выглядел?

- А вот этого мне забыть. По всему лицу шрамы, словно дикий зверь его пожевал.

Гласс! Жив! Чёрт бы его побрал!

Фицджеральд обменял две шкуры на вяленое мясо, отчаянно желая вернуться к реке. Не довольствуясь больше дрейфом по реке, он отчаянно греб. Вперед и как можно подальше. Гласс, может, и направился в другую сторону, подумал Фицджеральд, но в намерениях старого ублюдка он не сомневается.

Глава двадцать первая

31 декабря 1823 года

К полудню повалил снег. Тихонько подкрались грозовые облака, так незаметно закрыв солнце, что Генри и его люди даже не заметили.

Им было не о чем беспокоиться. Обновленный форт мог вынести любую прихоть непогоды. Кроме того, сегодня капитан Генри объявил выходной. А затем преподнес сюрприз, который вызвал у всех восторг - спиртное.

Генри, может, и был неудачником, но прекрасно понимал силу поощрительных мер. Наливка Генри была сделана из дрожжей и ягод ирги, которым дали побродить месяц в бочонке.

Получившаяся в результате жидкость оказалась полнейшей кислятиной. Никто не мог пить её не морщась, но никто не отказывался от этой возможности. Наливка почти мгновенно свалила всех с ног.

Генри приберег и второй сюрприз. Он был приличным скрипачом, и в первый раз за многие месяцы его настроение настолько поднялось, что он взял в руки свой обшарпанный инструмент. Пиликанье скрипки и пьяный смех наполнили набитый людьми барак безудержным весельем.

Большая часть шуток вертелась вокруг Кабана, чья огромная туша лежала, растянувшись перед камином. Несмотря на его внушительную комплекцию, выпивоха Кабан был никудышный.

- Выглядит, как мертвец, - заявил Чёрный Харрис, пнув Кабана прямо в живот. Нога Харриса мгновенно исчезла в толстых складках живота, но пинок не возымел никакого действия.

- Ну, если он мертв, - произнес Патрик Робинсон, тихоня, от

которого никто и слова не слышал, пока не тот не отведал самогона Генри, - мы должны его похоронить.

- Слишком уж холодно! - сказал другой траппер. - Но можно закутать его в саван! Идея вызвала оживление у остальных. Тут же раздобыли два одеяла, иголку и толстые нитки. Робинсон, искусный портной, принялся обшивать саваном тушу Кабана. Черный Харрис затянул молитву, а остальные один за другим произносили надгробные речи.

- Он был достойным и праведным человек, - произнес один из говоривших. - Мы возвращаем тебе его, Господь, в первозданном состоянии, так как мыло никогда не касалось тела его.

- Если под силу тебе поднять его, - произнес другой, - то молим тебя вознести Кабана на небеса.

Громкий спор отвлек всеобщее внимание от похорон Кабана. Алистер Мёрфи и Коротышка Билл разошлись во мнении, кто из них лучше владеет пистолетом. Мёрфи вызвал Коротышку на дуэль, но её быстро пресёк капитан Генри. Однако он позволил им сразиться в меткости.

Поначалу Коротышка Билл предлагал прострелить жестяную кружку на голове другого. Но несмотря на опьянение он вскоре понял, что такое состязание может привести к опасным последствиям. В результате они решили сбить кружку с головы Кабана. И Мёрфи, и Коротышка считались друзьями Кабана, так что у обоих будет надлежащая мотивация стрелять без промаха. Они усадили закутанного в саван Кабана возле стены и поставили ему на голову жестяную кружку.

Центр длинного барака расчистили. Стрелки стояли на одном конце, на другом сидел Кабан. Капитан Генри спрятал в одной руке пулю; Мёрфи отгадал и решил стрелять вторым. Коротышка Билл вытащил пистолет из-за пояса, тщательно проверил затравку, распределил вес на обе ноги, встав к цели боком. Он поднял руку с пистолетом, наведя его в крышу. Коротышка взвел курок. Тот драматично щёлкнул на фоне всеобщего молчания в переполненном людьми срубе. Немного поколебавшись, Коротышка Билл медленно

прочертил рукой дугу, наведя пистолет на цель.

Но тут он смешался. Пред ним предстали возможные последствия неудачного выстрела. На мушке оказалась грузная туша Кабана. Коротышке нравился Кабан. *Это дурная затея.* По его спине заструился пот. Краем глаза он видел людей, толпившихся по обе стороны от него. Дыхание его участилось, рука задрожала. Пистолет внезапно показался тяжелым. Коротышка Билл задержал дыхание, чтобы унять дрожь, но от недостатка воздуха у него закружилась голова. Только не попади ниже цели.

Наконец он решил: будь, что будет. И спустил курок. Когда полка вспыхнула, Коротышка зажмурился. Пуля врезалась в стену за Кабаном, в десяти дюймах повыше кружки на голове закутанного толстяка. Зрители разразились смехом.- Отличный выстрел, Коротышка!

Вперед выступил Мёрфи.- Слишком много думаешь. Плавным движением Мёрфи вскинул пистолет, прицелился и спустил курок. Раздался выстрел, и пуля угодила в основание жестяной кружки на голове Кабана. Кружка ударилась в стену и со звоном упала возле Кабана.

Хотя ни один из выстрелов Кабана не прикончил, второй его разбудил. Огромный саван задергался. Люди с криками приветствовали меткий выстрел, но затем разразились безудержным смехом при виде извивающегося савана.

Внезапно из-под одеяла показался длинный нож, прорезав отверстие. Появились руки, разрывающие саван. За ними - мясистое лицо Кабана, глаза заморгали от света. Посыпались смех и шуточки.- Глянь-ка, как новорожденный теленок!

Веселье перешло в отрывочную пальбу, и вскоре все принялись палить в потолок. Комнату окутал пороховой дым вместе с веселыми выкриками.- С новым годом!

- Эй, капитан, - крикнул Мёрфи. - Из пушки надо пальнуть! Генри не возражал. Если не убрать трапперов из барака, то они его изрешетят. Громко галдя, трапперы "Пушной компании Скалистых гор" открыли дверь и высыпали наружу, гурьбой повалив к

частоколу.

На улице всех удивила бушующая непогода. Идущий днем легкий снег превратился в сильную метель, пургу, закручивающую целые облака снега. Его уже нанесло в дюймов десять, и даже поглубже там, где уже были сугробы. Будь они трезвей, то подивились бы своей удаче, что метель не пришла, пока они отстраивали форт. Но сейчас все их мысли занимала пушка.

Четырехфунтовая гаубица скорее была гигантским дробовиком, нежели пушкой. Обычно её устанавливали не на крепостных стенах форта, а на носу баржи. Пушка стояла на вертлюге в углу блокгауза, что позволяло ей простреливать две из четырех стен форта. Чугунное орудие высилось почти на три фута и и держалось на трёх цапфах (как выяснилось, их оказалось недостаточно).

Здоровяк по имени Пол Хокер считал себя прирожденным канониром. Он даже утверждал, что участвовал в войне 1812 года. Большинство трапперов сомневалось в этом, хотя многие признавали, что Хокер убедительно выкрикивал команды. Теперь Хокер вместе с двумя другими карабкался по лестнице блокгауза. Остальные остались внизу, довольствуясь видом с плаца.

- Канониры, по местам! - рявкнул Хокер. Может, Хокер и прошел подготовку, но его подчиненные точно не проходили. Они тупо уставились на него, ожидая внятного объяснения обязанностей. Понизив голос, Хокер указал на одного и сказал:- Ты, хватай порох и пыжи. Повернувшись к другому, он приказал:- А ты прикури пальник от огня. И затем уже вернулся в образ военного, прокричав:- Заложить заряд!

По приказу Хокера расчёт отсыпал тридцать драхмов пороха в пороховую мерку, хранившуюся в блокгаузе для этой цели. Хокер направил медное жерло пушки в небо, и расчёт засыпал в неё порох. Затем они заложили в ствол пыж из ветхой одежды размером с кулак и прибойником дослали до казенной части орудия.

Пока они дожидались возвращения пальника, Хокер развернул промасленную тряпку, в которой хранились запалы - трёхдюймовые трубочки из плого гусиного пера, заполненного порохом и

запечатанного с обоих концов воском. Один из запалов он вставил в небольшое запальное отверстие в казеннике орудия.

Когда пальник поднесут к запалу, тот расплавит воск и воспламенит порох внутри трубочки, которая в свою очередь подожжет заряд в стволе.

Траппер с пальником уже карабкался по лестнице. Пальник представлял собой длинную палку с отверстием на конце. В нее был вставлен кусочек каната, пропитанный селитрой. Хокер подул на тлеющий кончик пальника, и яркий свет озарил его лицо красным отсветом. С важностью кадета Вест-Пойнта Хокер закричал:- Товсь!

Стоящие внизу трапперы устремили взгляды на блокгауз в предвкушении колоссального разрыва. Несмотря на то, что он лично держал пальник, Хокер скомандовал.- Пли! - и поджег запал.

Тлеющий фитиль пальника быстро расплавил воск. Запал с шипением загорелся и - бах! Вместо ожидаемого оглушительного взрыва, пушка выпалила не громче хлопка.

- Это что еще за чертовщина? - раздался крик на фоне улюлюканья и смеха. - Почему бы тебе просто не ударить по кастрюлям?

Хокер устоял на пушку, огорчённый тем, что показательное представление ужасным образом провалилось. Это следовало исправить. - Да разогреваюсь я! - прокричал он. И затем уже резким голосом скомандовал:- Канониры, по местам!

Но два канонира подозрительно устоялись на Хокера, внезапно осознав угрозу своей репутации.

- Да пошевеливайтесь, идиоты! - прошипел Хокер. - Утройте заряд! Побольше пороху, вот что решит проблему. К тому же, может, вся загвоздка в малом количестве пыжей. Больше пыжей, заключил Хокер, создадут большее сопротивление, и выстрел выйдет громче. *Получат они у меня свой взрыв.*

Итак, в ствол засыпали тройной заряд. *Но что использовать в качестве пыжей?* Хокер порвал свою кожаную рубашку и загнал её в ствол гаубицы. Нужно ещё. Хокер перевёл взгляд на своих

помощников. - А ну давайте-ка свои рубашки, - рявкнул он им.

Оба помощника озабоченно переглянулись.- Холодно ведь, Хокер!

- Давайте мне ваши чёртовы рубашки!

Трапперы неохотно подчинились, и Хокер прибавил к пыжу одежду. Пока Хокер свирепо заряжал большое орудие, улюлюканье продолжалось. Когда он закончил, весь ствол пушки был до отказа забит спрессованной кожей.

- Товсь! - завопил Хокер, взяв тлеющий пальник. - Пли! Он поджег запал, и пушка взорвалась. В прямом смысле взорвалась. Кожа действительно создала сопротивление, да такое, что орудие разлетелось на тысячи сверкающих осколков.

На один ослепительный миг пламя от взрыва осветило ночное небо, и огромное облако едкого дыма скрыло из вида блокгауз. Люди шарахнулись назад, когда осколки разрыва врезались в деревянные стены форта и с шипением зарылись в снег. Взрыв смел с края блокгауза помощников Хокера и сбросил их во двор. Один сломал при падении руку, другой - два ребра. Оба могли бы умереть, не приземлились они в глубокие сугробы.

Когда гуляющий ветер рассеял на блокгаузе дым, все взоры устремились вверх, выискивая бравого артиллериста. Мгновение все молчали, пока капитан не позвал:- Хокер!

Наступило долгое молчание. Вихри ветра унесли дым с блокгауза. И тут они увидели показавшуюся из-за края стены руку. За ней появилась вторая, а потом и лицо Хокера, почерневшее от дыма. Шляпу при взрыве сдуло, а из ушей текла кровь. Даже держась за блокгауз, он шатался из стороны в сторону. Все ждали, что он сейчас завалится и умрет. Но вместе этого он прокричал.- С Новым Годом, мерзкие сукины дети!

Громкие восторженные крики наполнили ночь.

Хью Гласс провалился в сугроб, удивившись, как быстро нанесло столько снега. На руке, которой он стрелял, Хью не носил рукавицы. Гласс поморщился от жалящего холода. Он просунул руку под капоте, чтобы согреть. Снегопад налетал отдельными порывами,

и невозможно было укрыться от него одеялом. Гласс теперь осознал свою ошибку.

Он оглянулся по сторонам, пытаясь определить, сколько осталось до заката. Метель ограничила видимость, высокие горы в отдалении напрочь исчезли. Он смог разглядеть лишь узкую гряду песчаника и одинокие сосны-стражи.

В остальном даже подножие горы, казалось, слилось с серыми бесформенными облаками. Гласс радовался наличию верной тропы вдоль реки Йеллоустоун. *Сколько до заката, час?* Гласс извлек рукавицу из ягдташа и надел на заоченевшую мокрую руку. *Всё равно не во что стрелять при такой погоде.*

С тех пор как Гласс вышел из Форт-Юниона, прошло пять дней. Теперь он знал, что Генри со своим отрядом прошел по этому пути; двигаться по следам тридцати человек не составляло труда. Из изученных карт он помнил об оставленном Мануэлем Лайзой форте на Бигхорне. *Не было сомнений в том, что дальше Генри не пойдет, по-крайней мере, не в этот охотничий сезон.* Гласс примерно помнил расстояния. Но сколько миль он прошёл? Оставалось лишь гадать.

Когда началась метель, температура ощутимо упала, но Гласса тревожил ветер. Ветер усиливал холод, придавая тому способность проникать под каждую складку одежды. Сперва ветер кусал ничем не защищенную кожу носа и ушей. От ветра у Гласса слезились глаза и текло из носа, а озноб усилился. Пока он пробирался среди вырастающих сугробов, острая боль медленно перешла в онемение, превратившее его подвижные пальцы в обрубки непослушной плоти. Нужно найти укрытие, пока он ещё может раздобыть хворост для костра и пока его пальцы смогут управиться с кремнем и кресалом.

Противоположный берег круто возвышался над рекой. За ним можно укрыться, но реку не перейти. Местность вдоль этого берега реки была безжизненной и плоской, не предоставляя укрытия от разгулявшегося ветра. В миле впереди Гласс заметил полосу тополей, едва различимую на фоне пурги и сгущающихся сумерек. *Чего я жду?*

Ему понадобилось двадцать минут, чтобы добраться до них. Хлещущий, как бичом, ветер местами расчистил поверхность до самой земли, но в других местах снег по-прежнему доходил до колена. Снег забился в мокасины, и Гласс корил себя за то, что не запасся гетрами. Его штаны из оленьей кожи намокли от снега и затем задубели, жёсткой коркой покрывая ноги. Когда он добрался до тополей, то уже не чувствовал пальцев.

Пока он выискивал среди деревьев укрытие получше, метель усилилась. Ветер, казалось, дул одновременно со всех сторон, осложняя Глассу выбор места. Он остановился на поваленном тополе. Вывернутые корни тянулись от толстого подножия поваленного ствола вверх под прямым углом, создавая ограду от ветра с двух сторон. *Только бы ветер перестал дуть со всех четырёх.*

Он отложил винтовку и принялся собирать дрова. Их он нашел в изобилии. Загвоздка состояла в растопке. Землю покрывало несколько дюймов снега. Когда Гласс его разрыл, то листья под ним оказались мокрыми и непригодными. Он попытался отломать от тополя мелкие ветви, но и они оказались сырыми. Гласс оглядел поляну. Дневной свет исчезал, и с нарастающим беспокойством Гласс осознал, что уже позже, чем он думал. К тому времени, когда он собрал все необходимое, он передвигался уже почти во тьме.

Гласс сложил топливо возле поваленного дерева и начал энергично копать, чтобы сделать яму для костра. Он снял рукавицы, чтобы наломать щепок, но отмороженные пальцы не слушались. Он поднес ладони ко рту и подул на них. Дыхание Гласса передало рукам искорку тепла, которая мгновенно растаяла при порыве морозного ветра. Новый порыв пронизывающего ветра налетел на спину и шею, проникнув под самую кожу и, кажется, еще глубже. *Неужели ветер меняется?* Гласс на мгновение замер, гадая, не стоит ли ему переместиться на другую сторону тополя. Ветер стих, и он решил остаться.

Он сложил дрова в неглубокую яму и извлек из кисета кремь с кресалом. При первой попытке чиркнуть по кресалу он порезал большой палец. Острая боль отдалась по всей руке, как вибрация

камертона. Гласс превозмог боль и вновь чиркнул по кресалу. Наконец на щепы упала искра, и занялся огонь. Гласс нагнулся над крохотным огоньком, укрывая его своим телом, и дул, отчаянно стараясь вдохнуть жизнь в огонёк. Внезапно он почувствовал, как по лицу прошелся порыв вихрящегося ветра, который поднял дым с песком со дна ямы. Хью закашлял и потёр глаза. А когда он их снова открыл, пламя погасло. *Черт поберу!*

Он чиркнул кремнём по кресалу. Искры посыпались вниз, но большая часть щепок уже прогорела. Ладони ныли от холода, а пальцы утратили чувствительность. *Используй порох.*

Он разложил оставшуюся растопку наилучшим образом, и на этот раз добавил щепки потолще. Гласс отсыпал из рожка порох, бранясь, пока тот струился вниз. Затем он расположился так, чтобы как можно лучше укрыть огонь от ветра, и чиркнул кремнём по кресалу.

В яме вспыхнуло пламя, обожгло Глассу руки и опалило лицо. Но он почти не замечал боли, так отчаянно старался взлелеять пламя, колышущееся от порывов ветра. Хью склонился над огнём и укрыл его от ветра с помощью капоте. Большая часть щепок уже прогорела, но Гласс с облегчением заметил, что поленья занялись. Он подбросил дров и спустя несколько минут убедился, что костер не потухнет.

Только он прислонился к поваленному дереву, как очередной сильный порыв ветра едва не уничтожил его костер. И опять Хью припал на огонь, укрыл его от ветра капоте и подул на тлеющие угли. Защищенное от ветра пламя вновь вспыхнуло.

В таком положении, сгорбившись на огне и держа раскинутыми руками капоте, Гласс оставался почти полчаса. За то короткое время, что он стерёг костер, вокруг нанесло почти несколько дюймов снега. Хью чувствовал тяжесть снега по краям капоте. Теперь ветер не налетал порывами, а не ослабевая дул ему в спину. Тополь не давал никакого укрытия. А что еще хуже, дерево ловило ветер и разворачивало его - прямо на Гласса и костер.

Хью боролся с нараставшим в нём чувством паники - порочным кругом противоречивых страхов. Отправная точка ясна - без огня он

умрет от холода. В тоже время, он не мог бесконечно оставаться в нынешнем положении, склонившись над костром с раскинутыми руками, при упрямо дующем в спину ветре.

Он устал, а метель могла бушевать не один час и даже день. Ему нужно укрытие, пусть даже самое малое. Направление ветра теперь установилось, и можно перейти к другой стороне тополя. Хуже не будет, но Гласс сомневался, что сможет сдвинуться, не потеряв огонь. Разожжет ли он другой костер? Без щепок? Он не видел другого выхода, кроме как попытаться.

В уме Хью сложился план. Он перебежит на другую сторону тополя, выроет яму для костра и попытается перенести костер.

Ждать бессмысленно. Он схватил винтовку и сколько смог дров. Ветер, казалось, почувствовал новую цель и налетел на него со свежими силами. Хью пригнул голову и обошел гигантские корни, выругавшись, когда почувствовал, что еще больше снегу набилось ему в мокасины.

Противоположная сторона не намного лучше урывала от ветра, хотя сугробы стояли тут глубокие. Он отбросил винтовку и принялся рыть. У него ушло пять минут на достаточно глубокую для костра яму. Хью быстро побежал к противоположной стороне, следуя по собственным следам на снегу. Тучи сделали сумерки ещё гуще, но Гласс надеялся увидеть отсвет своего костра, когда обогнул подножие дерева. *Ни света, ни костра.*

Единственным признаком его костра было небольшое углубление посреди нанесенного сугроба. Гласс стал рыть, бессмысленно надеясь, что какой-то уголек мог уцелеть. Он ничего не нашел, а тепло костра превратило снег в слякоть, намочившую его шерстяные рукавицы. Он почувствовал на руках влагу, а затем странную боль, которая одновременно и обжигала, и морозила.

Хью поспешил к более закрытой стороне дерева. Ветер, похоже, задул в одном направлении, но вместе с тем усилился. Лицо ныло, а пальцы вновь потеряли подвижность. На ноги он не обращал внимания. Впрочем это было нетрудно, поскольку он не чувствовал их ниже лодыжек. Теперь, когда ветер задул в одном направлении,

тополь наконец-то давал от него защиту. Температура продолжала падать, но без костра... Хью в очередной раз посетила мысль о смерти.

Не осталось времени рыскать в поисках дров, даже если бы было светло. Он решил настругать щепки тесаком и надеяться, что очередной порции пороха хватит, чтобы разжечь костер. На мгновение он озаботился, не сберечь ли ему порох? *Нет, эта наименьшая из моих проблем.* Он вонзил тесак в короткое полено и ударил им об землю, чтобы расщепить.

Стук от его действий почти перекрыл другой звук - приглушенный хлопок, похожий на далекую грозу. Гласс замёрз, его шея выгнулась в поисках источника звука. *Винтовочный выстрел? Нет - слишком громко.* Глассу доводилось слышать гром до начала метели, но не при таком морозе.

Он прождал несколько минут, тщательно прислушиваясь. Но ни один звук не прерывал завывания ветра, и Гласс вновь почувствовал мучительную боль в пальцах. Нашёл время - определять странный звук во время метели. *Разведи чёртов костер.* Он вонзил лезвие тесака в другое полено.

Настругав достаточно щепок, Гласс сложил их в кучку и потянулся к пороховому рожку. Он ужаснулся, как мало пороха осталось. Отсыпая, он гадал, не стоит ли приберечь немного для второй попытки. Хью окоченел, едва управляя своими замороженными руками. Нет - будь, что будет. Он опорожнил рожок и вновь потянулся к кремню с кресалом.

Он уже поднес кремь к кресалу, но не успел чиркнуть, как по долине Йеллоустона прокатился громкий разрыв. На этот раз он знал, что это. Выстрел из пушки ни с чем не спутать. *Генри!*

Гласс поднялся, прихватив винтовку. Ветер вновь нащупал цель и задул с такой силой, что едва не повалил Гласса. Хью начал пробираться сквозь глубокие сугробы к Йеллоустону. *Надеюсь, я на нужной стороне реки.*

Капитан Генри был взбешен потерей пушки. В бою от гаубицы пользы было не много, но она была важна, как средство устрашения.

Кроме того, настоящий форт всегда обладал пушкой, и Генри хотел иметь её и в своем.

Но за исключением капитана, потеря пушки никому не испортила новогоднего настроения. Наоборот, большой взрыв даже подстегнул попойку. Метель загнала трапперов в сруб, и битком набитый барак содрогался от звуков безудержного веселья.

Внезапно дверь сруба распахнулась настежь, словно снаружи сгустилась грозная потусторонняя сила, открыв свой портал. В открытую дверь ворвалась стихия, пронзив морозом сидящих внутри и лишив их комфорта тепла и укрытия.

- Закрой дверь, чёртов идиот! - завопил Коротышка Билл, даже не обернувшись. Никто не повернул головы. Снаружи завывал ветер. Снег кружился вокруг фигуры, высившейся в дверном проеме. Силуэт казался частью самой метели, злобной частичкой заброшенной к ним глуши.

Джим Бриджер с ужасом воззрился на призрака. Снег окутывал каждую частичку тела вошедшего, покрыв того коркой снега. Лед на его лице примерз к растрепанной бороде и свисал кристальными кинжалами со складок шерстяной шапки. Можно было бы сказать, что призрак целиком состоял из снега, если бы не алые нити рваных шрамов, покрывающих его лицо и ярко горящие, как расплавленный свинец, глаза. Бриджер заметил, как глаза осматривали помещение, явно в поисках кого-то.

В комнате воцарилась тишина, пока все пытались распознать стоящего перед ними человека. В отличие от остальных, Бриджер мгновенно его узнал. Он уже видел этого призрака. Джима захлестнуло чувство вины, смяв его, как гребное колесо. Ему отчаянно захотелось убежать. *Но как избежать того, что внутри?* Джим знал, что оживший мертвец пришел за ним.

Прошло несколько мгновений, прежде чем наконец заговорил Чёрный Харрис.- Иисусе. Да это же Хью Гласс.

Гласс разглядывал потрясённые лица. На короткий миг им овладело разочарование, когда он не заметил среди остальных Фицджеральда. Но он нашел Бриджера. Их взгляды скрестились бы,

если бы Джим не отвернулся. *Как всегда.* Он увидел знакомый нож, который Бриджер теперь носил на поясе. Гласс вскинул винтовку и взвел курок.

Желание пристрелить Бриджера едва не одолело Гласса. Он полз к этому мгновению сто дней. Возмездие находилось в его руках, и привести приговор в исполнение можно легким сжатием крючка. Но простая пуля слишком ничтожна, чтобы выразить всю глубину его гнева, и он отмел секундное желание отомстить плотью за плоть. Как проголодавшийся человек, сидящий перед обильно накрытым столом, Хью мог на миг насладиться последним мгновением гнетущего голода, перед тем как утолить его. Гласс опустил винтовку и прислонился к стене.

Он медленно подошел к Джиму, остальные расступились, когда он приблизился.- Где мой нож, Бриджер? Гласс встал перед ним. Джим повернул голову, подняв взор на Гласса. Он почувствовал, что его разрывает столь знакомое желание всё объяснить и одновременно неспособность выразить свои чувства.

- Вставай, - приказал Гласс.

Бриджер поднялся.

Первый удар Гласса попал ему в лицо. Джим не сопротивлялся. Он видел удар, но не отвернулся и даже не моргнул. Гласс услышал, как хрустнул нос Бриджера, и увидел поток хлынувшей крови. Хью тысячу раз представлял себе, как будет наслаждаться этим мгновением, и теперь оно настало. Он радовался, что не пристрелил Бриджера, радовался, потому что не лишил себя кровожадного наслаждения возмездием.

Второй удар угодил Джиму под подбородок, отбросив его к деревянной стене сруба. И вновь Гласс купался в животном наслаждении от удара. Стена не позволила Бриджеру упасть, удержав на ногах.

Гласс подошел к нему вплотную, разразившись серией ударов в лицо Бриджеру. Когда кровь полилась ручьем и руки начали просто соскальзывать, он принялся бить Джима в живот. Бриджер, задыхаясь, согнулся и наконец свалился на пол. Гласс стал его

пинать, а Бриджер не мог или не хотел защищаться. Бриджер тоже предвидел наступление этого дня. Пробил час расплаты, и он не чувствовал в себе силы сопротивляться.

Наконец вперед вышел Кабан. Несмотря на пары алкоголя, Кабану удалось связать воедино картину развернувшегося перед ними безжалостного побоища. Похоже, Бриджер с Фицджеральдом лгали насчет смерти Гласса. Но ему казалось неправильным позволить Глассу просто войти и убить их друга и товарища. Кабан потянулся, чтобы остановить Гласса.

Но кто-то схватил его. Обернувшись, Кабан увидел капитана Генри. Кабан воззвал к капитану.- Вы собираетесь дать ему убить Бриджера?

- Я не собираюсь ничего предпринимать, - произнес капитан. Кабан принялся было возражать, но Генри оборвал его. - Это Глассу решать.

Гласс нанёс очередной беспощадный удар. Бриджер пытался сдержаться, но застонал от боли. Гласс высился над скорчившимся у его ног комком, и задыхался от напряжения учиненной бойни. У него застучало в висках, когда взгляд вновь остановился на ноже у пояса Бриджера. В своем сознании он увидел Бриджера, стоявшего в тот день у края поляны и поймавшего нож, брошенный ему Фицджеральдом. *Мой нож.* Он нагнулся и вырвал нож из ножен. Прикосновение литой ручки показалось объятиями знакомых рук. Гласс вспомнил все те мгновения, когда ему так не хватало ножа, и ненависть вновь вскипела. *Время пришло.*

Как долго он лелеял наступление этого мгновения? Теперь оно настало, и возмездие оказалось в стократ прекрасней, чем он себе представлял. Хью покрутил в руке нож, почувствовав тяжесть, и приготовился его вонзить..

Он взглянул на Джима, и что-то изменилось. Совершенство мгновения начало улетучиваться. Бриджер смотрел на Гласса, и в его глазах Хью заметил не злость, а страх, не сопротивление, а покорность. *Дерись, черт бы тебя побрал!* Хотя бы пошевелись, чтобы оправдать смертельный удар.

Но ничего не произошло. Гласс продолжал сжимать нож, не сводя глаз с мальчишки. *Мальчишки!* Пока Хью продолжал смотреть на Джима, в его сознании всплыли новые воспоминания, связанные с украденным ножом. Он вспомнил, как мальчик лечил его раны, препираясь с Фицджеральдом. Вспыли и другие картины. Пепельно-бледное лицо Луи Каттуара на отвесном берегу Миссури.

Дыхание Гласса замедлилось. В висках перестало стучать в унисон с биением сердца. Он окинул взглядом комнату, словно внезапно осознал присутствие кольца окружающих его людей. Хью долго смотрел на нож в руке и заткнул его за пояс. Гласс отвернулся от мальчика и понял, что замерз. Он направился к камину и протянул свои окровавленные руки к теплу потрескивающего пламени.

Глава двадцать вторая

27 февраля 1824 года

Пароход "Долли Мэдисон" прибыл в Сент-Луис неделю назад. Он привез товары с Кубы: сахар, ром и сигары. Уильям Г. Эшли любил сигары и удивился, почему это толстая кубинская сигара не доставила привычного удовольствия.

Конечно, он знал, в чём крылась причина. Каждый день, выходя к реке, он искал не пароходы, груженные безделушками Карибского моря. Нет, он жаждал появления с далекого запада пироги, заваленной мехами. *Где же они?* Уже пять месяцев, как нет вестей от Эндрю Генри и Джедедаи Смита. *Пять месяцев!*

Эшли мерил шагами свой просторный кабинет в "Пушной компании Скалистых гор". Он не мог целый день сидеть сложа руки. Уильям вновь остановился перед огромной картой на стене. Карта была затейливо разукрашена, вернее, когда-то была.

Эшли исколот её булавками почище подушки для иголок, и толстым карандашом отмечал места рек, ручьев, торговых постов и других ориентиров.

Он пробежался глазами вверх по течению Миссури и вновь попытался избавиться от ощущения неминуемого провала. Эшли остановился, глядя на то место на реке к востоку от Сент-Луиса, где затонула одна из его барж с припасами на сумму в десять тысяч долларов. Он приколот булавку, отметив поселения арикара, где ограбили и убили шестнадцать его людей и где мощь армии США оказалось бессильной расчистить путь торговле. Остановился возле изгиба Миссури выше деревень манданов, где два года назад ассинибойны увели у Генри табун в семьдесят лошадей. Миновав

Форт-Юнион, он проследовал по Миссури до Грейт-Фолс, где нападение черноногих заставило Генри отступить в низовья реки.

Эшли перевел взгляд на письмо в руке, последний запрос от одного из вкладчиков. Письмо содержало требования предоставить "свежие новости по состоянию дел предприятия на Миссури". Эшли понятия не имел, как обстоят дела. И конечно же, все состояние Эшли до последнего пенни отправилось вместе с Генри и Смитом.

Уильям чувствовал непреодолимое желание действовать, вступить в игру, сделать что-нибудь, что угодно, но он был бессилен. Эшли лишь недавно удалось выторговать ссуду под новую баржу и припасы. Баржа покачивалась у речной пристани, а припасы лежали на складе. Число желающих попасть в новую партию охотников за пушниной значительно превысило необходимое количество. Он провел несколько недель, тщательно отбирая сорок человек из ста подавших заявления. В апреле он лично поведет этих людей в верховья Миссури. *Осталось немногим более месяца!*

И куда же он пойдет? Когда в прошлом августе Эшли отрядил Генри и Смита, они сошлись на том, что встретятся на месте, обговорив точный пункт с помощью курьеров. *Курьеров!*

Его глаза вернулись к карте. Эшли пробежался по извилистой линии, изображавшей реку Гранд. Он помнил, как набросал эту линию и наугад изобразил русло реки. *Был ли я прав? Выходит ли Гранд к Форт-Юниону?*

Или она сворачивает в другом направлении? Долго ли она вела Генри и его людей к форту? Похоже, что долго, потому что им не удалось заняться осенней охотой. *Живы ли они вообще?*

Капитан Эндрю Генри, Хью Гласс и Черный Харрис сидели у тлеющих угольков в блокгаузе форта Бигхорн. Генри встал и вышел наружу, вернувшись с охапкой дров. Он подбросил поленья в угли, и все трое заметили, как пламя жадно лизнуло добавку.

- Нужно отправить курьера в Сент-Луис, - произнёс Генри.- Мне давно уже следовало его отправить, только я решил подождать, пока мы устроимся в Бигхорне.

Гласс незамедлительно ухватился за подвернувшуюся

возможность.- Я пойду, капитан. Фицджеральд с Анстадтом находился где-то в низовьях Миссури. Кроме того, месяца, проведенного в обществе Генри, оказалось достаточно, чтобы напомнить Глассу о том мрачном настроении, от которого капитану так и не удалось избавиться.

- Хорошо. Я дам тебе трёх человек и лошадей. Я полагаю, ты согласен, что нам следует держаться подальше от Миссури?

Гласс кивнул.- Думаю, нам следует попытаться пройти вниз по течению Паудера к Платту. Откуда напрямую можно добраться до Форт-Аткинсона.

- А почему не по Гранд?

- На Гранде больше шансов наткнуться на ри. Кроме того, если нам повезёт, можем встретиться с Джедом Смитом на Паудере.

На следующий день Кабан узнал от траппера по имени Рэд Арчибальд, что Хью Гласс возвращается в Сент-Луис с донесением к Уильяму Эшли от капитана. Он немедленно разыскал капитана и вызвался идти вместе с Глассом. Как ни пугало его предстоящее путешествие вдали от уюта форта, перспектива остаться казалась ужасней. Кабан не был создан для жизни траппера и понимал это. Он часто думал о предыдущей работе помощником бочара. Кабан скучал по прежней жизни и её простым удовольствиям больше, чем представлял.

Рэд шел вместе с ними. Как и его друг, кривоногий англичанин Уильям Чэпмэн. Прознав новости про курьеров в Сент-Луис, Рэд с Чэпмэном вознамерились сбежать. Капитан Генри даже обещал добровольцам вознаграждение. Сопровождая Гласса, они избавят себя от необходимости бежать тайком. Теперь они могли дезертировать раньше срока и в придачу получить за это деньги. Чэпмэн и Рэд не верили своей удаче.- Помнишь салун в Форт-Аткинсоне? - спросил Рэд.

Чэпмэн рассмеялся. Он прекрасно его помнил. Там они в последний раз отведали первосортного виски на пути в верховья Миссури.

Джон Фицджеральд не слышал ругани и криков в салуне Форт-

Аткинсона. Он весь ушел в свои карты, поднимая их с замызганной столешницы. Туз... *Возможно, мне повезёт...* Пятёрка... Семёрка... Четвёрка... и тут - туз. Есть! Он окинул взглядом стол. Льстивый лейтенант с большой стопкой монет сбросил три карты и произнес:- Беру ещё три и ставлю пять долларов.

Маркитант сдал ему три карты.- Я пас.

Крепкий лодочник сбросил одну карту и придвинул пять долларов к центру стола.

Фицджеральд сбросил три и оценивал своего соперника. Лодочник был идиотом. Он, скорее всего, ждал одну карту для стрита или флэша. Лейтенант, по всей видимости, держал пару, но не выше, чем его тузы.- Принимаю и увеличиваю ставку вдвое.

- Это на какие же деньги ты увеличиваешь вдвое? - спросил лейтенант. У Фицджеральда кровь прилила к лицу и привычно застучало в висках. Он уже спустил сто долларов. Всё до последнего пенни из той суммы, что выручил за продажу пушнины маркитанту. Фицджеральд повернулся к маркитанту.- Ладно, старик, я продам тебе оставшуюся половину бобровых шкур. По той же цене - пять баксов за шкуру.

Никудышный игрок, маркитант был ушлым торговцем. - После полудня цена упала. Я дам тебе по три доллара за шкуру.

- Ах ты сукин сын! - прошипел Фицджеральд.

- Называй меня как хочешь, - ответил маркитант. - Но это - моя цена.

Фицджеральд вновь посмотрел на напыщенного лейтенанта и кивнул маркитанту. Маркитант отсчитал шестьдесят долларов из кожаного кисета, сложив монеты стопкой перед Фицджеральдом. Джон подвинул стопку в десять долларов к центру стола.

Дилер сдал карту лодочнику и по три Фицджеральду с лейтенантом. Фицджеральд взял карты. Семёрка... Валет... Тройка. *Вот дерьмо!* Джону не удалось сохранить бесстрастное выражение лица. Подняв глаза, он увидел, что лейтенант пристально смотрит на него. Уголок рта лейтенанта насмешливо подергивался.

Ах ты ублюдок. Фицджеральд подтолкнул оставшиеся деньги в

центр стола.- Поднимаю на пятьдесят долларов.

Лодочник присвистнул и бросил карты на стол.

Взгляд лейтенанта медленно перешел от кучки монет в центре к Фицджеральду. - Это целая куча денег, мистер... как вас там, Фитцпатрик?

Фицджеральд едва сдерживался.- Фицджеральд.

- Ах, да. Простите, Фицджеральд.

Фицджеральд смерил лейтенанта взглядом. *Он спасует - пороку не хватит.*

Лейтенант держал карты в одной руке, а другой барабанил по столу. Он наморщил губы, отчего его усы опустились еще ниже. Лейтенант раздражал Фицджеральда, в особенности его взгляд.

- Принимаю вашу ставку, - произнёс лейтенант.

У Фицджеральда засосало под ложечкой. Лицо его напряглось, когда он вскрыл пару тузов.

- Пара тузов, - сказал лейтенант. - Что ж, они побили бы мою пару, - он бросил на стол пару троек. - Да вот только у меня ещё одна, - лейтенант кинул на стол третью. - Полагаю, вы закончили сегодняшний вечер, мистер Фитц-как вас там, если только добрый маркитант не купит ваше маленькое каноэ,- лейтенант потянулся к груде монет в центре стола.

Фицджеральд выхватил с пояса разделочный нож и вонзил его в руку лейтенанта. Тот завопил, когда нож прибил руку к столу. Фицджеральд схватил бутылку виски и разбил её о голову несчастного лейтенанта.

Он уже собирался вогнать разбитое горлышко лейтенанту в глотку, как два солдата внезапно схватили его сзади и повалили на пол.

Ночь Фицджеральд провел в караулке. Наутро он предстал в кандалах перед майором в большой столовой, которую приспособили под зал суда.

Майор пустился в пространные, высокопарные и утомительные речи, которых Фицджеральд не понимал. Тут же находился и лейтенант, держа руку на окровавленной перевязи. Майор

допрашивал лейтенанта примерно полчаса. Затем он допросил маркитанта, лодочника и трёх других свидетелей из бара. Фицджеральд находил всю процедуру комичной, поскольку не намеревался отрицать, что пырнул лейтенанта ножом.

Спустя час майор приказал Фицджеральду подойти к судейскому столу, которым, как понял Фицджеральд, являлся стол, за которым сидел майор.

Майор вынес приговор.- Военно-полевой суд признает вас виновным в нападении. Вы можете выбрать из двух видов наказаний - пять лет тюрьмы или три года службы в армии США. В этом году дезертировала четвёртая часть личного состава гарнизона. Майор пользовался любой возможностью пополнить ряды своих войск.

Для Фицджеральда выбор был очевиден. Он уже видел караулку. Нет сомнений, что он оттуда сбежит. Но служба в армии - куда более легкий способ сбежать.

Позже в тот же день Джон Фицджеральд поднял правую руку и принес присягу на верность Конституции Соединенных Штатов Америки как новобранец шестого пехотного полка армии США. До тех пор, пока не подвернется возможность побега, Форт-Аткинсон будет его домом.

Хью Гласс привязывал к лошади тюк, когда увидел, что к нему через двор направляется Джим Бриджер. До сих пор мальчишка старательно его избегал. Но сейчас как походка, так и его взгляд были тверды. Гласс бросил свое занятие и смотрел на приближающегося парнишку.

Подойдя к Глассу, Бриджер остановился.- Я хочу, чтобы ты знал, я сожалею о содеянном, - он сделал паузу, прежде чем добавить: - Я хотел, чтобы ты это знал, прежде чем уедешь.

Гласс открыл было рот, но остановился. Он постоянно думал, подойдет ли к нему Бриджер. Хью даже думал о предстоящих словах мальчишки, отрепетировал в уме длинную лекцию. Но сейчас, когда он смотрел на него, тщательно продуманные слова ускользнули. Хью испытал неожиданное чувство, странную смесь жалости и уважения.

Наконец Гласс просто сказал.- Иди своей дорогой, Бриджер.

И повернулся к лошади.

Час спустя Хью Гласс и три его спутника выехали из форта Бигхорн, направившись к Паудеру и Платту.

Глава двадцать третья

6 марта 1824 года

Последние лучи солнца держались только на вершинах самых высоких холмов. Гласс наблюдал, как они таяли. Эту интерлюдия, переход от дневного света к ночной тьме, он почитал так же свято, как воскресенье. Закатившееся солнце унесло с собой всю суровость равнины. Стих завывающий ветер и воцарилась безмятежная тишина, казавшаяся невообразимой для такого простора. Цвета тоже поменялись. Яркие дневные краски смешались и расплылись, смягченные нежными тонами сгущающейся пурпурной палитры.

Игра красок царила в столь необъятном просторе, что казалась божественной. И если Гласс верил в бога, то тот, несомненно, пребывал в этой обширной восточной равнине. Не физически, а как идея, нечто за пределами способностей человека к понимаю, нечто большее.

Тьма сгустилась, и Гласс наблюдал, как появились звезды. Поначалу тусклые, они ярко засияли, как сигнальные огни маяка. Немало лет утекло с тех пор, как Хью изучал звезды, но уроки старого голландского капитана по-прежнему хранились в его сознании.- Если знаешь звёзды, то у тебя всегда под рукой компас.

Гласс отыскал Большую Медведицу, проследовал за ней к Полярной звезде. Затем нашел Орион, господствующий на восточном горизонте. Орион - охотник, и его несущий возмездие меч занесен для удара.

Тишину нарушил Рэд.- Второй дозор твой, Кабан. Рэд тщательно следил за распределением обязанностей.

Кабан не нуждался в напоминании. Он натянул одеяло на голову

и закрыл глаза.

Этой ночью они остановились в сухом овраге, рассекавшем долину, как огромный шрам. Его промыла вода, но не мягкие, питающие почву дожди. Вода приходила в горную равнину вместе с осенними паводками или крупными каплями летней грозы.

Не привыкшая к влаге почва не могла её впитать. В этом месте вода не питала землю, а уничтожала её.

Кабан был уверен, что лишь недавно заснул, когда его разбудили настойчивые толчки ноги Рэда.- Вставай, - сказал Рэд. Кабан закричал и присел, прежде чем подняться. Яркая полоска Млечного Пути разлилась на полуночном небе белой рекой. Кабан глянул ввысь, с одной лишь мыслью, что безоблачное небо принесет мороз. Он натянул на плечи одеяло, подобрал винтовку и побрел к нижнему концу оврага.

Из зарослей полыни за сменой часовых наблюдали два шошона. Мальчики. Маленький Медведь и Кролик, двенадцатилетние подростки, забравшиеся сюда не ради славы, а ради дичи. Но теперь перед ними открылся путь к славе в образе пяти лошадей. Мальчики представили себе, как примчатся на них в деревню. Представили костры и празднования, которыми отметят их подвиг. Представили истории, в которых расскажут о своем бесстрашии и отваге. Наблюдая за оврагом, они не могли поверить в свою удачу, хотя близость подвернувшейся возможности наполняла их как страхом, так и возбуждением.

Он прождали до последнего предрассветного часа, надеясь, что внимание часового ослабнет. Мальчики не ошиблись. Они услышали громкий храп и вылезли из зарослей полыни. Пробираясь по оврагу, они позволили лошадям рассмотреть себя и привыкнуть к запаху. Лошади беспокоились, но молчали, прядая ушами и наблюдая за осторожно приближающимися мальчишками.

Когда мальчики добрались до лошадей, Маленький Медведь медленно протянул руку и принялся гладить длинную шею ближней лошади, успокоительно шепча. Кролик последовал его примеру. Несколько минут они гладили лошадей, успокаивая их. Затем

Маленький Медведь выхватил нож и начал резать путы, которыми были стреножены лошади.

Мальчики освободили уже четыре лошади из пяти, как вдруг услышали, что часовой пошевелился. Они замерли. Каждый приготовился вскочить на лошадь и умчаться. Мальчики не отрываясь смотрели на тёмный силуэт часового, и, похоже, тот вновь улегся. Кролик яростно закивал Маленькому Медведю: - *Пошли!*

Маленький Медведь решительно покачал головой, указав на пятую лошадь. Он подошел к ней и принялся за путы. Нож притупился, и ему понадобилось немало времени, чтобы перепилить путы из скрученной кожи. С нарастающим отчаянием и волнением Маленький Медведь сильно дернул ножом. Кожа лопнула, и рука мальчика по инерции пролетела вперед. Медведь локтем ударился в лошадь, которая в ответ громко заржала.

Звук разбудил Кабана. Пошатываясь, он поднялся на ноги, широко распахнув глаза, и побежал к лошадям со взведённой винтовкой в руках. Заметив перед собой тёмный силуэт, Кабан остановился и замер, удивленный тем, что это всего лишь мальчишка. Кролик выглядел не более свирепым, чем давший ему имя зверек - округлившиеся глаза и тощие руки. В одной руке он сжимал нож, а в другой - обрывок веревки. Кабан смешался, не зная, как поступить. Он должен был охранять лошадей, но стоящий перед ним мальчик не выглядел опасным даже с ножом. Наконец, Кабан вскинул винтовку и крикнул:- Стой!

Маленький Медведь в ужасе смотрел на развернувшуюся перед ним сцену. До этого вечера ему никогда не доводилось видеть бледнолицего, а этот не был похож даже на человека. Он был огромен, с грудью как у медведя, а лицо покрывала густая борода. Свирепо крича, гигант подошел к Кролику, нацелив в него винтовку. Даже не задумавшись, Маленький Медведь метнулся к гиганту и вонзил ему в грудь нож.

Кабан заметил движение сбоку, прежде чем почувствовал нож. Он ошарашенно застыл. Тут же находились Маленький Медведь и Кролик, всё еще до ужаса напуганные стоящим перед ними

человеком. Внезапно ноги Кабана подкосились, и он рухнул на колени, машинально нажав на спусковой крючок. Винтовка выстрелила, но пуля, не причинив никому вреда, устремилась в небо.

Кролик сумел схватить лошадь за гриву и вскочил ей на спину. Он завопил на Маленького Медведя, который, бросив прощальный взгляд на умирающего гиганта, вскочил на лошадь позади товарища. Мальчики не смогли сдержать лошадь, и та галопом понеслась впереди остальных пяти лошадей, помчавшихся по равнине.

Прибывшие на место Гласс и остальные увидели лишь, как лошади растворились в ночи. Кабан по-прежнему стоял на коленях, прижимая руки к груди. Он завалился набок.

Гласс склонился над Кабаном, убрав его руки от раны, и задрал рубашку. Трое мужчин мрачно уставилось на алый порез прямо над сердцем. Кабан поднял взор на Гласса, в его глазах застыли мольба и страх.

- Вылечи меня, Гласс. Хью взял большую руку Кабана и сжал её. - Не думаю, что смогу, Кабан.

Кабан закашлялся. Тело его затряслось, как большое дерево перед тем, как упасть.

Здоровяк в последний раз вздохнул и умер под яркими звездами, освещающими равнину.

Глава двадцать четвертая

7 марта 1824 года

Хью Гласс вонзил нож в землю. Лезвие вошло на дюйм и уткнулось в мёрзлую землю. Гласс ковырялся почти час, пока Рэд не заметил.- В такой земле не выкопать могилу.

Гласс уселся на землю, скрестив под собой ноги и тяжело дыша после копания в земле.- Я бы управился быстрее, если бы ты мне помогал.

- Я бы помог - да только не вижу нужды рыть лед.

Чэпмэн оторвался от антилопьего бока и добавил:- Для Кабана большая яма нужна.

- Можем устроить ему погребальный помост, вроде тех, на которых сжигают индейцев, - предложил Рэд.

Чэпмэн фыркнул.- И чем же ты собираешься развести огонь - полынью?Рэд огляделся, словно впервые заметил безжизненную равнину. - Кроме того, - продолжил Чэпмэн, - Кабан слишком тяжел, чтобы водрузить его на помост.

- Что если просто похоронить его под грудой камней? Эта идея имела смысл, и они битый час искали камни. Но удалось найти лишь с десятков камней. Да и то большую часть пришлось выковыривать из той мерзлой земли, которая не позволяла вырыть могилу.

- Да ими только если голову покроешь, - протянул Чэпмэн.

- Ну, - сказал Рэд. - Я бы и забросал ими голову, чтобы хоть сороки не выклевали глаза.

Рэд и Чэпмэн удивились, когда Гласс внезапно встал и удалился.

- Куда это он отправился? - спросил Рэд. - Эй! - окликнул он Гласса.

- Куда ты? Гласс не обратил на них внимания и направился к небольшому плоскому холму в четверти мили от лагеря.

- Надеюсь, шошоны не вернутся в его отсутствие. Чэпмэн согласно кивнул. - Давай разведём костер и поджарим антилопу.

Гласс вернулся через час. - В основании холма есть небольшая пещера, - сказал он. - Достаточно большая для Кабана.

- Пещера? - удивился Рэд. Чэпмэн на мгновение призадумался. - Что ж, думаю, для Кабана это будет чем-то вроде склепа.

Гласс посмотрел на них и произнес: - Это лучшее, что мы можем для него сделать. Погасите костер и займёмся погребением.

Для сооружения носилок не нашлось подручных материалов, к тому же Кабан был слишком тяжел, чтобы его нести. В конце концов они уложили его животом на одеяло и потащили к холму. Двое попеременно тянули Кабана, пока третий нес четыре винтовки. Они старались, как могли, обходя кактусы и юкку, которые усеивали местность. Дважды Кабан свалился, его окоченевшее тело приземлилось скорбным нескладным комком.

Понадобилось полчаса, чтобы донести его до холма. Они перевернули Кабана на спину, накрыли его одеялом и принялись собирать камни, которые теперь имелись в изобилии, чтобы запечатать рукотворный склеп. Расселина в песчанике уходила вглубь на пять футов и на два фута в высоту. Прикладом винтовки Кабана Гласс расчистил щель. Похоже, здесь когда-то обитали звери, но теперь не было никаких признаков их проживания.

Они набрали большую грудку отвалившегося песчаника, даже больше чем им требовалось, и, похоже, не решались перейти к финальной стадии. Наконец Гласс бросил камень в кучу и сказал: - Достаточно. Он подошел к телу Кабана, а остальные помогли ему подтянуть мертвеца ко входу в рукотворный склеп. Там они положили тело и устали на него.

Честь произнести надгробную речь выпала Глассу. Он снял шапку, и остальные быстро последовали его примеру, словно смутившись от этого напоминания. Гласс кашлянул. Он пытался подобрать слова из библейского стиха про долину смерти, но не

помнил его полностью. Наконец, он решил, что лучше будет прочитать "Отче наш". Он постарался произнести его твердым голосом. Рэд и Чэпмэн давно уже не читали молитв, но бормотали вслед за Глассом, каждый раз, когда из глубин памяти всплывала отдельная фраза.

Когда они закончили, Гласс произнес:- Винтовку Кабана будем нести по очереди, - затем он нагнулся и снял нож с пояса Кабана. - Рэд, похоже, нож тебе пригодится. Чэпмэн - тебе его пороховой рожок.

Чэпмэн благоговейно принял рожок. Рэд вертел в руке нож. Блеснув улыбкой, он заявил:- Отличный нож.

Гласс нагнулся и снял небольшой мешочек, который Кабан носил на шее, высыпав его содержимое на землю. Наружу выкатились кремёнь с кресалом, несколько пуль, пыжей и изящный оловянный браслет. Хью удивился наличию у здоровяка такой странной вещи. *Что связывало изящную безделушку с Кабаном? Мертвая мать? Покинутая возлюбленная?* Они никогда это не узнают, и эта унесенная в могилу тайна навеяла грустные мысли о его собственных сувенирах.

Гласс извлёк кремёнь с кресалом, пули и пыжи и забросил их к себе в ягдташ.

Луч солнца сверкнул на браслете. Рэд потянулся к нему, но Гласс схватил его за запястье.

Глаза Рэда обиженно вспыхнули.- Ему он больше не понадобится.

- Тебе тоже. Гласс вернул браслет в сумку Кабана и приподнял ему голову, подложив сумку под шею.

На завершение склепа у них ушел ещё один час. Им пришлось согнуть Кабану ноги, чтобы тот поместился. Между Кабаном и стенами норы почти не осталось места, чтобы накрыть его одеялом. Гласс постарался плотно накрыть тканью лицо мертвеца. Затем они набросали камни, закрыв вход в склеп. Гласс положил последний камень, подобрал винтовку и побрёл прочь. Рэд и Чэпмэн мгновение смотрели на построенную каменную стену и поплелись вслед за

Глассом.

Они шли вниз по течению Паудера, передвигаясь вдоль горного склона, пока река круто не свернула на восток. Тут Гласс со спутниками обнаружили ручей, бежавший на юг, и они следовали вдоль него, пока тот не иссяк, исчезнув в засушливых равнинах самой неприветливой местности, которую им когда-либо доводилось пересекать. Они держали курс на невысокую гору с плоской, как стол, вершиной. Перед этой горой несла свои глубокие и широкие воды река Норт-Платт.

На следующий день после того, как они достигли Платта, начался ураган, и температура стала резко падать. Незадолго до полудня тяжелые тучи наполнили воздух крупными хлопьями снега. Воспоминания Гласса о метели на Йеллоустоуне были еще свежи, и на этот раз он не желал рисковать.

Они остановились возле полосы тополей. Рэд и Чэпмэн соорудили грубый, но прочный навес, а Гласс тем временем пристрелил и освежевал оленя.

Ближе к вечеру по всей долине Норт-Платта уже вовсю бушевала метель. Высокие тополя скрипели при порывах завывающего ветра, и вокруг трапперов быстро вырастали сугробы снега, но их навес держался. Гласс и его спутники завернулись в одеяла и поддерживали огромный костер перед навесом. От большой груды алеющих поленьев исходило тепло, державшееся всю ночь. Они поджарили на костре дичь, и горячая пища согревала их изнутри. За час до рассвета ветер начал стихать, и к восходу непогода улеглась. Солнце поднялось над такой однородно белоснежной землей, что им приходилось зажмуриваться от сверкающих солнечных бликов.

Гласс отправился на разведку вниз по течению, пока Рэд с Чэпмэном разбирали лагерь. Гласс с трудом пробирался сквозь сугробы. Тонкий наст на снегу на мгновение выдерживал шаг, но затем нога провалилась и увязала в сугробе. Некоторые из сугробов доходили до трех футов в высоту. Хью полагал, что под мартовским солнцем снег растает через день-два, но до этого замедлит их

продвижение. Гласс опять выругался из-за потери лошадей. Он гадал, стоит ли подождать и использовать заминку, чтобы запастись вяленным мясом.

Добрый запас вяленого мяса облегчит им ежедневное пропитание. И, конечно же, чем быстрее они будут передвигаться, тем лучше. Огромное число индейских племен считало Платт своими охотничьими угодьями: шошоны, шайенны, пауни, арапахо [\[42\]](#), сиу. Некоторые племена могут оказаться мирными, но смерть Кабана явно указывала на опасность.

Гласс взобрался на небольшой холм и встал, как вкопанный. В ста ярдах перед ним собралось небольшое стадо бизонов приблизительно в пятьдесят голов, сбившись в круг после недавней борьбы с метелью. Бык-вожак незамедлительно его заметил. Бизон повернулся к стаду, и огромная масса животных пришла в движение, бросившись врассыпную.

Гласс припал на колени и вскинул к плечу винтовку. Прицелившись в жирную телку, он выстрелил. Хью увидел, что от выстрела корова пошатнулась, но устояла на ногах. *Недостаточно пороха для такого расстояния.* Он удвоил заряд, перезарядив винтовку за десять секунд. Поймав в прицел ту же корову, Гласс спустил курок.

Та повалилась в снег.

Он окинул взглядом горизонт, пока прочищал шомполом ствол. Когда он вернулся к стаду, Гласса удивило, что оно осталось в пределах выстрела, ведь животные не стояли на месте. Он видел, как впереди стада метался бык. Бизон рывками двигался вперед, по грудь увязая в глубоком снегу. Они едва могли передвигаться.

Гласс гадал, стоит ли ему пристрелить еще одну корову или теленка, но быстро пришел к мысли, что мяса у них более, чем достаточно. Какая жалость, подумал он. Я бы мог с дюжину пристрелить, если б захотел.

И тут его осенило, и Гласс удивился, почему же эта мысль не пришла к нему раньше. Он подобрался к стаду на сорок ярдов,

прицелился в самого большого быка и выстрелил. Затем Хью перезарядил и быстро свалил очередного быка. Внезапно за ним раздалось два выстрела. На снег упал теленок, и обернувшись, Гласс заметил Чэпмэна и Рэда.- Йииихааа! - завопил Рэд.

- Только быков! - прокричал Гласс.

Рэд и Чэпмэн шли рядом с ним, лихорадочно перезаряжая. - С чего это? - удивился Чэпмэн. - У телят мясо понежней.

- Мне шкуры нужны, - произнес Гласс. - Мы сделаем бычью лодку.

Спустя пять минут на снегу в долине лежали одиннадцать мёртвых быков. Их было больше, чем требовалось, но Рэд с Чэпмэном слегка увлеклись стрельбой. Гласс с силой забивал шомпол в ствол. Пороховой нагар загрязнил ствол. Только когда Гласс зарядил винтовку и подсыпал порох на затравку, он подошел к ближайшему быку. - Чэпмэн, взберись на эту гряду и осмотришься. Мы тут порядочно нашумели. Рэд, пора пустить в ход твой новый разделочный нож.

Гласс приблизился быку. В остекленевшем глазу животного блеснула последняя искорка жизни, пока его кровь растекалась на снегу. От быка Гласс перешел к корове. Он извлек нож и перерезал ей горло. Только её они съедят, и Гласс хотел удостовериться, чтобы кровь должным образом стекла. - Иди сюда, Рэд. Будет проще, если мы разделаем их вместе. Они перевернули корову набок, и Гласс сделал продольный разрез на брюхе. Рэд оттягивал шкуру, пока Хью отделял её от туши. Шкуру они уложили мехом на снег и принялись отделять лучшие куски: язык, печень, горб и филе. Мясо они бросили на шкуру и перешли к быкам.

Вернулся Чэпмэн, и Гласс загрузил работой и его.- Из каждой шкуры нам надо вырезать квадраты побольше, так что не кромсай их.

Руки Хью покраснели до самых плеч. Рэд оторвался от большой туши перед собой. Стрелять быков было весело, разделывать же их оказалось чертовски сложно.- Почему бы нам просто не соорудить плот? - пожаловался он. - Вдоль реки до черта деревьев.

- Платт слишком мелкий, в особенности в это время года.

Кроме обилия строительного материала, большое преимущество бычьей лодки было в её осадке - она едва достигала девяти дюймов. Горные потоки, которые затопят берега, придут еще нескоро. Ранней весной Платт едва струился.

К полудню Гласс отослал Рэда назад в лагерь, развести костер для вяления мяса. За собой Рэд потащил по снегу шкуру коровы с отборными кусками. У быков они вырезали языки, но в остальном их заботили только шкуры.- Поджарь печень и парочку языков на вечер, - прокричал Чэпмэн.

Свежевание быков было первым шагом из многих. Из каждой шкуры Гласс с Чэпмэном вырезали квадрат как можно большего размера - им нужны были ровные края. Толстый зимний мех быстро притуплял лезвия, вынуждая время от времени останавливаться и точить ножи. Когда они закончили, им пришлось сделать три рейса, чтобы перенести шкуры в лагерь. К тому времени, когда они уложили последнюю шкуру на поляну возле лагеря, на Норт-Платте уже весело плясали отблески молодой луны.

К чести Рэда, он потруился на славу. В прямоугольных ямах горело три низких костра. Все мясо разрезали на тонкие полоски и подвесили на ивовых козлах. Рэд лакомился мясом с самого полудня, и запах жаркого был восхитителен. Гласс с Чэпмэном набивали рот сочным мясом, кусок за куском. Они пировали не один час, довольные не только обилием еды, но и отсутствием ветра и холода. Казалось невообразимым, что всего лишь прошлой ночью они прятались от метели.

- Ты когда-нибудь делал бычьи лодки? - вдруг спросил его Рэд.

Гласс кивнул.- Пауни плавали на них по Арканзасу. Придется повозиться, но в принципе ничего сложного - каркас из прутьев, обтянутый кожей, как большая чаша.

- Не могу понять, как она будет держаться на плаву.- Когда подсохнет, кожа обтянет каркас, как барабан. Просто придется каждое утро конопатить швы.

На постройку бычьих лодок у них ушла неделя. Гласс предпочел две лодки поменьше вместо одной большой. Прижавшись потеснее,

они все могли уместиться в одной. Кроме того, маленькие лодки были легче и могли с легкостью плыть в любых водах не более фута в глубину.

Первый день они провели, отделяя сухожилия от туш и в сооружая каркасы для лодок. Планширь лодок они сделали из больших веток тополя, согнув их кольцом. От планширя пошли вниз, делая все меньшие кольца. Между кольцами пустили вертикальные стойки из веток ивы, связав сухожилиями.

Больше всего времени ушло на работу со шкурами. На каждую лодку они употребили шесть шкур. Их сшивание занимало много времени. Отверстия в шкурах они проделывали ножами и плотно сшивали их сухожилиями. Когда они закончили, то получили два гигантских квадрата, каждый состоял из четырёх попарно сшитых шкур.

В середине каждого прямоугольника они уложили деревянные каркасы. Затем натянули шкуры через планширь мехом внутрь. Обрезав излишки, сухожилиями подшили шкуры вдоль планширя. Закончив, перевернули лодки вверх дном, чтобы те подсохли.

Для конопачения лодок им потребовался очередной визит к мертвым бизонам в долину.- Иисусе, ну и вонь, - поморщился Рэд. Солнечная погода после метели растопила снег, и туши бизонов разложились. Сороки и вороны кишели над горой мяса, и Гласс беспокоился, что кружащие падальщики выдадут их присутствие. Но им не оставалось ничего другого, как закончить лодки и отбыть.

Они отделили жир с бизоньих туш и тесаками срезали полоски с копыт. Вернувшись в лагерь, они смешали прогорклый жир с водой и пеплом, медленно вываривая его над углями, так что он превратился в густую однородную массу. Котелок был маленьким, и на подготовку дюжины необходимых им порций ушло два дня.

Затем они обильно промазали смесью швы. Гласс присматривал за лодками, пока те подсыхали под мартовским солнцем. Холодный сухой ветер облегчал процесс. Своей работой Хью остался доволен.

Они отбыли на следующее утро: в одной лодке Гласс вместе с припасами, во второй Рэд с Чэпэменом. Понадобилось несколько

миль, чтобы приспособиться к неуклюжим лодкам, правя шестом из тополя вдоль берегов Платта, но лодки оказались устойчивыми.

Прошла неделя после метели - слишком долгое время, чтобы оставаться на одном месте. Но зато это был самый короткий путь до Форт-Аткинсона - пятьсот миль вниз по Платту. С помощью лодок они с лихвой окупят утерянное время, дрейфуя вниз по течению. *Двадцать пять миль в день?* При устойчивой погоде они доберутся до места в три недели.

Фицджеральд, должно быть, уже прошел Форт-Аткинсон, подумалось Глассу. Гласс представил его, прогуливающегося по форту вместе с Анстадтом. Какую же ложь он плетет, чтобы объяснить свое присутствие? Одно Гласс знал наверняка - Фицджеральд не проскользнет незамеченным. Не много белых спускаются вниз по Миссури зимой. Гласс представил шрам Фицджеральда в форме рыболовного крючка. Человек вроде него бросается в глаза. С чутьём безжалостного хищника, Гласс понимал, что жертва находится где-то впереди, всё ближе и ближе с каждым уходящим часом. Гласс отыщет Фицджеральда, потому что никогда не обретет покой, пока не найдет его.

Гласс упёр длинный шест в дно Платта и оттолкнулся.

Глава двадцать пятая

28 марта 1824 года

Платт мерно нес Гласса с его спутниками вниз по течению. Два дня река змеилась на восток вдоль серых подножий низких гор. На третий день она резко свернула на юг. Показался заснеженный пик, возвышающийся над остальными, как голова над широкими плечами. Некоторое время казалось, что они плывут напрямиком на пик, но затем Платт вновь свернул, в конечном счёте взяв юго-восточное направление.

Плыли они быстро. Лишь изредка встречные ветра замедляли продвижение, но большую часть времени дул попутный восточный ветер. Запас вяленого бизоньего мяса избавил их от необходимости охотиться. Когда они останавливались на ночлег, перевернутые бычьи лодки служили неплохим укрытием. Каждое утро уходил час на то, чтобы проконопатить швы лодок тем запасом, что они везли с собой. В остальном же они могли проводить каждый час дневного света на воде, плывя к Форт-Аткинсону без особых усилий. Гласс был признателен реке за её работу.

Настало утро пятого дня путешествия на лодках. Гласс наносил жир, когда в лагерь, спотыкаясь, вбежал Рэд.- Там за холмом индеец! Воин верхом на лошади!

- Он видел тебя?

Рэд энергично замотал головой.- Не думаю. Там ручей, похоже, что он проверял капканы.

- Ты разобрал племя? - спросил Гласс.

- Выглядел как ри.

- Вот дерьмо! - вскричал Чэпмэн. - Какого чёрта ри делают на

Платте?

Гласс не был уверен в достоверности слов Рэда. Он сомневался, что арикара зайдут так далеко от Миссури. Скорее всего, Рэд видел шайенна или пауни.- Давайте взглянем, - специально для Рэда он добавил: - Никому не стрелять раньше меня.

Приблизившись к вершине холма, Гласс и его друзья поползли на карачках, держа винтовки в согнутых руках. Снег давно уже растаял, поэтому они пробирались среди зарослей полыни и сухих островков бизоновой травы.

С вершины холма они заметили всадника, вернее, его спину. Индеец ехал вниз по Платту в полумиле от них. Трапперы едва смогли различить лошадь, пегого скакуна. Определить племя не было возможности, но достаточно и того, что индейцы близко.

- Ну и что нам теперь делать? - протянул Рэд. - Он не один. И вы знаете, что они наверняка расположились неподалеку от реки.

Гласс бросил на него сердитый взгляд. Рэд обладал поразительным чутьем на неприятности, но был совершенно беспомощен в поисках выхода из них. И все-таки он скорее всего прав. Те несколько ручьев, что они миновали, слишком малы. Любой индеец в округе будет держаться поближе к Платту, встав у них на пути. *Но что еще им оставалось делать?*

- Выбор у нас небольшой, - произнес Гласс. - Один из нас останется в дозоре у берега, пока мы будем пересекать открытое пространство.

Рэд принялся было что-то бормотать, но Гласс резко его оборвал.- Со своей лодкой я и один управлюсь. Вы вольны идти куда хотите, но я собираюсь спуститься вниз по реке. Он повернулся и пошёл к лодкам. Рэд с Чэпмэном бросили долгий взгляд на удаляющегося всадника и последовали за Глассом. Хью полагал, что за два дня плавания они покрыли сто пятьдесят миль. Когда они добрались до поворота Платта, Гласс подумывал переждать ночь, чтобы пройти стремнину при лучшем освещении, но на реке негде было пристать.

Окружавшие реку холмы заставляли её сужаться, в и этом месте

воды были глубокими и быстрыми. Поваленные тополя на северном берегу частично рухнули в реку, образовав непроходимые дебри. Лодка Гласса шла впереди другой на десять ярдов. Течение несло его прямоком на поваленное дерево. Он погрузил шест, чтобы отвернуть. *Дна нет!*

Течение стало быстрее, и выступающие ветви тополя выскочили внезапно, как копья. Один удар, и лодка потонет. Гласс приподнялся на колено и оперся второй ногой в борт. Он поднял шест, стараясь найти место, куда его упереть. Хью заметил ровное место на стволе и выбросил шест вперед. Шест зацепился. Гласс вложил все свои силы, чтобы развернуть неуклюжее суденышко против течения. Он услышал, как в борт ударил поток воды, когда течение приподняло корму, поворачивая лодку вокруг дерева.

Гласс повернулся, заметив Рэда с Чэпмэном. Оба приготовились к удару, неосторожно качнув лодку. Когда Рэд поднял шест, то чуть не разбил лицо Чэпмэну.- Осторожней, идиот! Чэпмэн уткнул шест в ствол тополя, пока течение с силой давило в корму. Рэд наконец-то разобрался со своим шестом и зацепил им ветки.

Оба боролись с рекой, а потом низко пригнулись, когда течение пробросило их под полузатопленным деревом. Рубашка Рэда зацепилась за ветку, потащив её за собой. Рубашка порвалась и ветка выпрямилась, угодив Чэпмэну в глаз. От жгучей боли он закричал и выронил шест, схватившись за лицо.

Гласс продолжал смотреть назад, пока течение проносило обе лодки мимо холма, ведя их к южному берегу. Чэпмэн стоял на коленях на дне лодки, опустив лицо и прижимая ладонь к глазу. Рэд смотрел ниже по течению, мимо Гласса и его лодки. Хью заметил, как взгляд Рэда наполнился ужасом. Рэд бросил шест, схватив винтовку. Гласс резко повернулся и посмотрел вперед.

На южном берегу Платта, менее чем в пятидесяти ярдах, стояли пара десятков вигвамов. Возле воды возились ребяташки. Они заметили лодки и принялись кричать. Гласс увидел, как два индейца возле костра вскочили на ноги. Хью слишком поздно осознал, что Рэд был прав. *Арикара!* Течение несло обе лодки прямоком на лагерь.

Гласс услышал выстрел, когда люди на берегу схватили оружие и помчались к высокому берегу, нависавшему над рекой. Хью в последний раз ткнул шестом и схватил винтовку.

Рэд выстрелил, и индеец повалился наземь.- Что происходит? - закричал Чэпмэн, пытаюсь что-то разглядеть здоровым глазом.

Рэд собрался было что-то сказать, как вдруг почувствовал жжение в животе. Он глянул вниз и увидел, что из отверстия в рубашке хлещет кровь. - Дерьмо, Чэпмэн, меня подстрелили! Он в панике поднялся, разорвав рубашку, чтобы осмотреть рану. Почти сразу же в него попало два выстрела, откинув назад. При падении ноги Рэда зацепились за планширь, погрузив борт лодки в стремительное течение. Вода перехлестнула через планширь, и лодка перевернулась.

Полуослепший Чэпмэн внезапно оказался под водой, студеные воды реки обожгли его. На мгновение ему показалось, что течение замедлилось, и Чэпмэн с трудом разобрал смертельные события, развернувшиеся вокруг него. Здоровым глазом он заметил тело Рэда, относимое течением, его кровь тянулась следом, как густые чернила, а потом услышал всплеск ног, устремившихся к нему от берега. *Они идут за мной!* Ему нужен был глоток воздуха, но Чэпмэн с ужасающей уверенностью знал, что ожидает его на поверхности.

Наконец он не выдержал. Его голова показалась на поверхности, и Чэпмэн судорожно глотнул воздуха. Второго вдоха он так и не сделал. Его зрение ещё не восстановилось, и Чэпмэн так и не увидел занесённого томагавка.

Гласс навел винтовку на ближайшего арикара и выстрелил. Он с ужасом смотрел, как несколько индейцев бросились в воду и зарубили Чэпмена, когда тот вынырнул. Тело Рэда одиноко плыло вниз по течению. Внезапно Гласс услышал дикий вопль и схватил винтовку Кабана. Огромный индеец метнул с берега копье. Гласс инстинктивно пригнулся. Копье пробило борт лодки, застряв в ребре второго. Гласс выглянул из-за планширя и выстрелил, убив здорового индейца на берегу.

Он заметил движение и перевел взгляд на отмель. Всего в

двадцати футах, выстроившись в смертельные клещи, стояли три арикара. *Они не промахнутся.* Гласс бросился в воды Платта, и одновременно с этим прозвучали три выстрела.

Секунду он пытался удержать винтовку, но тут же отпустил её. От идеи спастись бегством вниз по течению Гласс отказался. Он уже окоченел в ледяной воде. Кроме того, арикара уже скоро окажутся в седле, может, они уже верхом. А лошадь легко сможет обойти змеящиеся воды Платта. Чтобы спастись, необходимо как можно дольше оставаться под водой и добраться до противоположного берега. Отдели их от себя рекой и поищи укрытие. Он с силой оттолкнулся от дна и поплыл, заработав руками.

В середине река углублялась, вода накрывала с головой. Неожиданный всплеск разрезал воду перед Глассом, и он понял, что это стрела. Воду вспенивали и пули, которые, как злобные осы искали его. Они меня видят! Гласс попытался заплывать поглубже, но его грудь уже сжало от недостатка воздуха. *Что на противоположном берегу?* Ему так и не удалось бросить на него взгляд с самого начала заварушки. *Надо сделать вдох!* Он поплыл к поверхности.

Гласс вырвался на поверхность и услышал стаккато выстрелов. Он сжался, делая вздох и ожидая, что пуля войдет в череп. Вокруг с плеском падали стрелы и пули, но ни одна его не задела. Прежде чем вновь погрузиться под воду, Гласс бегло осмотрел северный берег. Увиденное придало ему сил. Почти сорок ярдов река бежала вдоль песчаной банки. Укрытия не было, если он там вылезет, то его пристрелят. Но в самом конце песчаной банки воды реки лизали низкий, заросший травой берег. Это его шанс.

Гласс глубоко нырнул и поплыл, течение помогало ему. Он решил, что уже видит конец песчаной банки сквозь мутную воду. *Тридцать ярдов.* Воду прорезали пули и стрелы. *Двадцать ярдов.* Гласс круто вильнул к берегу, лёгкие горели от недостатка воздуха. *Десять ярдов.* Ноги Гласса коснулись дна, но он остался под водой. Страх пред ружьями арикара был сильнее нехватки воздуха. Когда вода стала слишком мелкой, чтобы оставаться под водой, Гласс

поднялся, с всхлипом втянув воздух, и нырнул в густую траву у берега. Острая боль пронзила ему ногу, но он стерпел, забравшись в густые заросли ивняка.

Он оглянулся из своего временного укрытия. Четыре всадника понукали лошадей перейти реку. У берега стояло с полудюжину индейцев, указывавших на ивняк. Ему бросилось в глаза движение выше по течению. Два арикара вытаскивали на берег труп Чэпмэна. Гласс развернулся, чтобы спастись бегством, но острая боль пронзила ногу. Глянув вниз, он заметил торчащую из голени стрелу. Кость она не задела. Он схватил стрелу и, скривившись, резким движением выдернул её. Гласс отбросил стрелу и пополз вглубь ивняка.

Тут Глассу впервые улыбнулась удача в лице своенравной молодой кобылы, первой из четырёх лошадей, вошедших в реку. Яростно хлещущий лошадь всадник заставил её войти на мелководье, но она заартачилась, когда дно ушло из под копыт и ей пришлось плыть. Лошадь со ржанием мотала головой и, не обращая внимания на натянутые поводья, упрямо повернулась к берегу. У трёх остальных лошадей тоже имелись возражения против холодной воды, и они с радостью последовали за кобылой. Заупрямившиеся животные сбились в кучу, мешая Платт копытами, и сбросили двух наездников в реку.

Но пока всадники усмирили лошадей и силой загнали их в реку, драгоценные секунды утекли. Гласс пробрался сквозь ивняк, выйдя на песчаную насыпь.

Он взобрался на её вершину, откуда открылся вид на узкую тёмную протоку. Укрытые от солнечного света большую часть дня, неподвижные воды протоки замерзли, ледяную поверхность покрывал тонкий слой снега. На другом берегу протоки вторая крутая насыпь вела к зарослям ивняка и деревьям. *Туда.*

Гласс сполз вниз по склону и скатился на замерзшую протоку. Под тонким слоем снега скрывался лед. Мокасины Гласса заскользили, и он завалился навзничь, хлопнувшись на спину. Мгновение он ошеломленно лежал, уставившись в убывающий свет вечернего неба. Гласс перекатился набок и тряхнул головой, чтобы

прийти в себя. Раздалось лошадиное ржание, и Хью вскочил на ноги. На этот раз он осторожно перешел протоку и вскарабкался на противоположный берег. Влетев в кусты, он услышал за спиной топот копыт.

Четверо арикара стояли на вершине насыпи, вглядываясь вниз. Даже в тусклом свете на поверхности протоки четко выделялись следы. Первый всадник хлестнул своего коня. Тот ступил на лед и справился с ним не лучше Гласса. Вообще-то даже хуже, так как копытам лошади не за что было зацепиться. Лошадь дёрнулась и завалилась набок, придавив ногу всаднику. Всадник закричал от боли. Получив наглядный урок, трое оставшихся быстро спешились, продолжив погоню пешком.

Следы Гласса быстро затерялись в густом кустарнике, тянувшемся вдоль протоки. При дневном свете его можно было легко обнаружить. В своей отчаянной схватке за жизнь Гласс не обращал внимания на сломанные ветки или отпечатки ног, тянувшиеся за ним. Но сейчас оставалась лишь тусклая искорка света. Даже тени исчезли, слившись в бесформенную мглу.

Гласс услышал крик упавшего всадника и остановился. *Они на льду.* Похоже, что от всадников его отделяет пятьдесят ярдов кустарника. Гласс смекнул, что в сгущающейся тьме угроза таится не в том, что его увидят, а в том, что услышат. Прямо над Глассом высился большой тополь. Хью схватился за нижнюю ветку и подтянулся.

На высоте восьми футов от земли главные ветви дерева образовали широкую развилку. Гласс затаился, стараясь сдержать учащенное дыхание. Он потянулся к поясу, с облегчением нащупав рукоятку ножа. Там же висел и кисет с кремнем и кресалом внутри. Хотя его винтовка лежала на дне Платта, пороховой рожок по-прежнему висел на шее. Хотя бы с разведением огня проблем не будет. Мысли о костре напомнили о промокшей насквозь одежде и пронизывающем холоде реки. Тело начало непроизвольно трястись, и Хью старался унять дрожь.

Треснула ветка. Гласс взглянул вниз, на поляну. В кустах стоял

долговязый арикара, осматривая поляну, выискивая следы жертвы. В руке индеец держал длинный торговый мушкет, а у пояса болтался тесак. Гласс затаил дыхание, когда арикара вышел на поляну. Индеец держал винтовку наготове и медленно приближался к тополю. Даже в темноте Гласс ясно видел светившееся белым ожерелье из лосиных зубов на шее индейца и пару мерцающих на его запястьях браслетов. *Господи, не дай ему посмотреть вверх.* Сердце Гласса билось с такой силой, что казалось, вырвется из груди.

Индеец дошел до подножия тополя и остановился. Его голова оказалась не более, чем в десяти футах от Гласса. Воин вновь осмотрел землю и окружающие кусты. Первым побуждением Гласса было замереть в надежде, что воин пройдет мимо. Но пока он смотрел вниз, то начал оценивать другую возможность - убить индейца и забрать его винтовку. Гласс медленно потянулся к ножу. Он ощутил обнадеживающую знакомую рукоять ножа и медленно потянул его из ножен.

Гласс нацелился на горло индейца. Полоснуть ножом по артерии, и индеец не просто умрет, но и не пикнет. Ужасно медленно он подтянулся, напрягшись для броска.

Внезапно Гласс услышал тревожный шепот с края поляны. Взглянув, он заметив второго воина арикара, вышедшего из кустов с крепким копьём в руке. Гласс замер. Готовясь к прыжку, он выполз из-под скрывающей его развилки дерева. Лишь темнота прятала от охотящихся за ним воинов арикара то место, где он теперь висел.

Индеец прямо под ним обернулся, покачав головой и указывая на землю, а затем кивнул в сторону густого кустарника. В ответ другой что-то прошептал. Индеец с копьём подошел к тополю. Время, казалось, остановилось, пока Гласс пытался не потерять хладнокровия. *Крепись.* Наконец, индейцы сошлись в выборе направления и исчезли в проеме между кустами.

Гласс без движения просидел на тополе больше двух часов. Время от времени от слышал голоса своих преследователей и планировал дальнейшие шаги. Спустя час поляну пересек один из арикара, по-видимому, возвращаясь к реке.

Когда Гласс наконец спустился, то ощущение было таким, словно ноги напрочь отмерзли. Они онемели, и прошло несколько минут, прежде чем Гласс смог нормально ходить.

Эту ночь он переживет, хотя Гласс понимал, что арикара вернутся на рассвете. Он также знал, что при ярком солнечном свете кустарник не скроет ни его, ни его следов. Хью пробирался сквозь густые заросли, держась параллельно Платту. Облака скрывали луну, но зато поддерживали температуру выше нуля. Гласс так и не смог избавиться от озноба в своей мокрой одежде, но постоянное движение согревало кровь.

Спустя три часа он набрел на небольшой ручей. Прекрасно. Он вошел в воду, стараясь оставить несколько четких следов, указывавших на его продвижение вверх по ручью, в сторону от Платта. Он прошел более ста ярдов вверх по течению, пока не нашел подходящее место - каменистый берег, который скроет его следы. Он выбрался из воды на камни, направившись к невысокому перелеску.

Им оказался боярышник, чьи колючие ветки служили излюбленным местом гнездования птиц. Гласс остановился и достал нож. Он отрезал небольшую рваную полоску от своей красной рубашки и прикрепил материю к одной из веток. *Мимо этого они не пройдут.* Затем он повернул назад к ручью, стараясь не оставить следов. Гласс вошел на середину ручья и побрел обратно.

Ручеек лениво змеился по долине, вливаясь в Платт. Гласс постоянно спотыкался на скользких камнях тёмного русла. Эти погружения не давали ему обсохнуть, и он пытался не думать о холоде. Когда он добрался до Платта, то уже не чувствовал ног. Дрожащий Гласс стоял по колено в воде, с ужасом думая о следующем шаге.

Он всмотрелся за реку, стараясь разобрать очертания противоположного берега. Там виднелись ивняк и несколько тополей. *Только не наследу, выбираясь на берег.* Гласс вошел в воду, дыхание всё учащалось по мере того, как вода достигла пояса. Задыхаясь от прикосновения к груди холодной воды, Хью с жаром погреб к противоположному берегу. Когда его ноги коснулись дна, он

остановился и пошел вдоль берега, пока не увидел подходящее место, чтобы выбраться - каменистый выступ, ведущий в ивняк.

Гласс осторожно пробирался сквозь ивняк и тополя за ним, тщательно выбирая место, куда поставить ногу. Он надеялся, что арикара клюнут на его уловку у ручья. Они наверняка не ждут, что он вновь пересечет Платт. Но Гласс не стал полагаться на волю случая. Если они возьмут его след, Гласс окажется беззащитен, так что он сделал всё возможное, чтобы не оставить следов.

Когда он прошел мимо тополей, восточный горизонт окрасил тусклый свет. В предрассветном сумраке он заметил тёмную громаду большого плато в двух милях впереди. Плато тянулось вдоль реки насколько хватало взгляда. Он мог там спрятаться, найти укрытую лощину или пещеру, развести огонь, обсохнуть и согреться. Когда суматоха уляжется, он сможет вернуться к Платту и продолжить путь к Форт-Аткинсону.

Гласс направился к плато, которое смутно вырисовывалось в растущем свете наступающего дня. Внезапно он вспомнил Чэпмэна с Рэдом и почувствовал укол вины. Он отбросил эти мысли. *Теперь не до этого.*

Глава двадцать шестая

14 апреля 1824 года

Лейтенант Джонатон Джейкобс вскинул руку и отдал приказ. Следующая за ним колонна из двадцати всадников остановилась, вздыбив облако пыли. Лейтенант потрепал взмыленный бок лошади и потянулся к фляге. Делая затяжной глоток, он старался выглядеть как можно спокойней. На самом деле он ненавидел каждое мгновенье, проведенное вне безопасных стен Форт-Аткинсона.

В особенности он ненавидел то мгновение, когда вернувшийся галопом скаут провозгласит длинный перечень разнообразных проблем. С тех пор как начал таять снег, пауни и взбунтовавшееся племя арикара бесчинствовали по всему Платту. Лейтенант пытался сдерживать своё воображение, пока скаут не вернулся с отчетом.

Разведчик, седой житель равнин по имени Хиггинс, выждал, пока не поравнялся с головой колонны, и натянул поводья скакуна. Полы его кожаной куртки разлетелись в стороны, когда он осадил своего буланого.

- Со стороны кряжа к нам направляется человек.
- То есть индеец?
- Думаю да, лейтенант. Я не стал подбираться ближе, чтобы это выяснить.

Первым делом лейтенанту Джейкобсу захотелось повторно послать Хиггинса вместе с сержантом и двумя солдатами. Но скрепя сердце, он признал, что идти следует ему.

Приблизившись к кряжу, они оставили одного солдата присмотреть за лошадьми, а остальные поползли вперед, прижимаясь к земле. Перед ними открылась протянувшаяся на сотни миль

широкая долина Платта. В полумиле вниз по ближнему берегу реки брела одинокая фигура.

Лейтенант Джейкобс достал небольшую подзорную трубу из нагрудного кармана мундира. Открыв латунный инструмент во всю длину, он всмотрелся через него.

Когда Джейкобс настроил фокус, перед ним открылось увеличенное изображение речного берега. Он нашел цель, остановившись на мужчине в оленьей коже. Лица лейтенант не смог разглядеть, но рассмотрел кустистую бороду.

- Разрази меня гром, - удивленно произнес лейтенант Джейкобс.
- Это белый. Какого чёрта он здесь делает?

- Он не из наших. Все наши дезертиры бегут напрямик в Сент-Луис. - заключил Хиггинс.

Этому мужчине, похоже, ничто не угрожало, и возможно поэтому лейтенант Джейкобс почувствовал внезапный прилив рыцарских чувств.- Давайте его подберем.

Майор Роберт Констебль представлял, хоть и не по своей воле, четвёртое поколение мужской линии Констеблей, избравшее военное ремесло. Его прадед сражался с французами и индейцами в звании офицера 12-го пехотного полка её величества. Дед Роберта семейному призванию остался верен, но изменил королю, сражаясь против британцев офицером Континентальной армии Вашингтона.

А вот отец Констебля лавров не снискал. Он оказался слишком юн для войны за независимость и слишком стар для войны 1812 года. Лишившись возможности отличиться, отец Роберта чувствовал, что по-крайней мере может предложить этот шанс сыну. Юный Роберт мечтал о судебном поприще и мантии судьи. Отец же отказался запятнать родословную крючкотвором и использовал дружеские отношения с сенатором, чтобы добиться для сына места в Вест-Пойнте. Целых двадцать непримечательных лет майор Роберт Констебль карабкался вверх по карьерной лестнице. Его жена перестала следовать за ним десять лет назад и проживала в Бостоне (в непосредственной близости от своего любовника, широко известного судьи). Когда генерал Аткинсон и полковник Ливенворт вернулись на

восток на зимние квартиры, временное командование фортом перешло к майору Констеблю.

Итак, кем же он командовал? Три сотнями пехотинцев (половина из которых состояла из вчерашних иммигрантов, а вторая - из бывших заключенных), сотней кавалеристов (с весьма прискорбной асимметрией, поскольку лошадей было всего пятьдесят) и дюжиной ржавых пушек. Но несмотря ни на что, он безраздельно властвовал, разделяя горечь неудавшейся карьеры с подданными своего крохотного королевства.

Майор Констебль сидел вместе с адъютантом за широким столом, когда лейтенант Джейкобс ввёл спасенного загорелого жителя равнин.- Мы нашли его у Платта, сэр, - запыхавшись, доложил Джейкобс. - Он пережил нападение арикара у северного рукава реки.

Лейтенант Джейкобс стоял, излучая яркий блеск героизма и ожидая похвалы за столь доблестный поступок. Майор Констебль едва удостоил его взглядом и произнес:- Свободен.

- Свободен, сэр?

- Свободен.

Лейтенант Джейкобс продолжал стоять, огорошенный столь грубым приемом. Констебль же недвусмысленно повторил свой приказ:- Вон, - он поднял руку и махнул, словно отгонял комара. Повернувшись к Глассу, он спросил:- Кто вы?

- Хью Гласс, - голос его был столь же ужасен, как и лицо.

- А как это вышло, что вы в одиночестве шатаетесь по Платту?

- Я - курьер "Пушной компании Скалистых гор".

Если прибытие изувеченного шрамами белого человека не вызвало интереса майора, то упоминание "Пушной компании Скалистых гор" в этом преуспело. Будущее Форт-Аткинсона, не говоря уже о возможности для майора спасти свою карьеру, зависело от коммерческого успеха торговли пушниной. Ну а что ещё могут предложить эти обширные земли, непригодные для заселения пустоши и непроходимые горы?

- Из Форт-Юниона?

- Мы оставили Форт-Юнион. Капитан Генри перебрался в старый торговый пост Лайзы на Бигхорне.

Майор подался вперед в своем кресле. Всю зиму он добросовестно слал донесения в Сент-Луис. Почти каждое донесение содержало нудные отчеты о дизентерии среди солдат или о всё возраставшем количестве безлошадных кавалеристов. И вот, наконец, попалась рыба покрупней! Спасение траппера "Пушной компании Скалистых гор"! Покинутый Форт-Юнион! Новый форт на Бигхорне!

- Передай офицерской столовой, чтобы прислали горячую еду для мистера Гласса.

В течение часа майор забрасывал Гласса расспросами о Форт-Юнионе, новом форте на Бигхорне и коммерческой жизнеспособности нового предприятия.

Гласс тактично избегал вопросов о причинах, побудивших его вернуться с фронта. И наконец ему удалось задать свой вопрос:- Тут случайно не проходил из верховьев Миссури человек с шрамом в форме рыболовного крючка? - большим пальцем Гласс прочертил крючок у уголка своего рта.

Майор Констебль внимательно изучал лицо Гласса. Наконец он ответил.- Не проходил...

Гласса охватил острый приступ разочарования.

- Он остался, - добавил Констебль. - Предпочел армейскую службу тюремному заключению после драки в местном салуне.

Он здесь! Глассу пришлось сдержаться, чтобы эмоции на лице его не выдали.

- Сдается мне, вы знаете этого человека.

- Знаю.

- Он сбежал из "Пушной компании Скалистых гор"?

- Он бежал от многих вещей. И к тому же он вор.

- А вот это уже серьёзное обвинение, - констебль почувствовал, как в нем проснулись его скрытые амбиции судьи.

- Обвинение? Я здесь не для того, чтобы подавать жалобу, майор. Я здесь ради того, чтобы свести счёты с ограбившем меня человеком.

Констебль глубоко вдохнул, его подбородок мерно поднялся в такт со вдохом. Он со свистом выдохнул и затем произнес, словно поучал мальчика.- Здесь вам не *глушь*, мистер Гласс, и советую вам выражаться почтительней. Я - майор армии США и командующий фортом. Я со всей серьёзностью отнесусь к вашим обвинениям и прослежу, чтобы их надлежащим образом расследовали. И конечно же, вам дадут возможность представить свои доказательства.

- Мои доказательства? Да у него моя винтовка!

- Мистер Гласс! - раздражение майора нарастало. - Если рядовой Фицджеральд украл вашу собственность, я накажу его в соответствии с военным уставом.

- Майор, тут нет ничего сложного, - не удержался от иронии Гласс.

- Мистер Гласс! - выплюнул Констебль. Тусклая служба в этом богом забытом форпосте каждодневно проверяла его способность действовать рационально. Он не потерпит подобное непочтение к своей власти. - Я в последний раз вас предупреждаю. В этом форте я вершу правосудие.

Майор Констебль повернулся к адъютанту.- Вам известно, где пребывает сейчас рядовой Фицджеральд?

- Он с пятой ротой, сэр. Они отправились на рубку леса, вернутся к ночи.

- Арестуйте его по прибытии в форт. Отыщите в казарме его винтовку. Если она при нём, отберите. Приведите рядового в зал заседаний завтра к восьми часам утра. Мистер Гласс, надеюсь, вы тоже будете присутствовать. Но прежде приведите себя в порядок.

Столовая с посаженными в ней присяжными служила майору Констеблю залом суда. Несколько солдат принесли из кабинета стол Констебля и водрузили его на самодельный помост. Место на помосте позволяло Констеблю обозревать судебный процесс с подобающей судье высоты. Чтобы не возникало лишних вопросов по поводу правомочности суда, Констебль повесил позади стола два флага.

Пусть залу суда не хватало блеска, по-крайней мере, он был

просторным. Когда убрали столы, в комнату набилось с сотню зевак. Чтобы добиться достойной аудитории, майор Констебль обычно отменял для обитателей форта почти все наряды. За недостатком конкуренции в сфере развлечений, представления майора всегда собирали битком набитый зал. Интерес к сегодняшнему судебному заседанию был особенно высок. Весть об изувеченном шрамами колонисте и его жестоких обвинениях быстро облетела весь форт.

Со своей скамьи рядом со столом майора, Гласс увидел, как распахнулись двери столовой.- Смирноooo! - Зрители вытянулись по стойке смирно, когда в зал вошёл майор Констебль. Сопровождал Констебля лейтенант по фамилии Аскитцен, которого солдаты окрестили Асскиссером [\[43\]](#).

Констебль остановился окинуть взглядом публику, прежде чем с достоинством короля взойти на помост. Усевшись, майор кивнул Аскитцену, который дал знак зрителям занять свои места.

- Введите обвиняемого, - приказал майор Констебль. Двери вновь открылись и показался Фицджеральд, закованный в кандалы и в сопровождении караула. Публика осмелилась бросить на него взгляд, когда охрана подвела Фицджеральда к помосту, где справа от майора устроили некое подобие скамьи для подсудимых. Скамья размещалась напротив Гласса, который сидел слева от стола майора.

Взгляд Гласса сверлил Фицджеральда, как бурав мягкое дерево. Фицджеральд постриг волосы и сбрил бороду. Одежду из оленьей кожи заменило темно-синее сукно. Гласс почувствовал отвращение при виде Фицджеральда, облаченного в мундир, этот символ доблести и чести.

Казалось невероятным находиться рядом с ним. Гласс подавил желание накинуться на Фицджеральда, схватить за глотку и вытряхнуть из него жизнь. *Я не могу так поступить. Не здесь.* На мгновение их взгляды скрестились. Фицджеральд кивнул - словно вежливо приветствовал его!

Майор Констебль откашлялся и заявил:- Заседание военно-полевого суда объявляю открытым. Рядовой Фицджеральд, вы имеете

право на очную ставку со своим обвинителем и можете выслушать предъявленные обвинения. Лейтенант, зачитайте обвинения.

Лейтенант Аскитцен развернул лист и торжественным тоном обратился к залу.- Сегодня рассматривается дело мистера Хью Гласса из "Пушной компании Скалистых гор" против рядового Джона Фицджеральда, армия США, шестой полк, пятая рота. Мистер Гласс обвиняет рядового Фицджеральда в краже винтовки, ножа и прочего личного имущества во время службы в "Пушной компании Скалистых гор". В случае подтверждения вины мистеру Фицджеральду грозит военно-полевой суд и лишение свободы сроком на десять лет.

В толпе поднялся приглушенный ропот. Майор Констебль ударил молотком по столу, и в зале воцарилась тишина.- Потерпевший, прошу подойти к скамье. Растерянный Гласс поднял взор на майора, который бросил на его сердитый взгляд и знаком указал подойти к столу.

Возле стола стоял лейтенант Аскитцен с Библией.- Поднимите правую руку, - сказал он Глассу. - Клянётесь ли вы говорить правду и ничего, кроме правды? Гласс кивнул и произнес "да" тщедушным голосом, который ненавидел, но не мог изменить.

- Мистер Гласс, вы слышали зачтенные здесь обвинения? - спросил Констебль.

- Да.

- Верны ли они?

- Да.

- Желаете ли вы сделать заявление?

Гласс колебался. Формальность правосудия застала его врасплох. Он определенно не ожидал сотни зрителей. Хью понимал, что Констебль командовал фортom. Но это дело касается его и Фицджеральда, это не спектакль на потеху заносчивому офицеру и сотне скучающих солдат.

- Мистер Гласс, желаете ли вы обратиться к суду?

- Я рассказал вам вчера, что произошло. Фицджеральд и мальчишка по имени Бриджер остались, чтобы ухаживать за мной

после того, как на меня напал гризли у Гранд-Ривер. Вместо этого они меня бросили. Я не виню их за это. Но прежде чем сбежать, они меня ограбили меня. Забрали винтовку, нож, даже мои кремьень с кресалом. Они отняли у меня вещи, в которых я нуждался, чтобы выжить.

- Не та ли это винтовка, которую вы считаете своей? - майор достал из-под стола Анстадт.

- Да, это моя винтовка.

- Можете ли вы назвать нам особые приметы винтовки?

Гласс почувствовал, как его лицо покраснело от вопроса. *Почему здесь допрашивают меня?* Хью сделал глубокий вдох.- На стволе выгравировано имя оружейника - Д. Анстандт, Кутцтаун, Пенсильвания.

Майор извлек из кармана очки и исследовал ствол. Он прочитал вслух:- Д. Анстадт, Кутцтаун, Пенсильвания. По помещению разнесся ропот.

- Вам есть что добавить, мистер Гласс?

Гласс отрицательно покачал головой.

- Вы свободны.

Гласс вернулся к своему месту напротив Фицджеральда, в то время как майор продолжил:- Лейтенант Аскитцен, приведите к присяге обвиняемого. Аскитцен подошел к скамье Фицджеральда. Кандалы Джона загремели, когда он положил руку на Библию. Его раскатистый голос наполнил столовою, пока он торжественно приносил клятву.

Майор Констебль откинулся назад в кресле. - Рядовой Фицджеральд, вы слышали обвинения мистера Гласса. Что вы скажете в свое оправдание?

- Спасибо за возможность высказаться в свою защиту, ваша че..., то есть майор Констебль. Майор едва заметно просиял, а Фицджеральд продолжил:- Вы наверное ожидаете, что я вам заявлю, что Хью Гласс - лжец, но не стану я этого делать, сэр. Констебль подался вперед, заинтригованный. Глаза Гласса сузились, он тоже недоумевал, что у Фицджеральда на уме.

- По правде говоря, сэр, я знаю Хью Гласса, как порядочного человека, уважаемого его приятелями по "Пушной компании Скалистых гор".

- Не сомневаюсь, что Хью Гласс считает каждое свое слово истинной правдой. Вот только загвоздка в том, сэр, что верит он в кучу событий, которые никогда не случались.

- Его лихорадило два дня, прежде чем мы его оставили. В последний день усилилась лихорадка, мы подумали, что это предсмертная испарина. Он кричал и метался, мы поняли, что он страдает. Я чувствовал себя ужасно, что ничем больше не могу ему помочь.

- А что вы для него сделали?

- Что ж, я не доктор, сэр, но сделал, всё что смог. Я наложил ему компресс на горло и спину. Сварил бульон и накормил его. Горло у него было в ужасном состоянии, глотать или говорить он не мог.

Для Гласса это было уже чересчур. Самым твёрдым голосом, что мог, он произнес:- Ложь из тебя так и льется, Фицджеральд.

- Мистер Гласс! - взревел Констебль, его лицо внезапно исказилось гримасой возмущения. - Это мое заседание, и здесь я допрашиваю свидетелей. А вы держите рот на замке, или арестую вас за неуважение к суду!

Констебль выдержал паузу, чтобы его выговор произвел желаемый эффект, и повернулся к Фицджеральду.- Продолжайте, рядовой.

- Я не виню его за неведение, сэр, - Фицджеральд бросил на Гласса сострадательный взгляд. - Он находился без сознания или в бреду почти всё время, пока мы за ним ухаживали.

- Что ж, это по-христиански, но отрицаете ли вы, что бросили его? Ограбили?

- Позвольте мне поведать вам, что произошло тем утром, сэр. Четыре дня мы стояли биваком у небольшого притока Гранда. Я оставил с Хью Бриджера и пошел к главной реке, чтобы поохотиться, и отсутствовал большую часть утра. Приблизительно в миле от лагеря я наткнулся на военный отряд арикара.

Очередной ропот восхищения пробежал по рядам зрителей, большинство из которых были ветеранами сомнительного сражения при поселении арикара.

- Сперва ри меня не заметили, и я поспешил назад к лагерю. Они обнаружили меня, когда я уже добрался до ручья. Они бросились за мной, и я побежал к нашему лагерю.

- Когда я добежал, то сказал Бриджеру, что у меня на хвосте ри, и попросил его помочь приготовить лагерь к обороне. Вот тогда Бриджер и сказал, что Гласс мёртв.

- Ах ты, ублюдок! - бросил ему в лицо Гласс и, поднявшись, метнулся к Фицджеральду. Но два солдата винтовками и штыками преградили ему путь.

- Мистер Гласс! - закричал Констебль, застучав молотком по столу. - Займите свое место и придержите язык, или я упеку вас в тюрьму!

Майору понадобилось некоторое время, чтобы вернуть себе самообладание. Он сделал паузу, поправив воротник мундира с медными пуговицами, прежде чем вернулся к допросу Фицджеральда.- Однако, мистер Гласс явно не был мёртв. Вы осмотрели его?

- Я понимаю, отчего Хью зол, сэр. Мне не следовало верить словам Бриджера. Но когда я взглянул на Хью в тот день, он был бледен, как мертвец, и даже не шелохнулся. Мы слышали, как ри несутся вдоль ручья. Бриджер заскулил, что нам пора убираться. Я был уверен, что Гласс мертв. И мы убежали.

- Но прежде забрали его винтовку.

- Это был Бриджер, сэр. Он сказал, что глупо оставлять винтовку и нож ри. Не было времени с ним препираться.

- Но теперь винтовка при вас.

- Да, сэр, при мне. Когда мы вернулись в Форт-Юнион, у капитана Генри не оказалось денег, что заплатить нам за то, что мы остались с Глассом. Генри попросил меня взять винтовку в качестве уплаты. И конечно же, майор, я рад, что мне выпала возможность вернуть её Хью.

- А как насчет его кремня с кресалом?

- Мы не брали их, сэр. Думаю, ри их забрали.

- А отчего же они не убили мистера Гласса? Ведь в их обычае снимать скальпы?

- Полагаю, что как и мы, они решили, что Хью мёртв. Не в обиду Хью, но с его головы и снимать-то было нечего. Медведь так его изувечил, что ри скорее всего пришли к выводу, что хуже уже не сделаешь.

- Вы провели на своем новом посту уже шесть недель, рядовой. Почему вы не признались в этой истории до сего дня?

Фицджеральд выдержал тщательно выверенную паузу, прикусил губу и склонил голову. Наконец он поднял глаза, затем и голову. Он тихо сказал:- Ну, думаю, мне было стыдно.

Гласс смотрел в полнейшем недоумении. Не столько на Фицджеральда, вероломство которого не стало неожиданностью. А на майора, который принялся кивать словам Фицджеральда, как крыса мотиву дудочника. *Он ему верит!*

Фицджеральд продолжал.- До вчерашнего дня я не знал, что Хью Гласс жив. Но я думал, что лишь бросил человека, не предав его земле. Человек заслуживает этого, даже на фронт...

Гласс больше не смог вытерпеть. Он потянулся к пистолету на поясе, спрятанному под капоте, выхватил его и выстрелил. Пуля ушла в сторону от цели, впившись Фицджеральду в плечо. Гласс услышал, как тот вскрикнул, и почувствовал сильные руки, схватившие его с двух сторон. Он пытался вырваться из крепкого захвата. В зале суда начался настоящий ад. Он слышал, как что-то кричал Аскитцен, мельком заметил майора и его золотые эполеты. Затем его пронзила острая боль в затылке, и всё погрузилось во мглу.

Глава двадцать седьмая

28 апреля 1824 года

Наутро Гласс проснулся в затхлой темноте с раскалывающейся головой. Он лежал ничком на грубых досках пола. Гласс медленно перекатился набок, ударившись в стену. Над головой он увидел свет, струившийся из узкой щели в тяжелой двери. Караульное помещение Форт-Аткинсона состояло из большой камеры временного заключения для простых пьяниц и хулиганов и двух деревянных камер. Судя по голосам, трое или четверо мужчин занимали временную камеру рядом с ним.

Пока он лежал, пространство словно сузилось, захлопнувшись, как гроб. Камера внезапно напомнила ему сырой трюм корабля, ту удушающую жизнь на море, которую он возненавидел. На его бровях выступили капельки пота, и дыхание стало прерывистым. Он пытался держать себя в руках, мысленно сменить картину неволи образом открытой равнины, колышущимся морем травы, прерываемым лишь горами на далёком горизонте.

Дни он мерил по ежедневной рутине караулки: смена охраны на рассвете; передача пищи и воды к полудню; смена охраны на закате и ночью. Прошло две недели, прежде чем он услышал скрип открываемой наружной двери и почувствовал порыв свежего воздуха. - Оставаться на местах, вонючие идиоты, или я вам головы разmozжу, - произнес прокуренный голос, решительно направлявшийся к двери. Гласс услышал бряцание ключей и звук проворачиваемого в замке ключа. Язычок замка щёлкнул, и дверь распахнулась.

Хью щурился от света, В дверном проеме стоял сержант с

желтыми шевронами и седыми бакенбардами. - Приказ майора Констебля. Можешь идти. Вернее, ты должен уйти. До завтрашнего полудня ты обязан покинуть торговый пост, или тебя отдадут под суд за кражу пистолета и за использование его с целью продырявить рядового Фицджеральда.

После двух недель в темной камере дневной свет слепил. И тут раздался голос:- Бонжур, месье Гласс.Глассу понадобилась минута, чтобы разглядеть толстое очкастое лицо Кайовы Бразо.

- Что вы здесь делаете, Кайова?

- Возвращаюсь из Сент-Луиса с баржей, полной припасов.

- Это вы меня освободили?

- Да. Я в хороших отношениях с майором Констеблем. А вот вы, напротив, похоже, нарвались на неприятности.

- Единственная неприятность лишь в том, что пистолет дал маху.

- Насколько я понял, это был не ваш пистолет. А вот это, думаю, принадлежит вам. - Кайова вручил Глассу винтовку, и Хью наконец приспособился к дневному свету.

Анстадт. Хью схватил винтовку за шейку ложа и ствол, вспомнив знакомую тяжесть. Он проверил курки, подметив, что те нуждались в смазке. На тёмном стволе виднелось несколько царапин, и возле пятки ствола были вырезаны небольшими буквами инициалы "Д.Ф."

Его захлестнула ярость.- А что стало с Фицджеральдом?

- Майор Констебль велел ему вернуться к своим обязанностям.

- Без всякого наказания?

- У него удержат двухмесячное жалование.

- Двухмесячное жалование!

- Что ж, вдобавок у него дыра в плече там, где её не было прежде, а к вам вернулась винтовка.

Кайова разглядывал Гласса, с легкостью читая мысли по его лицу. - На случай, если вам пришли в голову некие идеи, я бы посоветовал поостеречься пускать в ход Анстадт на территории этого форта. Майор Констебль слегка помешан на своих юридических обязанностях и отчаянно жаждет предать вас суду за покушение на

жизнь. Он сдался лишь потому, что я убедил его в том, что вы протеже месье Эшли.

Они вместе шли по плацу. Там же стоял флагшток, его тросы натянулись, выдерживая немилосердный весенний ветер. Флаг развевался, края его истрепались от постоянных ветров.

Кайова повернулся к Глассу.- Вас обуревают глупые мысли, друг мой. Хью остановился и взглянул в глаза французу.

Кайова продолжил.- Мне жаль, что вам не удалось должным образом поквитаться с Фицджеральдом. Но вам следовало уже уяснить, что не всегда всё проходит гладко.

Мгновение они стояли молча, тишину нарушало лишь трепыхание флага.

- Всё не так просто, Кайова.

- Конечно, не просто. Кто говорил, что будет просто? Но знаете что? Треснувший кувшин не склеить. Довольствуйтесь выпавшими вам картами. Живите дальше.

Кайова продолжал развивать свою мысль.- Отправляйтесь со мной в Форт Бразо. Если всё получится, то я введу вас в дело партнером.

Гласс медленно покачал головой.- Это щедрое предложение, Кайова, но не думаю, что смогу усидеть на одном месте.

- А что же тогда? Каковы ваши намерения?

- Я должен доставить донесение Эшли в Сент-Луис. А что дальше, пока не знаю, - Гласс умолк на минуту, прежде чем добавил:
- И у меня здесь незаконченное дело.

Больше Гласс ничего не сказал. Кайова тоже долгое время молчал. Наконец, он тихо произнес:- *Il n'est pire sourd que celui qui ne veut pas entendre.* Вы знаете, что значат эти слова?

Гласс покачал головой.

- *Нет худших глухих, чем те, которые не желают слышать.* Ради чего вы пришли на фронтир? - упорствовал Кайова. - Чтобы выследить обычного вора? Чтобы насладиться мгновением мести? Я полагал, что в вас заложено нечто большее.

Гласс продолжал молчать. Наконец, Кайова сказал:- Хотите

сгнить в тюрьме, пожалуйста, вам решать. Француз отвернулся и пошёл по плацу. Гласс поколебался мгновение и последовал за ним.

- Пойдемте, хлебнем немного виски, - прокричал не оглядываясь Кайова. - Я хочу услышать о Паудере и Платте.

Кайова одолжил Глассу денег на приобретение припасов и ночлег в Форт-Аткинсоне, почти в гостинице - на длинных рядах соломенных матрасов в мансарде маркитанта. Виски обычно навевало на Гласса дремоту, но только не сегодня. Как и не прояснило сумбура мыслей в голове. Ему не удавалось мыслить ясно. Каков же ответ на вопрос Кайовы?

Гласс взял Анстадт и вышел на свежий воздух. Ночь выдалась ясной и безлунной, предоставив небо во владение мириадам звезд, бросавших крохотные лучики света. По грубым ступенькам Хью вскарабкался на узкий частокол, опоясывающий стены форта. С его высоты всё было видно, как на ладони.

Гласс оглянулся на постройки форта. Вдоль парадного плаца тянулись бараки. *Там Фицджеральд*. Сколько сотен миль он прошел, чтобы его найти? А теперь добыча спит в нескольких шагах от него. Хью почувствовал холодный металл Анстадта в своей руке. *Как я могу уйти?*

Хью отвернулся и перевел взгляд за стены форта, на Миссури.

На тёмной поверхности воды плясали звезды, словно сигнальные огни, которые небо отбрасывало на землю. Гласс поискал путеводные звезды. Он нашел покатые углы Большой и Малой Медведиц, спокойное сияние Полярной звезды. *А где Орион? Где охотник с несущим возмездие мечем?*

Внезапно взор Гласса приковал ослепительный блеск Веги. Рядом с Вегой Гласс высмотрел Лебедя.

Гласс глядел на Лебедя, и чем больше он смотрел, тем отчетливей перпендикулярные линии созвездия образовали крест. *Северный Крест*. Насколько он помнил, именно так и называли Сигнус. Это имя ему больше подходит.

Той ночью он долго стоял на высоком валу, слушал Миссури и смотрел на звёзды. Он думал об истоках реки, о могучих горах

Бигхорн, чьи вершины он видел, но так и не прикоснулся к ним. Он восхищался звёздами и небом, умиротворенный их бескрайностью в сравнении с его маленьким миром. Наконец, он спустился с вала и вошел в дом, где быстро провалился в сон, который до этого от него ускользал.

Глава двадцать восьмая

7 мая 1824 года

Джим Бриджер собирался постучать в дверь капитана Генри, но остановился. Прошло семь дней после того, как капитана в последний раз видели за пределами его комнаты. Семь дней назад вороны украли у них лошадей. Но даже удачное возвращение Мёрфи с охоты не побудило Генри выйти из затворничества.

Бриджер глубоко вдохнул и постучал. В комнате раздался шорох, и затем воцарилась тишина. - Капитан? По-прежнему молчание. Бриджер подождал и распахнул дверь.

Генри сидел, сгорбившись, перед столом из двух бочонков и доски. Под натянутым на плечи шерстяным одеялом он напомнил Бриджеру старика, сгорбившегося возле очага в лавке. В одной руке капитан держал перо, а в другой бумагу. Бриджер бросил взгляд на бумагу. Весь лист был испещрен длинными рядами цифр. Записи были в кляксах, словно перо постоянно натыкалось на преграду, и чернила разливались по странице, как кровь. На столе и по всему полу были разбросаны скомканные листы.

Бриджер ждал, что капитан что-нибудь скажет или взглянет на него. Долгое время капитан его не замечал. Наконец, Генри поднял голову. Вид у него был такой, словно он бодрствовал несколько дней. Его покрасневшие глаза светились над набрякшими серыми мешками. Бриджер задумался, уж не правы ли люди, поговаривавшие, что капитан Генри помешался.

- Ты что-нибудь смыслишь в арифметике, Бриджер?

- Нет, сэр.

- Как и я. Вернее немного смыслю. По правде говоря, я всё

надеюсь, что слишком туп, чтобы делать все эти подсчеты, - капитан опустил взгляд на бумагу. - Проблема в том, что я всё складываю и складываю, а результат один и тот же. Думаю, загвоздка не в моей арифметике, просто получается всё не так, как мне бы хотелось.

- Не понимаю, о чём вы, капитан.

- Я хочу сказать, что мы банкроты. У нас долг в тридцать тысяч долларов. Без лошадей нам не удастся выслать достаточное число трапперов, чтобы его покрыть. И нам не на что выменять лошадей.

- Мёрфи только что вернулся с Бигхорна с двумя кипами шкур.

Капитан оценил новости в свете своего богатого прошлого опыта. - Это мелочь, Джим. Две кипы шкур не вернут нас к жизни. Даже двадцать кип не поставят нас на ноги.

Разговор шел не в том русле, на которое надеялся Джим. Целых две недели он набирался храбрости, чтобы повидаться с капитаном. А теперь всё шло наперекосяк. Джим подавил в себе желание уйти. *Нет. Не в этот раз.* - Мёрфи сказал, что вы отправляете партию через горы на поиски Джеда Смита.

Капитан молчал, но Джим продолжил. - Я хочу, чтобы вы послали с ними меня.

Генри посмотрел на паренька. Смотревшие на него глаза светились надеждой, как рассвет весеннего дня. Когда он в последний раз чувствовал этот юношеский оптимизм? *Давным давно, да оно и к лучшему.*

- Могу избавить тебя от неприятностей, Джим. Я бывал за этими горами. Они - как фальшивый фасад публичного дома. Я знаю, что ты ищешь, но там этого нет.

Джим не знал, что ответить. Он не мог понять, почему капитан вёл себя так странно. Может, он в действительности сошел с ума. Этого Бриджер не знал. Но одно он знал наверняка, даже непоколебимо в это верил - капитан Генри ошибается.

Они вновь надолго замолчали. Чувство дискомфорта нарастало, но Джим не собирался уходить. Наконец, капитан взглянул на него и произнес: - Тебе решать, Джим. Я отправлю тебя, если ты того хочешь.

Бриджер вышел во двор, щурясь яркому утреннему солнцу. Он почти не чувствовал щипавшего лицо морозного ветра, последнего напоминания об уходящем времени года. Метель придет ещё не раз, пока зима окончательно не сдастся, но весна уже наложила свой отпечаток на равнины.

Джим вскарабкался по короткой лестнице на частокол. Облокотившись о вершину стены, он смотрел на горы Бигхорн, проследил за глубоким каньоном, который, казалось, рассекал гору до самого основания. *Так ли это?* Он улыбнулся при мысли о бескрайнем просторе, что таится за каньоном, который лежит за вершинами гор и дальше. Джим перевел взгляд на горизонт, сплетённый из заснеженных горных вершин, ослепительно белых на фоне ледяной синевы неба. Он сможет туда взобраться, если пожелает. Доберётся туда и коснется рукой горизонта, перескочит его и найдет другой.

Историческая справка

Читатели, наверное, зададутся вопросом - насколько достоверны события романа. Эпоха торговли пушниной представляет собой туманную смесь истории и легенд, и, несомненно, некая легенда окутывает и историю Хью Гласса. "Возвращенец" - художественное произведение. Однако при этом я старался придерживаться в изложении главных событий романа исторических фактов.

Достоверно известно, что на Хью Гласса напал гризли во время экспедиции "Пушной компании Скалистых гор" осенью 1823 года; известно, что он был ужасно изувечен и брошен сотоварищами, включая двух трапперов, оставленных ухаживать за ним; и что выжил после невероятных скитаний в поисках мести. Самая детальная историческая работа проведена Джоном Майерс Майерсом в его увлекательной биографии Гласса "Сага Хью Гласса". Майерс вполне убедительно описывает самые знаменательные события жизни Гласса, включая время, проведенное им в неволе у Жана Лафита и позднее вместе с индейцами пауни.

Среди историков существуют определенные расхождения по поводу того, был ли Джим Бриджер одним из тех двух трапперов, что остались вместе с Глассом, хотя большинство верит, что это был он. (Историк Сесил Альтер в написанной им в 1925 году автобиографии Бриджера горячо это опровергает). Сохранилось множество свидетельств, что Гласс повздорил с Бриджером и затем простил его в форте у Бигхорна.

Я позволил себе несколько литературных и исторических вольностей, которые хочу отметить. Существует неопровержимое свидетельство тому, что Гласс настиг Фицджеральда в Форт-Аткинсоне, обнаружив предателя в мундире армии США. Тем не менее, детали той встречи весьма туманны. Нет никаких свидетельств судебному процессу, изображенному мною в романе. Персонаж майора Констебля вымышленный, как и описанное происшествие, где

Гласс стреляет в плечо Фицджеральду. Также существует свидетельство, что Гласс разделился с отрядом Антуана Ланжевина еще до нападения арикара на вояжеров. (Туссен Шарбонно находился с Ланжевином и пережил нападение арикара, но как и при каких обстоятельствах - неясно). Персонажи Профессора, Доминика Каттуара и Луи Девственника Каттуара вымышлены.

Форт-Тэлбот, как и его обитатели, выдуманы мною. В остальном я старался по мере возможности быть точным в изображении географических мест. Нападение арикара на Гласса и его спутников произошло, согласно имеющимся сведениям, весной 1824 года, возле слияния Норт-Платта с рекой Ларами. Одиннадцать лет спустя на этом месте будет заложен предшественник форта Ларами - Форт-Уильям.

Читатели, интересующиеся эпохой торговли пушниной, получают огромное удовольствие от таких исторических работ, как классика Хайрама Читтендена "Американская торговля пушниной на дальнем западе" и более современной книги Роберта Атли "Жизнь - дикая и опасная". В последующие за изложенными в романе событиями годы большинство главных героев продолжили свой путь к путешествиям, горестям и славе. Из них следует отметить следующих героев.

Капитан Эндрю Генри. Летом 1824 года Генри и его отряд встретились с Джедом Смитом на территории нынешнего Вайоминга. Генри не удалось полностью покрыть долги компании, но он собрал значительное количество шкур. Смит остался на фронтире, Генри был вынужден вернуться в Сент-Луис вместе с добычей. Несмотря на крайне скромные успехи, Эшли остался доволен добытым. Он обеспечил средства для очередной экспедиции, которая под командованием Генри оставила Сент-Луис 21 октября 1824 года. Но по неизвестным причинам Генри спустя некоторое время вернулся с фронтира. Сохрани Генри свою долю в "Пушной компании Скалистых гор" еще на один год, как и остальные владельцы синдиката, он бы смог удалиться на покой богачом. Но в очередной раз Генри доказал свою исключительную предрасположенность к неудачам. Он продал свою долю за весьма скромную сумму. Однако

даже она могла обеспечить ему спокойную жизнь, но Генри занялся страховым бизнесом. Когда несколько его должников обанкротилось, он потерял все. Эндрю Генри умер в нищете в 1832 году.

Уильям Генри Эшли. Удивительно, что двум партнерам в одном и том же предприятии удалось достичь прямо противоположных результатов. Несмотря на увеличивавшуюся гору долгов, Эшли оставался спокоен, веря, что на пушнине можно сделать состояние. Проиграв выборы на пост губернатора Миссури в 1824 году, Эшли возглавил партию трапперов, спустившись к южному рукаву реки Платт. Он стал первым белым человеком, попытавшимся плыть по Грин-Ривер, что едва не привело к катастрофе возле устья реки, сегодня известной, как Эшли-Ривер. Добыв лишь небольшое количество шкур во время своей экспедиции, Эшли со своими людьми встретились с отрядом разочарованных трапперов "Компании Гудзонова залива". При весьма загадочных обстоятельствах Эшли стал обладателем сотен бобровых шкур. Некоторые утверждают, что американцы просто ограбили "Компанию Гудзонова залива". Более достоверные источники утверждают, что Эшли не сделал ничего криминального, просто заключил сделку на "драконовых" условиях. Как бы то ни было, осенью 1825 года Эшли продал пушнину в Сент-Луисе на сумму в двести тысяч долларов, обеспечив себя до конца дней. В 1826 году Эшли продал свою долю в "Пушной компании Скалистых гор" Джедедае Смиту, Дэвиду Джексону и Уильяму Саблетту. Эшли изобрел систему встреч, дал начало карьерам нескольких легенд меховой торговли и занял свое место в истории, как успешный пушной барон. Вскоре после этого он удалился от дел. В 1831 году население Миссури избрало Эшли на смену конгрессмену Спенсеру Поттису (Поттис погиб на дуэли). Эшли дважды выигрывал перевыборы и отошел от политики в 1837 году. Уильям Генри Эшли умер в 1838 году.

Джим Бриджер. Осенью 1824 года Джим Бриджер пересек Скалистые горы и стал первым белым человеком, вышедшим к водам Великого Солёного озера. К 1830 году Бриджер стал компаньоном

"Пушной компании Скалистых гор" и не оставлял торговлю пушниной вплоть до окончания этой эры в 1840 годах. Когда торговля пушниной сошла на нет, Бриджер поймал следующую волну экспансии на запад. В 1838 году он построил форт на территории нынешнего Вайоминга. Форт-Бриджер стал важным торговым постом на Орегонском пути и впоследствии служил военным постом и станцией "Пони Экспресс". В 50-ых и 60-ых годах Бриджер часто служил проводником для колонистов, исследовательских отрядов и армии США. Джим Бриджер умер 17 июля 1878 года около Вестпорта в Миссури. За жизненные заслуги Джима как траппера, первопроходца и гида, его часто называют "Королем Маунтинменов". Сегодня многие горы, реки и города по всему западу носят имя Джима Бриджера.

Джон Фицджеральд. Не многое известно о Джоне Фицджеральде. Он и правда существовал, и его считают одним из тех двух, что бросили Хью Гласса. Также считается, что он дезертировал из "Пушной компании Скалистых Гор" и затем вступил в ряды армии США в Форт-Аткинсоне. Остальные детали его жизни выдуманы мною.

Хью Гласс. Из Форт-Аткинсона Гласс спустился вниз по реке к Сент-Луису, доставив Эшли донесение Генри. В Сент-Луисе Гласс встретил партию трапперов, направлявшихся в Санта-Фе. Он присоединился к ним и провел год, добывая пушнину на реке Хиле. К 1825 году Гласс находился в Таосе, центре юго-западной торговли пушниной.

Однако на пересыхающих реках юго-запада зверь быстро перевелся, и Гласс вновь вернулся на север. Добывая пушнину, он поднялся вверх по Колорадо, Грину и Снейку, выйдя к истокам Миссури. В 1828 году так называемое сообщество "вольных трапперов" выбрало Гласса представителем в переговорах по устранению монополии "Пушной компании Скалистых гор". Дойдя до реки Колумбия на западе, Гласс после этого сосредоточил свое внимание на восточном склоне Скалистых гор. Зимой 1833 года Хью провел в торговом poste "Форт-Касс" неподалеку от старого форта

Генри у места слияния Йеллоустоуна с Бигхорном. Февральским утром Гласс вместе с двумя спутниками переходили замерзший Йеллоустоун, отправившись на добычу пушнины. Они угодили в засаду, устроенную тридцатью воинами арикара, и погибли.

notes

Примечания

Парфлеш - распространенные среди индейцев равнин сумки-конверты, а также емкости различных форм и конфигураций, сделанные из сыромятной кожи и предназначенные для хранения различных вещей и пеммикана. Часто украшались грубо нарисованными орнаментами.

Арикара - (англ. arikara) — Оседлое племя кэддоанской языковой семьи, близкородственное пауни. Название происходит из языка скиди-пауни — «арикира», что означает «рогатые». Племя обитало на территории Великих равнин США в течение нескольких сот лет.

Сиу (дакота, самоназвание dakhota, lakhota, nakhota — заключившие мир, объединённые) — индейский народ группы сиу на севере США и юге Канады. Родина сиу - земли к западу от озера Мичиган (штаты Миннесота и Висконсин). К середине XVII века занимали территорию около озера Миль-Лак и далее на запад до реки Миссури.

Манданы — индейский народ из группы сиу, который на рубеже XVIII—XIX веков вёл полукочевой образ жизни на реке Миссури и её притоках Харт и Найф.

Торговые мушкеты - гладкоствольные кремневые мушкеты, которые использовались для торговли с индейцами.

Экспедиция Льюиса и Кларка (1804—1806) — первая сухопутная экспедиция через территорию США из Сент-Луиса к тихоокеанскому побережью и обратно. Экспедицию возглавили Мериуэзер Льюис и Уильям Кларк.

Черноногие (англ. Blackfoot, фр. Pïeds-Noirs (пье-нуар)) — индейский народ в США и Канаде, названы по цвету мокасин. Название произошло от сиксиканам — чёрный и оккати — нога, стопа. В XIX веке — кочевали от реки Северный Саскачеван до верховьев Миссури.

Шнеллер (от нем. schneller — быстрее) — устройство, монтируемое на некоторых моделях стрелкового оружия, позволяющее значительно уменьшить усилие, требуемое для спуска курка при нажатии на спусковой крючок. Это позволяет избежать «дёргания» оружия, которое происходит при чрезмерном усилии спуска, и которое весьма сильно снижает меткость стрельбы.

Пеммикан (англ. pemmican), на языке индейцев кри «пими-окан» — «род жира» — мясной пищевой концентрат. Применялся индейцами Северной Америки в военных походах и охотничьих экспедициях. Пеммикан индейцев включал в себя сушёное или вяленое измельчённое мясо бизонов, а также сало, измельчённые сушёные ягоды или сок ягод, иногда — специи.

Кроу - индейское племя проживавшее в долине реки Йеллоустон. Название племени было неверно переведено ранними переводчиками как «люди ворон» (отсюда английское название племени Crow, буквально «ворона»). Фактически слово означало «дети большой птицы»; так их называло соседнее племя хидатса.

Старина Эфраим - огромный гризли, обитавший в Калифорнии и описанный Финеасом Тэйлором Барнумом в своем рассказе "Дикие звери, птицы и рептилии всего мира – как их ловили".

Йеллоустоунская Экспедиция - разведывательная экспедиция, организованная в 1818-ом году военным министром Джоном Кэлхуном с целью заложить военный форт или форпост неподалеку от теперешнего города Бисмарка в Северной Дакоте возле устья реки Йеллоустоун. В результате экспедиции был заложен Форт Аткинсон (Небраска), первый форт армии США, построенный к западу от реки Миссури. Но в остальном дорогостоящая экспедиция оказалась провальным предприятием, остановившись неподалеку от Каунсил-Блафс в Йове.

Каджуны (англ. Cajuns — кэйдженз; самоназвание фр. Cadiens - кадьен) -своеобразная по культуре и происхождению субэтническая группа, представленная преимущественно в южной части штата Луизиана, именуемой Акадиана, а также в прилегающих округах южного Техаса и Миссисипи.

Джон Колтер (англ. John Colter; 1774 — 7 мая 1812 или 22 ноября 1813) - один из первых первопроходцев на Диком Западе США, участник экспедиции Льюиса и Кларка.

Мануэль Лайза, также известный как Мануэль де Лайза (8 сент. 1772 года - 12 авг. 1820) был испанским торговцем пушниной, первопроходцем и агентом комиссии по делам индейцев. Основатель Миссурийской пушной компании, одной из первых пушных компаний. Лайза стал известен благодаря успешной торговле с индейскими племенами, такими как тетон сиу, омаха и понка.

Братья Шуто - Жан Пьер и Огюст Шуто, знаменитые торговцы пушниной, прозванные речными баронами. Долгое время владели монополией на торговлю с племенем Осейджи. Огюст Шуто являлся одним из основателей Сент-Луиса.

Иды (лат. Idus, от этрусск. iduare, «делить») - в римском календаре так назывался день в середине месяца. На 15-е число иды приходятся в марте, мае, июле и октябре; на 13-е — в остальных восьми месяцах. В мартовские иды 44 г. до н. э. заговорщиками был убит Юлий Цезарь.

У. Шекспир, "Юлий Цезарь" Перевод с английского П. Козлова

Шерстяное одеяло "Компании Гудзонова залива" - тип шерстяного одеяла, который "Компания Гудзонова залива" продавала на территории Британской Северной Америки (нынешней Канады) и США в 18-19 столетиях. Одеяла использовались в основном для торговли с индейцами в обмен на пушнину и шкуры.

Англо-американская война 1812—1815 годов (англ. War of 1812, «война 1812 года») — вооружённый конфликт между США и Великобританией в период наполеоновских войн. Получил у американцев название «второй Войны за независимость», ибо подтвердил статус США как суверенной державы. В конфликт на стороне Великобритании были вовлечены также многие племена индейцев.

Жан Лафит (фр. Jean Lafitte) — знаменитый французский приватир и контрабандист, который с молчаливого одобрения американского правительства грабил английские и испанские корабли в Мексиканском заливе. Расцвет его «предприятия» пришёлся на 1810-е годы. После принятия президентом США Томасом Джефферсоном билля о запрете ввоза новых рабов на территорию США (1807) Лафит перенес свою деятельность в залив Баратария у берегов Луизианы, где под его начальством служило до тысячи человек, которых называли баратарианцами.

Сэр Эдвард Пейкенхем (19 марта 1778 года - 8 января 1815 года) британский офицер и политик ирландского происхождения. Приходился шурином герцогу Веллингтону, при котором служил генерал-адъютантом в Пиренейских Войнах. В 1814-ом году был назначен главнокомандующим британскими силами в Северной Америке. Убит в том же году в битве за Новый Орлеан.

Эндрю Джексон (15 марта 1767 года, Уэксхоу, штат Южная Каролина, — 8 июня 1845 года, Нэшвилл, штат Теннесси) — 7-й Президент США (1829—1837). Первый президент США, избранный как кандидат от Демократической партии; считается одним из её основателей. В битве за Новый Орлеан командовал американскими силами в должности генерала.

В самом деле? Хорошо, месье моряк, умеете ли вы ставить кливер? (франц.)

Отлично, месье моряк. (франц.)

Каранкава, известны также как кламкоэкс, Clamcoëhs, а на языке их соседей — ауиа, Auia — племя индейцев обитавших на побережье Техасского залива, где ныне находится Большой Хьюстон. Сведения о каннибализме племени довольно противоречивы. В 1768 году некий испанский священник описал обряд каранкава, согласно которому каранкава верили, что съев своего кровного врага, они обретали его силу. Индейцы привязывали пленника к столбу и затем метали в него дротики и копья, попутно отрезая у него куски плоти и поджаривали на костре. Однако известный испанский конкистадор Альвар Нуньес Кабеса де Вака проживший несколько лет вместе с племенем ни упоминал о каннибализме индейцев. Хуже того, он даже писал, что ему вместе с остальными его спутниками приходилось предаваться каннибализму после того, как их корабль потерпел крушение в Гальвестонском заливе. Каранкава, спасшие испанцев, были поражены каннибализмом испанцев.

Кайова (самоназвание — «главные люди»). В XVII веке мигрировали с верховьев рек Йеллоустон и Миссури (штат Монтана) к юго-востоку и обосновались по соседству с кроу (штат Южная Дакота)

Осейджи (осаж; Osage) — индейское племя из группы народов сиу. Около 1700 г. осейджи осели к западу от реки Миссисипи на территории современных штатов Арканзас, Миссури, Канзас и Оклахома. В то время осейджи были наиболее сильным и влиятельным племенем региона.

Тонкава — индейское племя юга Великих Равнин. В начале XVII века тонкава проживали на северо-востоке современного штата Оклахома. К 1700 году более многочисленные и агрессивные апачи оттеснили тонкава на юг. В XVIII веке тонкава были воинственными кочевниками и имели много лошадей.

Команчи. - Самый могучий и воинственный народ Южных равнин, относящийся к юто-ацтекской языковой семье и состоявший из нескольких самостоятельных племен, каждое из которых делилось на множество общин. Во второй половине XIX века наиболее крупными племенами команчей были пенатеки, котсотеки, нокони, ямпарики и квахади. Команчи были признанными бойцами Южных равнин и на протяжении почти двух столетий наводили ужас на испанских, мексиканских, а затем и американских поселенцев.

Пауни - поуни, пони (англ. Pawnee) — индейский народ, проживавший в прошлом в районе рек Платт, Луп и Репабликан на территории современных Небраски и Канзаса. Племя Скиди или Скири известное, как волки пауни (Wolf Pawnee or the French Loup Pawnee) проживало в прошлом в районе реки Платт, в 1770-ом году мигрировало на территорию современного Техаса.

Уильям Кларк - (англ. William Clark, 1 августа 1770 года, округ Каролайн, Виргиния - 1 сентября 1838 года, Сент-Луис) - американский исследователь, один из организаторов экспедиции Льюиса и Кларка, впоследствии второй и последний губернатор территории Миссури. С 1822 года до смерти занимал должность суперинтенданта по делам индейцев.

Ливерпуль - город в округе Онондага штата Нью-Йорк.

Ри - название племени арикара.

Кто это? (кэздоанский язык).

Лондонская фузея - тот же индейский торговый (или просто торговый) мушкет. К середине 18-го века, индейский торговый мушкет был самым распространенным оружием Северной Америки. Французы называли его фузилом или фузеей; английские оружейники окрестили каролинским мушкетом; некоторые торговцы и первопроходцы, например Уилльям Эшли, звали его лондонской фузеей.

Янктоны, янктон-сиу — индейское племя языковой семьи сиу. Населяли восток современных штатов Северная Дакота и Южная Дакота.

Вояжёры — люди, занимавшиеся транспортировкой мехов в каноэ во время развития меховой торговли. Вояжёр — французское слово, дословно переводится как «путешественник». Этот термин использовался в Канаде и северных штатах Среднего Запада США в середине XVIII — начале XIX веков, когда перемещение на большие расстояния было непростым и опасным занятием. В основном, транспортировкой меха в каноэ занимались канадские французы и, на позднем этапе торговли пушниной, к этому промыслу подключились также и переселившиеся в Канаду шотландские горцы.

Сакагавея (англ. Sacagawea, также Sakakawea, Sacajawea; приблизительно 1788—1812) — молодая женщина из индейского племени северных шошонов, проживавшего на территории, где сейчас находится штат Айдахо. Сакагавея помогла экспедиции Льюиса и Кларка в 1804—1806 годах исследовать обширные земли на американском Западе.

Зебулон Монтгомери Пайк (5 января 1779 - 27 апреля 1813 года) - американский бригадный генерал и первопроходец, в честь которого назван гора в цепи Скалистых гор в Колорадо (Pike's Peak). В 1806 - 1807 годах он возглавил экспедицию, высланную тогдашним президентом США Томасом Джефферсоном с целью разведать и картографировать южные земли Луизианы, а также найти исток Ред-Ривер.

Монреальское каноэ (франц. *canot de maître*, англ. *montreal canoe* or *master's canoe*) достигало в длину тридцати пяти - сорока футов; оно обшивалось поверх рёбер-шпангоутов из белого кедра корой жёлтой берёзы. Гребцы, от четырёх до девяти, сидели на поперечных досках-банках в четыре дюйма шириной, которые крепились чуть ниже кромки бортов.

Батард (франц. *canot bâtard*, англ. *bastard's canoe*) достигал в длину восемнадцати - тридцати футов, которым могли управлять от двух до восьми гребцов.

Пожиратель Солонины (франц. *mangeur de lard*, англ. *porkeater*) - так назывались те вояжеры, которые ходили на короткие дистанции между Монреалем и Гранд-Портидж, и чей рацион главным образом составляла солонина. Позднее этим прозвищем вояжеры стали называть новичков.

Приболел не на шутку (франц.)

Левизия (лат. *Lewīsia*, англ. Bitter Root) — род травянистых растений семейства Монтиевые. В природе встречаются в западной части Северной Америки. Род назван в честь исследователя этого края М. Льюиса, нашедшего эти растения в 1806 году во время экспедиции с Кларком. Корни растения считались у индейцев деликатесом. Шошоны верили, что корни растения способны уберечь человека от нападения медведя.

Ассинибойны, «каменные сиу»- индейцы из группы народов сиу, обитали на севере Великих равнин с центром на территории современной канадской провинции Саскачеван; также населяли часть будущей провинции Альберта, юго-запад Манитобы, север штата Монтана и запад штата Северная Дакота. Название племени происходит от их обычая варить еду, бросая в ёмкость с водой раскалённый на огне камень.

Шошоны (англ. Shoshone) (самоназвание *нымы*, *нывы*) — североамериканская группа индейских племен, говорящих на языках юто-ацтекской языковой семьи. В период расцвета шошоны обитали на обширной территории от северного Айдахо до северной Аризоны, и от восточной Калифорнии до западной Монтаны. К первым контактам между белыми и шошонами относится переход экспедиции Льюиса и Кларка через северные земли шошонов в 1805 году и прибытие торговцев мехом в Скалистые горы в 1820-х.

Арапахо (самоназвание — *Hinóño'éíno'*, «наш народ»). Вели оседлый образ жизни и занимались земледелием, предположительно на территории современных штатов Миннесота и Северная Дакота. Переправившись через реку Миссури они мигрировали на Великие Равнины. В XIX веке арапахо подразделялись на северных и южных. Северные арапахо кочевали в районе истоков реки Норт-Платт, другая группа ушла южнее, к реке Арканзас.

от англ. asskisser - "лизоблюд".